

18+

Георгий Лебедев

ВЕТЕР
В ПУСТОТЕ

Георгий Лебедев

Ветер в пустоте

«Издательские решения»

Лебедев Г.

Ветер в пустоте / Г. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592403-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это история о молодом предпринимателе Сереже Кармякине — его житейских делах и внутренней трансформации через череду различных событий — как загадочно мистических, так и вполне заурядных. В этом сюжете есть летнее легкое настроение и знакомые многим декорации, причем сама история тоже является декорацией. Подобно тому, как рама обрамляет картину, эта история содержит Великую Тишину. Она звучит между словами, существует вне времени и никому не принадлежит, так же как небо, солнце или луна.

ISBN 978-5-00-592403-2

© Лебедев Г.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Disclaimer	7
Эпиграф	8
Посвящается всем живым существам, ищущим дорогу к свету	9
Часть 1. Сквозняк на душе	10
О пользе поворотников	10
Здравствуй, чай	14
Какой у тебя жанр?	21
Ковер-самолет	27
Натуральный ГТА	32
Открыть заслонку	40
В поисках свободы	46
Часть 2. В дорогу	54
Инициация	54
Посылка	59
Скафандр	62
Там, где нас нет	67
Вопрос-ответ	69
Николай	75
Главная привычка	85
«Сны о чем-то большем»	89
Многовато басов	91
Естественный отбор	98
Часть 3. Здравствуй, мир	106
Уроборос	106
Духовка	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ветер в пустоте

Георгий Лебедев

Иллюстратор Дарья Лебедева

Дизайнер обложки Евгений Амбросимов

© Георгий Лебедев, 2026

© Дарья Лебедева, иллюстрации, 2026

© Евгений Амбросимов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0059-2403-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мир видится мне связанным и многослойным, поэтому в романе присутствует несколько смысловых уровней. В нем есть история о молодом предпринимателе Сереже Кармякине – его радостях, рефлексии, друзьях и внутренней трансформации через череду различных событий – как загадочно мистических, так и вполне заурядных. В этом сюжете есть летнее легкое настроение и декорации, которые могут вызвать у некоторых читателей радость узнавания мест и деталей.

В свою очередь вся эта история тоже является фоновой декорацией. Подобно тому, как оправа держит драгоценный камень, или рама обрамляет картину, эта история содержит Великую Тишину, которую нельзя передать словами. Она звучит между ними, существует вне времени и пространства, и никому не принадлежит, также как небо, солнце или луна. С момента прихода в этот мир, люди задаются вечными вопросами, слушают Тишину, и ее ответы начинают звучать в них. Они проявляются через слова, музыку, голос, танец, визуальные образы, формулы и открытия, кино и театр.

Хотя «Дао, выраженное словами не есть постоянное Дао» и сами по себе слова не могут охватить и передать *Великое Запределье*, они позволяют указать направление, в конце которого сверкает его ускользающий отблеск. Он напоминает, что где-то там, так далеко, что отсюда не видно, есть дом, куда нам однажды предстоит вернуться. И это главное путешествие, ради которого мы все здесь оказались.

Эта книга о том, что все слова, события и явления проходят один путь. Как и любой звук они рождаются из *Великий Тишины*, звучат, и затихают, возвращаясь в нее. Я постарался передать Эхо этой Тишины между слов. Для меня оно звучит как Ветер в Пустоте. А как оно звучит для вас – решать вам.

Георгий Лебедев, весна 2021

Disclaimer

Действие романа происходит в параллельной версии Москвы и других упомянутых в тексте мест. Мнения героев и их реплики не являются выражением позиции автора и служат для достижения яркости и глубины художественного эффекта, делая персонажей более выпуклыми и фактурными.

Эпиграф

*«Чтобы открыть новые континенты, нужно набраться смелости и отпустить из виду знакомые берега»
Роберт Бир, мастер тибетской росписи*

*«Подобно многим великим путешественникам я видел больше, чем я помню. И помню больше, чем я видел.»
Benjamin Disraeli, премьер министр Англии*

*«В реальности каждый читатель читает в самом себе. Книга – это только своего рода оптический инструмент, предоставленный чтецу, чтобы последний распознал предметы, которых без этой книги, быть может, он не отыскал бы в своей душе.»
Марсель Пруст, «Обретенное время»*

*«Знание можно передать, мудрость же – никогда. Ее можно найти, ею можно жить, ее можно сделать своим парусом, ею можно творить чудеса, но облечь ее в слова, научить ей кого-либо невозможно. Это и есть то, что я чувствовал еще юношей, что увело меня прочь от всех учителей.»
Герман Гессе, «Сиддхартха»*

*«Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао»
Дао дэ цзин*

*Живые существа бесчисленны, и я клянусь освободить их.
Жадность, ненависть и невежество проявляются непрерывно, и я клянусь освободиться от них.
Реальность безгранична, и я клянусь объять её.
Путь пробуждения бесконечен, и я клянусь пройти его.
Обет Боддхисаттвы*

*...
Как на сновидение, иллюзию,
Как на отражение и пузыри на воде,
Как на росу и молнию,
Так следует смотреть на все деятельные дхармы.
Алмазная сутра*

**Посвящается всем живым
существам, ищущим дорогу к свету**

Sabbe sattā sukhi hontu

Lokah samastah sukhino bhavantu

May all sentient beings be well, peaceful and happy

Пусть все живые существа будут счастливы и благополучны

Часть 1. Сквозняк на душе

О пользе поворотников

Сережа взялся на край стола и резко крутанулся. Жалобно скрипнув, кресло под ним сделало полтора оборота, так что дверь кабинета оказалась прямо по курсу, и Сережа счел это несомненным знаком, что пора сделать перерыв и прогуляться.

Такие игры или, точнее сказать, заигрывания со знаками начались у него еще в школе, когда он старался ходить по плитке, не наступая на ее границы, считал симметричное время на электронных часах особо благоприятным, или загадывал исход интересующего события по тому, какой из двух подъездных лифтов откроется: большой означал удачу, маленький – провал. Достаточно скоро он обнаружил, что если колесо судьбы норовит укатиться в сторону, его можно «подрулить». Если открывался маленький лифт, нужно было в него войти, нажать кнопку любого этажа и сразу же отменить выбор. Большой лифт при этом автоматически начал спускаться на первый этаж, поэтому оставалось просто выйти и дожидаться его. В глубине души Сережа понимал, что подобные подруливания больше напоминают не диалог с Мирозданием, а игру левой руки с правой, как попытку обойти собой же придуманные правила. Однако менее сладкой игра от этого не становилась.

Позднее, в старших классах, он встретил у Толстого сцену, где князь Андрей загадывал свою женитьбу по тому, к кому Наташа первой подойдет на балу. Прочитав это, Сережа понял, что люди давно развлекаются схожими играми. В неявных попытках ответить на вопрос о свободе выбора они перекраивали свой внутренний нарратив, делая вопрос менее колючим. В общем, это хорошо описывалось историей про Эйнштейна, который говорил, что подкова над его дверью помогает даже тем, кто, как и он, совсем не верит в приметы.

Сережа посмотрел на монитор, где были открыты макеты будущего приложения, а затем перевел взгляд на синий тренажер Powerball, лежащий рядом с клавиатурой. Несколько раз подбросил его на ладони, покачал головой и вернул на место.

«Пойду пройдуся», – вполголоса сказал он и поднялся. Привычка иногда комментировать вслух свои действия возникла еще в детстве, и Сережа ее почти не замечал, но именно сегодня эта собственная реплика показалась ему странной. Будто одна его часть что-то решила и сообщила другой, чтобы поставить ее в известность и получить одобрение.

Он подошел к столу справа с двумя сферическими мониторами и насыпал из пакетика корм в круглый аквариум с маленькой голубкой рыбкой и карикатурной надписью «Не влезай – убьет». Обычно здесь сидел технический директор Вова, но сегодня он был на выезде – помогал настраивать систему одному из клиентов. Его сосед Саша руководил продажами и сейчас проводил тренинг для новых сотрудников. Слева от Сережи, за столом из темного дерева располагалось место Кости – его давнего друга и бизнес-партнера – он был в командировке. И, наконец, у двери сидела координатор проекта Света – она вышла на обед.

Проходя мимо ее стола, Сережа заметил стопку одинаковых прямоугольных бумажек, похожих на заготовки для настольной игры – кажется, в ней требовалось объяснять содержимое карточки жестами или рисовать. Он вытащил наугад одну карточку и перевернул:

«Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует.»

Альбер Камю.

Выйдя из комнаты и прикрыв за собой стеклянную дверь, Сережа покосился на табличку «Спецпроекты» и нахмурился. Кабинет достался им полгода назад, когда их с Костей компания Мандельвакс была поглощена Вайме. Маленький подвальный стартап из нескольких человек

стал отделом внутри корпорации, где число сотрудников давно измерялось десятками тысяч. Первый месяц все профильные новостные издания активно обсуждали сделку и публиковали интервью с ребятами, а потом ажиотаж улегся, и потекли обычные рабочие дни.

Вайме активно скупала перспективные проекты и даже построила для них отдельное крыло в своем центральном офисе. Правда, сроки его открытия уже несколько раз сдвигались, так что ожидающие расселения команды кочевали по временным кабинетам.

Все эти полгода табличку «Спецпроекты» обещали поменять, но, как это порой случается, где-то в извилистой и длинной цепочке корпоративных шестеренок возникала пробуксовка. Строго говоря, табличка не создавала никаких проблем для работы, и даже нравилась некоторым ребятам в команде своей абстрактностью и приставкой «спец». Но Сереже и Косте она каждый раз напоминала о неповоротливости и сложности корпоративной машины, внутри которой они оказались.

Кроме спецпроектов, у Мандельвакса была комната этажом ниже, где сидели разработчики и продавцы, число которых росло с каждой неделей. Саша регулярно ворчал, что сидит слишком далеко от своих солдат, но перебираться к ним, однако, не спешил.

Сережа шел по длинному коридору, устеленному ярким горчичным ковролином с черными изогнутыми штрихами. Навстречу плыл пестрый оживленный поток людей, некоторым из которых он кивал или протягивал руку. Кто-то проезжал на самокатах, роликах, гироскутерах и других колесных приспособлениях, названий которых Сережа даже не знал. За эти месяцы он уже привык к разнообразию персонажей, населявших корпоративное государство Ваймэ, и сейчас скользил между ними, почти не замечая.

Один товарищ как-то показал ему трюк – смотреть на происходящее, как на сюжет из передачи «В мире животных». Это придавало житейским ситуациям комичность и глубину. Излишняя важность, которой люди часто наделяли свои дела, снижалась, позволяя увидеть картину в новой перспективе. Вот и сейчас где-то на периферии внимания зазвучал характерный голос Николая Дроздова: «А теперь давайте посмотрим, как живут обезьяны в их естественной среде обитания. Здесь обитают десятки разных видов. Многие из них выглядят крайне экзотично, но не будем забывать, что их пестрый необычный окрас служит главным образом для того, чтобы привлечь полового партнера и выполнить задачу размножения.»

Странный в сущности ритуал, – думал Сережа после очередного рукопожатия, – трогать при встрече обезьяну своего пола за лапу. Он попытался вспомнить, когда это началось, и мысленно перенесся в школьные времена. Кажется где-то в средних классах мальчики стали перед первым уроком с важным видом жать друг другу руку. Возможно, это случилось после летних каникул, когда все встречались чуть другими, чем расстались три месяца назад. Кто-то стал выше, толще или тоньше, менялись стрижки. У девочек появлялась грудь, они начинали носить косметику и украшения, у мальчиков ломался голос и вылезали прыщи, у некоторых начинали расти смешные усики.

Пожимать руку при встрече было ритуалом взрослых, который, подобно многим другим их ритуалам, точно и слепо копируется подрастающим поколением. Так оно пытается быстрее прийти к свободе, которой, как кажется из детства, у взрослых гораздо больше.

Погрузившись в школьные воспоминания, Сережа вдруг увидел коридор Вайме «школьными» глазами. Если смотреть «оттуда», из школы, то идущие навстречу казались очень взрослыми, деловыми и самостоятельными. Но если он смотрел на них сегодняшним взглядом, то казалось, что это по-прежнему школа, только не десятый класс, а двадцать третий.

Ему вспомнился их школьный выпуск, фотографии одноклассников пронеслись перед глазами пестрой лентой и исчезли. Как странно все-таки складываются судьбы – во время учебы школьные распорядки и события создавали для всех единый объединяющий контекст. Но уже через год после окончания жизненный ветер разнес всех в разные точки, из которых

каждый пошел дальше своей тропинкой. А еще через несколько лет оказалось, что школьные показатели влияют на жизнь совсем не так, как рассказывали учителя.

Многие выделявшиеся раньше фигуры – отличники, призеры олимпиад или наоборот яркие хулиганы, потерялись в бурлящем жизненном потоке. Зато некоторые незаметные прежде персонажи порой обретали социальный вес и признание. «Может, о чем-то таком и хотел сказать Камю? Но какой тогда должна быть школа, чтобы действительно помогать в дальнейшей жизни?, – размышлял Сережа. – От чего вообще зависит эта дальнейшая жизнь? Как мы принимаем решения? Вероятно в основе любого выбора так или иначе лежат категории добра и зла, правильного и неправильного. Но если так, то почему они насколько отличаются у разных людей? Разные сказки в детстве читали?»

Он остановился в просторной светлой рекреации, где группа людей жонглировала цветными мячиками. «Интересно, – продолжал он, прислоняясь к стене, – вот они жонглируют сейчас, а о чем каждый думает? Я, например, стою и вроде бы смотрю на них, но на деле брожу где-то по школьным закоулкам.»

Словно намагниченные, мысли снова потекли к школе, но теперь вместо одноклассников Сереже вспомнились портреты Толстого и Достоевского, висевшие в школьном кабинете литературы. Он вспомнил, как прочел на летних каникулах полагавшиеся по школьной программе произведения и был поражен, что можно так точно описывать человеческий внутренний мир. Классики рассказывали о переживаниях, которые он на тот момент не мог сформулировать даже для себя. Благодаря им он реабилитировал мысли и чувства, которые прежде считал зазорными и старался обходить и даже подавлять. В результате этой амнистии часть ожесточенных боев с самим собой постепенно прекратилась.

Поделиться этой радостью, правда, тогда было не с кем – почти никто его не понимал. А те, кто говорили, что понимают, явно делали это как-то по-своему, и тогда он впервые ненадолго задумался о том, что каждый человек смотрит свое особое жизненное кино, не похожее на другие.

Так или иначе, сейчас и Толстой и Достоевский были перед ним и смотрели на него строго и внимательно.

– Может я псих? Почему я в офисном коридоре думаю о какой-то невнятной ерунде? – подумал Сережа и осторожно посмотрел на классиков.

Толстой слегка нахмурился, тряхнул своей бородой и беззвучно подвигал губами, будто что-то прожевал. Сережа трактовал это как «Что за глупости, право. Шли бы лучше делом занялись». А вот Достоевский как-то маниакально вытаращил глаза и радостно закивал головой. «Известное дело, сударь. Натуральный псих и есть».

Сережа поморщился и, оттолкнувшись плечом от стены, шагнул назад в коридор. Что-то резко толкнуло его в спину и сильно ударило в затылок, отчего он полетел вперед, раскинув руки, а потом перед глазами потемнело.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на полу там же, где упал, и какая-то женщина брызгает ему водой в лицо и внимательно смотрит в глаза. В собравшейся вокруг небольшой толпе раздались радостные возгласы.

– Что случилось? – спросил Сережа, приподнимаясь на локтях.

– Ты чего стартуешь без поворотников? – хмуро пробурчал лохматый здоровяк, потирая лоб, где быстро набухла шишка. – Шагнул под меня. Вот и вся история.

– А ты сам-то куда так разогнался по коридору с пешеходами? – не поворачиваясь к нему спросила женщина. – Посмотри куда у тебя наушники улетели от такой скорости.

Для перебранки сил было маловато. Сережа смерил здоровяка презрительным взглядом и взял у женщины стакан с водой.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – У тебя был короткий обморок. Тошнота или головокружение есть?

– Нет, – Сережа осторожно покрутил головой и чуть подвигал конечностями. Голова только болит немного. Вы врач?

– Когда этого требует ситуация, – улыбнулась она. – Если появится головокружение – не тяни, иди в поликлинику.

– Спасибо.

Сережа сел на полу и кивнул людям вокруг, давая понять, что шоу закончилось и можно расходиться.

Толстяк переступил с ноги на ногу.

– Ну ладно, ты извини, что так вышло. Я, сам понимаешь, не хотел, – скороговоркой сказал он и протянул руку, помогая Сереже подняться.

– Александр.

– Сергей.

– Ну, будем знакомы.

Александр надел наушники, забрался на доску и укатился в толпу.

«Хорошо хоть не сказал „очень приятно“», – подумал Сережа и почувствовал на поясе характерную вибрацию: звонил рабочий телефон.

– Сережа, привет. Сильно занят? Заглянешь? А то ведь чай сам себя не попьет, – раздался в трубке веселый голос Михаила.

– Привет. Я тут попал в небольшое ДТП в коридоре, – отозвался Сережа с легким смешком. – Но уже все в порядке, могу идти. Вы удачно позвонили, я как раз вышел прогуляться.

– Хорошо, что все хорошо, – отозвался Михаил. – Ставлю воду кипятиться.

– Иду.

Он убедился, что путь свободен и влился в оживленный поток. Офис Вайме в дневные часы давно стал напоминать многоярусный гудящий город или большой муравейник. Где-то внутри головы снова откашлялся Николай Дроздов: «А вот и наш герой – задумчивый муравьишка. Маленькое дорожное приключение не испортило нашему герою настроение, а только приободрило его и напомнило, что не стоит отвлекаться на дороге».

Сережа свернул на лестницу и стал спускаться, быстро перебирая ногами. Несмотря на скорость, он заметил, что старается по возможности не наступать на границы плиток, и это его развеселило. Ему показалось, что мальчишка-школьник подмигнул ему из прошлого, и он подмигнул ему в ответ.

Здравствуй, чай

Кабинет Михаила располагался в «пещере» двумя этажами ниже. По первоначальному проекту, каждый этаж офиса отражал различную климатическую зону. Комната Сережиной команды располагалась в «тайге», а кабинет Михаила – в «джунглях».

Пещера представляла собой комнату в форме вытянутого неправильного многоугольника с двумя стеклянными стенами. Остальные стены были образованы огромной искусственной скалой, сделанной из какого-то легкого пористого материала. Внутри пещеры журчала искусственная река и периодически ухала сова. В целом все это напоминало какой-то аттракцион из детского парка развлечений и не очень сочеталась с серьезными лицами людей, которые приходили к Михаилу – его гости в основном были из самой верхушки Вайме. Поговаривали, что ему несколько раз предлагали перебраться на верхний этаж к ним, но он отказывался.

Чем именно Михаил занимался в компании Сережа не знал. Кажется, что-то вроде психотерапии или коучинга для высшего руководства. Впрочем, Сережу это не особо интересовало. Вскоре после того, как многопалубный лайнер Вайме заглотил лодочку Мандельвакса, интереса вообще стало мало. Манящие прежде цели были достигнуты, а новые появляться пока не спешили. Разбираться во внутрикорпоративных течениях было скучно, но по-человечески Михаил сразу показался Сереже интересным.

Они познакомились месяц назад за бильярдным столом. В конце рабочего дня там собирались любители пула, чтобы расслабиться и переждать дорожные пробки. Михаил держал трон уже несколько партий, когда Сережа зашел «на новенького» и неожиданно для себя выиграл. С той поры они приветливо здоровались при встрече, и Михаил обещал позвать его на чай.

И вот сейчас, спускаясь по лестнице, Сережа понял, что не просто рад этому приглашению, а давно его ждал. Михаил был заметно старше и излучал такое ясное спокойствие, что, казалось, разговор с ним может помочь прибрать растерянность и опустошенность, которые царили в Сережиной голове после сделки.

Когда он зашел в комнату, Михаил стоял у стола и, слегка наклонившись, рассматривал на большом мониторе развесистую цветную схему. Сережа никогда не видел его в костюме и очень редко – в пиджаке. Вот и сейчас на нем были горчичные штаны, ярко синие кеды и темно-синий свитер с вырезом, в котором на загорелой груди висел какой-то замысловатый символ, окруженный восточным орнаментом.

В офисе было много людей, которые одевались куда более ярко, необычно и даже вычурно, но в случае Михаила одежда сидела как-то особенно изящно и красиво. Как будто каждая вещь шилась специально для него и потому сидела идеально.

– Ребята, это слишком быстро, – говорил он в гарнитуру невидимым собеседникам. – Предлагаю запросить еще полгода.

Голос у Михаила был низкий и бархатный, с хорошей, как у диктора, дикцией. Заметив Сережу, он коротко кивнул и беззвучно произнес губами «привет».

– А впрочем давайте попробуем, – сказал он в гарнитуру. – Я согласен. Конец связи.

Он снял гарнитуру, выключил монитор и повернулся к Сереже.

На вид ему было чуть за пятьдесят. Средний рост, короткий седой ежик, лучистые морщинки вокруг серых глаз, которые смотрели прямо и внимательно. Его лицо не было примером модельной красоты, но в нем чувствовались харизма и магнетизм.

– Вот видишь – все происходит вовремя, – сказал он улыбаясь и протягивая руку.

– Что, например?

– Ты погулять вышел, а я как раз решил тебя позвать.

– Это да. Тайминг у вас что надо, – согласился Сережа.

– Вот именно – тайминг. В нем вся магия и есть. Тот, кто умеет распознать правильный момент, тратит гораздо меньше сил.

– Правильный момент для чего?

– Для всего. Вот продал бы ты свой... эээ... «Мандельвакс» другим ребятам, которые делали вам предложения до Вайме, и как бы мы с тобой сейчас чай пили? – Михаил, посмеиваясь, взял с полки несколько деревянных коробочек с иероглифами.

– Да уж, – Сережа ответил медленно, растягивая слова и пытаясь сообразить, откуда Михаил знает про другие предложения. – Тогда бы, выходит, не пили.

– Пить-то пили бы, да только не совсем мы, – усмехнулся Михаил, перебирая коробочки.

– Ты проходи, устраивайся. Вон и чайник как раз закипел. Садись, выключай.

В углу «пещеры» стоял низкий деревянный стол, вокруг которого лежали цветные подушки. На столе кроме чайной доски стояла портативная газовая горелка с красивым стеклянным чайником, в котором кипела вода. Выключив горелку, Сережа сел на подушку, придвинув ее к стене, чтобы можно было опереться. Михаил устроился напротив и насыпал из деревянной коробочки чай в маленькую фарфоровую плошку, с одной стороны которой была выемка. «Вот, познакомься», – протянул он плошку Сереже.

– Привет, чай, – усмехнулся Сережа, поглядел на мелкие темные скрученные листья в плошке и понюхал их – запах был едва различим.

– Эээ, брат, ты похоже не бывал прежде на чайных церемониях, – посмотрел на него Михаил с улыбкой.

– Не бывал, – чуть смутился Сережа. – А что нужно делать? Тут какие-то правила?

– Скорее ритуал. Это чахэ – чайная коробочка для знакомства с чаем. Ты опускаешь в нее нос, легонько выдыхаешь, чтобы разбудить чайный дух, а затем вдыхаешь, выпуская его в себя. – Михаил показал как подносить плошку и снова передал ее Сереже.

Оказалось, что продолговатая выемка позволяет очень удобно вставить нос. Сережа выдохнул, а затем втянул воздух. Густой и сложный запах ворвался в него, заставив на мгновение забыть обо всем другом. Запах был необычный и приятный, Сереже почудилось в нем что-то старое, сильное и даже живое. Видимо при выдохе теплый воздух из носа согревал листья, отчего они начинали сильнее пахнуть. Он еще несколько раз выдохнул и вдохнул, а затем вернул плошку Михаилу.

– Не знаю насчет духа, но запах я точно разбудил.

– Хорошо. Ну как ты поживаешь? Давно тебя за бильярдом не видно.

– Да вроде нормально. Только драйва маловато, – осторожно сказал Сережа, прикидывая, стоит ли начать такой разговор.

– «Нормально», да еще «вроде» – обычно означает, что не очень. Сейчас тебе чай поможет, – снова подмигнул он. – А ты пока рассказывай – чего приуныл? Трудно быть миллионером?

Михаил пересыпал чай в другую фарфоровую чашку без ручки, залил горячей водой и прикрыл крышкой. Сережа понял, что его смущает скорость, с которой разговор принял это непростое направление. С одной стороны, он шел к Михаилу в надежде, что тот ему поможет, но открыто рассказывать о тревожащих его мыслях и чувствах было некомфортно. «А вдруг он расскажет руководству, что в недавно купленном активе один основатель хандрит», – с опаской подумал он. – «Да и рассказывать не надо ничего, посмотрят запись с камер, послушают разговор, и все дела».

Михаил слил воду и залил новую.

– Ты не волнуйся, – сказал он, помешивая чай крышкой, – у меня работа такая – слушать подобные истории. И про приватность не переживай – все камеры и микрофоны в этой комнате отключены и заклеены, сам делал.

В его бархатном голосе были какие-то чарующие нотки, отчего он показался Сереже волшебным котом из сказочного мультфильма.

– Давай я за тебя начну, а ты подхватишь, – мурлыкнул кот.

Вы с Костей увидели идею для бизнеса, собрали прототип, запустили, нашли первых клиентов, увидели, что тема быстро взлетает, докрутили продукт до приличного уровня, вышли на уверенную прибыль и продались профильному игроку по хорошей оценке. Это же кейс как из учебника, я слышал, что ты сам теперь выступаешь и рассказываешь другим, как такое сделать. Или ты не хотел продаваться?

– Да в том-то и дело, – решившись, начал Сережа, медленно нащупывая слова, – что я не знаю, чего хотел. Просто делал что-то, что получалось и нравилось. Мы предполагали, что будет сделка в итоге, но деталей не планировали. А когда пошли предложения, то все быстро закрутилось. Нас со всех сторон торопили, подгоняли, пугали и завлекали, так что сделка виделась не исполнением мечты, а красивым способом прекратить эту суету и заручиться поддержкой крупного сильного игрока с мощными ресурсами. Я почему-то думал, что начнется новая глава, в которой будет больше денег, возможностей, и главное – свободы.

Сережа замолчал, глядя, как Михаил разливает чай в красивые фарфоровые чашки без ручек.

– И глава действительно началась, но она какая-то невеселая. Во всяком случае, пока. Миллионы есть, но существуют пока только на бумаге, я их потрогать не могу, выплаты размазаны на два года. Часть, конечно, заплатили, но дело даже не в этом, денег и раньше было достаточно. Главное, что драйв пропал, работать как раньше не хочется, а свободы даже меньше стало. Странно наверное, что я такое говорю, да? Ну я это чисто между нами.

– Ну-ка, держи, – сказал Михаил, протягивая ему чашку из тонкого фарфора. – Специальная заварка для искателей свободы. – На столе зазвонил телефон, и он встал ответить.

Чай и правда был необычный. Помимо многослойного бархатного вкуса в нем было что-то еще, трудновыразимое словами, как и в запахе. Что-то сильное и как будто разумное. Залпом опрокинув чашку, Сережа хотел поставить ее на стол, но его внимание привлек тонкий замысловатый узор на стенках. Узор словно просил себя рассмотреть, звал за собой. Медленно поворачивая чашку, Сережа погрузился в сложные хитросплетения тонкой росписи и не заметил, что Михаил уже вернулся, снова сел напротив и смотрит на него.

– Нравится? – спросил Михаил.

– Ага, – ответил Сережа, возвращаясь из оцепенения.

– Насчет «странно звучит» ты не переживай. Я привык странные вещи слушать. Ты сказал, что не знаешь, чего хотел до сделки. А сейчас знаешь, чего хочешь?

Видимо для Михаила подобные разговоры действительно были обычным делом. Даже в те редкие моменты, когда Сережа сам себе задавал вопрос чего он хочет, ему не удавалось как следует над ним подумать, он быстро соскальзывал в шутку или менял тему. Но сейчас он ощущал в комнате доверительное внимание, которое помогало держать фокус и внушало чувство безопасности.

– Нет, – покачал он головой, – не знаю. Раньше казалось, что знаю. А сейчас вижу, что нет. И более того, сейчас кажется, что и раньше не знал, просто придумал себе что-то. Я вот шел сюда по коридору, смотрел на людей и думал, что в каком-то смысле мы все еще в школе. Что это такое вообще – «быть взрослым»? Кто это такие – взрослые? Явно же не возраст в паспорте и не социальный статус и наличие детей. А что? Где граница между взрослыми и детьми? В школе мне казалось, что 30 лет – это уже взрослый. Ну вот мне 30, и я себя взрослым не ощущаю, вопросов только больше становится. Причем даже где их не было, теперь они есть. Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Правильно ли я живу? Существует ли предназначение? И вопросы эти мешают радоваться.

Сережа выпил чай и продолжил:

– Когда мы начали Мандельвакс, я кайфовал, что мы работаем когда хотим. А хотели мы почти круглосуточно, потому что, как уже сказал, было интересно и получалось. Иногда даже ночевали в офисе, и это тоже было классно. Я чувствовал, что мы хозяева процесса. А сейчас, когда кроме нас есть другие хозяева, тот драйв ушел.

– Понимаю, – кивнул Михаил, подливая ему чай. – Когда мы сами создаем свои распорядки, они нас поддерживают и помогают. Но внешние распорядки воспринимаются как насилие и вызывают сопротивление. Особенно, если прежде их не было. Вопросы твои хорошие, не переживай. В том смысле, что они тебя ведут к развитию. И то, что их становится больше, это тоже хорошо. Ты взрослеешь.

– Т.е. я все-таки еще не вырос? – усмехнулся Сережа. – Не зря мне школа мерещится?

– «Взрослый» – это относительное понятие. «Взросление» – непрерывный процесс, продолжающийся между рождением и смертью, и в нем нет стадии, когда можно сказать, что теперь человек стал полностью взрослым. Основная часть тех, кого принято называть «взрослыми» – это подростки, которые потерялись в бытовой рутине и социальных ролях, которые старательно играют.

Некоторое время Сережа молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

– А почему вы сказали, что я взрослею?

– Твои вопросы показывают, что текущая жизненная парадигма не способна адекватно интерпретировать проживаемый опыт. Костюмчик стал маловат. Сейчас объясню, – кивнул в ответ на вопросительный взгляд Сережи.

– Нашу Личность можно сравнить с костюмом. Какое-то время он сидит хорошо, но по мере взросления и роста начинает потрескивать по швам. Это как раз то, что происходит у тебя. Появляется неудовлетворенность, из нее вырастают вопросы, и вместе они стимулируют и направляют поиск, который будет продолжаться, пока картина мира не расширится и костюм не перешьется под новый размер. По такому шаблону трансформируются любые живые системы, даже ваш Мандельвакс. Можешь почитать про «Путь героя», если раньше не слышал.

– Кажется я вообще ничего не понял, – честно сказал Сережа после паузы.

– Ясно, – засмеялся Михаил. – В личном и духовном развитии шаблон трансформации живых систем, он же «Путь Героя», хорошо иллюстрируется историей о Сиддхартхе, написанной Германом Гессе 100 лет назад. Молодой брамин овладевает духовными знаниями и практиками под руководством своего отца и его друзей-браминов. Он демонстрирует выдающиеся способности, но сердце его остается безрадостным, а ум – полным беспокойных мыслей. Знания не приносят ему счастья, из них не рождается мудрость, и тогда он отправляется на ее поиски, не зная на сопротивление отца. Сиддхартха покидает вместе со своим другом родную деревню, примкнув к группе странствующих аскетов, и так начинается его путешествие за Истиной.

Сережа чувствовал, что Михаил пытается ему что-то донести, но суть послания ускользала, а обертка выглядела просто далекой и абстрактной сказочной историей.

Михаил видимо это почувствовал.

– Вот придумал только что пример компьютерный специально для себя. Хочешь? Или поговорим о чем-нибудь другом? Про бильярд, например.

– Давайте попробуем пример компьютерный.

– У тебя какая операционка на компьютере?

– Mac OS Catalina.

– Хорошо. А 10 лет назад какая была?

– Не помню уже, – Сережа посмотрел куда-то в поток, вспоминая. – Тогда вроде у них кошки были разные. Тигр, Снежный Барс, Лев. Что-то из этого.

– Представь, что у тебя есть некий друг, который так любит тех кошек, что до сих пор «ездит» на Льве. И ты ему посылаешь сегодня файл, который он на этом своем Льве прочитать не может. Возможно такое?

– Ну, чисто умозрительно возможно, да.

– Что ему делать?

– Обновиться, если у него железо тянет, либо купить новый компьютер.

– Железо у него очень хорошее, – усмехнулся Михаил. – Он даже не догадывается насколько. А вот обновиться стоит – да. Вот собственно и все.

– Что все?

Сереже показалось, что Михаил поглядел на него с сочувствием.

– Твой друг в этом примере – это ты. Операционная система – это Серёжин ум, его основной инструмент для сборки и познания этого мира. Файлы из будущего – это фрагменты твоего уникального кода. Они постепенно открываются по мере взросления. Чтобы они могли быть корректно активированы и интегрированы, их нужно распознать и как-то интерпретировать, а для этого требуется обновить систему, то есть развить специальным образом ум.

Михаил взял у него из рук чашку, наполнил ее и вернул.

– А при чем тут вопросы и их количество?

– При том, что серьезное обновление начинается обычно с кризиса, когда старые смыслы теряются, а новые пока не созрели. Постепенно возникают вопросы, и начинается поиск. Ответы будут находиться, меняться, теряться – это не так важно. Важно, что через этот процесс поиска ответов постепенно компилируется новая ОС. Примерно так, если вкратце. Получилось попроще или нет?

– Честно говоря, слишком абстрактно пока. Можете на примерах пояснить?

– Давай на примерах. Вот ты пьешь чай – откуда ты знаешь, что он нормальной температуры и ты не обожжешься?

– Так это уже четвертая чашка.

– А когда была первая?

Сережа задумался.

– Ну, во-первых, я чувствую пальцами температуру чашки, и дальше, когда подношу ее близко к губам, то чувствую, если жидкость в ней слишком горячая.

– А откуда берется это «слишком»? Ты когда-нибудь обжигался?

– Бывало, конечно. Давно.

Михаил наполнил чашки, коротко посмотрел на экран телефона, чуть помолчал, словно примеряясь перед ходом.

– Наше знание бывает трех типов, – начал он. – Первое – это аксиоматическое, когда ты что-то услышал или прочел и взял это на веру. Такое знание точнее будет назвать даже не знанием, а информацией. Например, родители сказали ребенку, что пить дымящийся чай не надо, потому что можно обжечься, а это больно. Он доверяет родителям и знает, что «боль» – это неприятно, так что делает, как они сказали.

Второй тип – это интеллектуальное знание. Ребенок подрастает и начинает встречать понятие температуры. Он узнает, что температура его тела составляет 36 градусов, а температура закипевшего чайника близка к ста градусам, и по сравнению с телом это горячо.

Так продолжается еще какое-то время, но однажды ему попадается стаканчик с горячим чаем, который закрыт крышкой, и он не замечает поднимающийся пар, пьет и обжигается. В этот момент случается третий тип знания – сущностный, то есть непосредственно прожитый. Это самое глубокое и сильное знание. Пока все ясно?

– Пока да. Практика важнее теории. Нас с Костей сейчас часто зовут на конференции разные про стартапы, и там сразу чувствуется, когда теоретик говорит, а когда практик.

– Совершенно верно. Но видно это не всем, а только тем, кто сам практик в данном вопросе.

– Да, пожалуй. А что дальше?

– А на этом, собственно, все, – улыбнулся Михаил. – Все человеческое развитие является эхом того, что ты только что услышал. Большинство из того, что обычный человек знает о жизни, относится к первому и второму типам – все основные вопросы люди приняли на веру от других людей или из книг. В результате люди думают, что они знают, но по факту не знают. Прочитать инструкцию или посмотреть ролик о том, как ездить на велосипеде, и уметь кататься на велосипеде – это разные вещи, как понимаешь. И развитие заключается в том, чтобы перевести эти знания первого и второго типа в третий тип. Так информация превращается в мудрость, и происходит постижение происходящего.

– Все правда так просто или есть подвох? – недоверчиво спросил Сережа.

– Конечно есть. На примере с чаем, конференцией или велосипедом все кажется очевидным, но хитрость в том, что эта идея касается вообще любого знания, и в том числе твоих вопросов. Что такое время, что такое «я», откуда я взялся, где я сейчас и зачем я тут, что такое «хорошо» и «плохо» и так далее. Пока нет ответов на эти вопросы, люди пользуются разными фиксированными правилами, чтобы ориентироваться по жизни. Так в разных учениях и религиях возникают заповеди и своды правил. Они в большинстве верные, но слова не могут отразить стоящей за ними многомерности, и потому вокруг любых правил и заповедей всегда будут разночтения, порождающие бесконечные споры тех, кто смотрит на палец, а не на Луну.

Сережа вопросительно на него посмотрел.

– Есть такое древнее изречение. Когда палец указывает на Луну, – Михаил поднял указательный палец, то умный смотрит на Луну, а дурак – на палец. Идея в том, что слова – это не знание, а указатель на него. Каждый слушатель трактует этот указатель в соответствии со своей жизненной картой, или «операционной системой», как мы сегодня придумали. А если следовать за словами буквально, то никуда не придешь.

– Я понимаю, – кивнул Сережа. – Иногда сам поражаюсь, как некоторые сотрудники криво понимают мои слова. Как будто у нас разный язык.

– Язык один, но карты разные. Это типичная ситуация, потому что собственник и сотрудник находятся на разных стадиях внутренней зрелости в вопросах инициативы, ответственности, риска и тому подобное.

– То есть у них разные «операционные системы»?

– Да. При этом нельзя сказать, что система собственника однозначно лучше, чем у сотрудника. Она просто больше подходит для построения бизнеса. Ну как – теперь стало яснее?

– Да, стало. Но, чувствую, еще будет перебариваться. А вы здесь в Ваймэ тренинги ведете какие-то?

Михаил покачал головой.

– Нет. Я обычно индивидуально работаю.

– Обновления людям ставите? – усмехнулся Сережа.

– Помогаю открывать непонятные файлы, которые они сами себе отправляют из будущего.

Они засмеялись, и он снова наполнил Сережину чашку.

– А как все-таки понять, чего я хочу?

– Люди хотят одного – счастья, но не знают, что это, и потому большую часть отмеренного им времени ищут не там. Даже те, кто интуитивно догадывается, что счастье – в свободе, не знают, что это за свобода такая и где ее взять. Вот ты сам в начале нашего разговора посетовал, что свободы меньше стало. А что это для тебя значит?

– Ну, как я сказал, драйва стало меньше, распорядки внешние появились – это напрягает. Как будто мы с Костей построили лодку, собрали команду и отправились в плавание. Приду-

мывали себе цель, составляли маршрут до нее. Если встречали по дороге красивый остров, могли остановиться и зависнуть там на некоторое время. Могли сменить курс, если хочется. Понимаете?

– Да, вполне. А сейчас как?

– А сейчас наша лодка привязана тросом к огромному лайнеру. Я не знаю, куда он следует, я видел капитана вживую всего дважды, но при этом к нам спускаются сверху какие-то указания, которым мы должны следовать, отчетность новая. Мне казалось, что сделка – это что-то освобождающее и выводящее на кардинально другой уровень – деньги, слава, статус, свобода. А оказалось не так. То есть атрибуты эти присутствуют, но радости не доставляют. Как с десертами, знаете, бывает – на картинке в меню очень красиво, а на вкус – как покрывку жуешь засахаренную. Понимаете меня?

– Как же не понять. «Весело на ощупь, да сквозняк на душе».

– Это что – цитата какая-то?

Михаил кивнул.

– Я потому и говорю, что не там люди свободу ищут, – сказал он и поджег горелку.

– А где ее искать – известно?

– Конечно. Этот вопрос заботил людей еще до нашей эры, и ответ на него давно найден. Подлинная свобода – это свобода от себя. Сложность однако в том, что этот ответ невозможно передать на словах.

– Как это?

– Я только что тебе его дал, но, как видишь, свободы у тебя не прибавилось. Как думаешь, почему?

– Операционная система старая?

– Конечно. Когда у нас старая система, мы смотрим на палец вместо Луны. Ответ, который я озвучил, должен вырваться изнутри, а за время, что он вызревает, операционка так много раз обновляется и перекомпилируется, что обнаруженная в итоге разгадка делается совершенно непонятна другим. Для них этот файл из такого далекого будущего, что большинству до него лететь еще не одну жизнь. Хотя одновременно с этим файл уже у каждого лежит на диске. И как я показал выше – он может быть выражен на том же языке, что мы используем.

Телефон пискнул, и Михаил некоторое время сосредоточенно смотрел на экран.

– Прости, на сегодня, похоже, все, мне нужно ехать. В следующий раз продолжим, если захочешь. Или просто чаю поьем, музыку послушаем, а то я тебя загрузил сегодня.

– Спасибо, – сказал Сережа, поднимаясь с пуфика. – Пойду переваривать. А где можно такой чай купить?

– Конкретно этот – нигде, но я тебе принесу похожий.

– Ты не грусти, – сказал добавил он, когда Сережа уже выходил. – Свобода тебя тоже ищет, просто чуть дальше, чем ты сейчас смотришь. Однажды вы обязательно встретитесь.

Какой у тебя жанр?

Ежемесячное внутреннее совещание Вайме, где поглощенные проекты докладывали о покорении своих рынков, перенеслось. Сережа хотел пойти в кафе, где обедала команда, но, выйдя из офиса, передумал. Комбинация хорошей погоды и свободного времени выпадала редко, а сегодня это случилось.

Стояла вторая неделя апреля, и солнце уже не только приветливо улыбалось, но и ласково пригревало, тротуары были сухими, небо – высоким и синим, а воздух между ними имел тот особый запах, по которому безошибочно узнаешь весну. Эти три фактора если и не превращали город в Европу, как многим хотелось, то, по крайней мере, делали центр очень приятным местом, по которому хотелось гулять, рассматривать его улицы, жителей и зависать в симпатичных кафе.

Офис Вайме целиком занимал здание бывшего «Новинского пассажа». С другой стороны Садового кольца была густая сеть тихих улочек со скверами и старинными домами. Сереже нравилось там гулять, заходить во дворы, разглядывать их обитателей и представлять, как все это могло выглядеть много лет назад. Кроме того, тишина и общая атмосфера этих дворов контрастировала с деловитой суетой офиса и действовала успокаивающе.

Он любил межсезонье, когда холода уже позади, а жара еще далеко. Зимнее куртки и пальто отправлялись в дальний шкаф, и можно было выгуливать пиджаки или толстовки. Из последней поездки в Италию он привез две пары обуви и три пиджака с необычным кроем, один из них был сейчас на нем. Однажды в детстве кто-то из взрослых спросил его, какое время года он любит больше. Размышляя об этом, он обнаружил, что его выбор, во многом, определялся имеющейся у него одеждой. Если она ему нравилась, а вернее, если он в ней себе нравился, то и время года автоматически становилось приятным.

Сунув руки в карманы джинсов, он неспешно шел по Большой Молчановке в сторону Поварской, глядел на витрины, прохожих и мысли. Большая их часть, подобно прохожим, возникала и исчезала, но некоторые, вместо того, чтобы исчезнуть, догоняли и начинали идти рядом, а то и вовсе накручивать вокруг него назойливые круги. Одна из таких мыслей напоминала встреченную несколько лет назад в одной бизнес-книге идею, что суть менеджерской работы заключается в постоянном решении проблем, возникающих с разных сторон. Чтобы перестать бояться и, следовательно, избегать проблем, автор предлагал поменять свое отношение к ним – относиться не как к чему-то плохому, а как к естественному ходу событий. Для этого он, в частности, предлагал называть их «задачами». Эта наивная, как показалось Сереже, замена, вызвавшая у него скептическую ухмылку, тем не менее заинтересовала его достаточно, чтобы он начал наблюдать за своей речью и внутренними рассуждениями. Спустя пару месяцев рабочие и бытовые проблемы незаметно превратились в задачи, и разница между ними оказалась значительной. Вместо «О, нет», «Что, опять?», «Сколько можно?» и других подобных привычных и подобных реакций возникал интерес и даже какой-то игровой азарт, придающий сил. «Надо же», «Хм... Интересно», «Ясно – попробуем по-другому». Тогда Сережа очень наглядно понял, как мало он о себе знает, и даже решил однажды заняться подобным самотюнингом более прицельно. Однако хандра, пришедшая вскоре после сделки, требовала какого-то иного ключа. Поглядывая на свое отражение в витринах или тонированных стеклах проезжающих машин, Сережа пытался сообразить, где на его пути случился тот поворот «не туда», после которого новые задачи перестали вызывать интерес.

Наконец он шагнул в знакомую арку, проплыл в ее прохладном сумраке и вынырнул во дворе. Если не считать нескольких маленьких фигурок на детской площадке, двор был пуст. Сережа нацелился на конкретную лавочку под большим старым тополем, однако, подойдя, увидел, что она занята, просто от арки это было незаметно. Он решил пойти к скамейке на другой

стороне двора и отчего-то прибавил шаг, будто боялся, что кто-то может его опередить, когда услышал сбоку хихиканье: «Это ты меня испугался?»

На лавочке сидела Алиса из отдела кадров Вайме, кажется, она занималась организацией внутрикорпоративных обучающих программ. Алиса пришла в Вайме вскоре после сделки с Мандельваксом, и они с Сережей познакомились на внутреннем тренинге для новых сотрудников. Сережа с Костей пошли туда, чтобы посмотреть, как Вайме организует «приземление» новых людей, и, возможно, что-то перенять.

Они с Алисой никогда не общались дальше приветствий и пары-тройки общих фраз, но это были такие приветствия и фразы, по которым оба участника обычно ясно понимают, что впереди включен зеленый свет.

Алиса была моложе него лет на пять, носила пирсинг в носу и очки в хипстерской черной оправе под цвет волос. С миниатюрным телосложением, в узких черных джинсах и бордовой пуховой жилетке, надетой поверх худи с капюшоном, ее можно было легко принять со спины за мальчишку-старшеклассника. Короткая стрижка усиливала это сходство, но тонкие черты лица и озорные, чуть насмешливые глаза выдавали молодую девушку – интересную и красивую.

Держалась Алиса не по годам уверенно и естественно. Вероятно, это было как-то связано с ее активными подростковыми переездами. Кажется, она что-то рассказывала об этом в своей вступительной речи на тренинге новичков, но деталей Сережа не помнил.

Алиса сидела с поднятым капюшоном и разворачивала бумажный пакет, в каких продают бутерброды на вынос. Рядом лежала потерянная увесистая книга.

– Привет, – сказал Сережа, подходя ближе.

– Привет-привет. Будешь сэндвич с индейкой? Хороший, я уже брала такой.

– Давай, если хороший, – Сережа сел рядом с ней и взял сверток.

– А куда ты так решительно шагал?

– Никуда. Вышел на обед, а тут весна шепчет, так что решил прогуляться и проветриться.

– Романтик.

– Ты похоже, тоже, – кивнул Сережа на книгу. – Таскать с собой такой винтажный фолиант сегодня может только романтик.

– Так и есть, – улыбнулась она, – это Ирвин Шоу. Читал?

– «Богач, бедняк»?

– Это я уже закончила. Сейчас «Нищий и вор», – Алиса засмеялась. Читал, да?

– Да, давно. – По двору пролетел порыв холодного ветра и Сережа поднял воротник пиджака.

– А сейчас чего читаешь?

– Сейчас в основном договора и меню, – усмехнулся Сережа. – Скучновато, но практично.

– Да, Михаил говорил, что ты заскучал.

– Хм, – нахмурился Сережа. – А что еще он про меня говорил? Я не знал, что вы общаетесь.

– Не ска-жу. Про-фес-си-о-наль-ная тай-на, – Алиса отчеканила слова и скорчила гримасу, изображая робота, выполняющего инструкции. Получилось смешно, и они засмеялись.

– Ну правда – он что-нибудь еще про меня говорил?

Алиса, похоже, уловила серьезность его тона, чуть помолчала, словно взвешивая следующий ход, а потом откусила сэндвич и покачала головой.

– Я не то, чтобы заскучал, просто стал больше размышлять о жизни, – решил пояснить Сережа. – Мысли разные приходят, вопросы. Вот у тебя книга лежит большая, а я как раз размышляю уже несколько дней, на какую книгу по жанру похожа моя жизнь. Что это – драма, мелодрама, приключения, фантастика?

Алиса поглядела на него с сочувствием.

– Нормально вас жмет, коллега.

– Почему жмет? Мне просто любопытно.

– Ага. Ну а ты сам какой жанр хотел бы?

– Так в том и дело, что я не знаю какой. Ты вот знаешь про себя?

Алиса несколько секунд молчала.

– Нет. И мне кажется, что никто не знает. Даже те, кто думают, что знают.

– ...

– Да ты не загоняйся про это, – Алиса откусила бутерброд. Зачем придумывать себе заведомо узкие рамки и мучительно в них залезать? С чего ты, например, решил, что это роман?

– Это не я решил. Это так считается негласно. Главы романа – это детство, школа, увлечения, институт, работа, семья и так далее. Каждая новая глава опирается на предыдущие и получается лесенка, по которой человек забирается в течение жизни.

Алиса демонстративно зевнула и засмеялась.

– Ты серьезно так думаешь?

– Не знаю. Ну может не совсем так, но как-то похоже.

– Очень непонятно, – она помотала головой. – Куда он забирается? Зачем? И опять же – почему все-таки роман? Можно просто писать рассказы с историями, которые тебе интересны. Пусть даже они никак не связаны – потом все скрепится само.

Она посмотрела на телефон, проверив время и продолжила.

– Один мой товарищ увлекается популярной психологией и периодически задает мне всякие дурацкие вопросы из разных журнальчиков психологических. И вот он недавно допытывался до меня, какие персонажи мне нравились в детстве? Вроде есть какая-то теория, что детские книжки и мультфильмы задают нам жизненные сценарии. Ну я ему и назвала: Шерлок Холмс, Сейлор-Мун, Дюймовочка. Он говорит «Хорошо. А ты видишь, что у них общего?». А я не вижу. Вот ты как думаешь?

– Хм, – Сережа ковырнул носком лежащий под скамейкой камень. – Может то, что они все выдуманы?

– Вот видишь – сразу сообразил. А я сутки мучилась, извелась вся. «Не знаю, – говорю товарищу. – Отвали со своими вопросами». А он мне тогда и сказал, что они все выдуманы. Я сначала расстроилась, подумала что же я в каких-то сказках живу. А потом поняла, что тот мир, который для многих настоящий, для меня сказка, как для многих Шерлок Холмс. Какая разница, в какую историю верить, если все выдуманы? Выбирай ту, что нравится и живи в ней. Чего – не интересно тебе это, да? – спросила она, заметив, что Сережа ушел куда-то в себя.

– Что? Я просто задумался, как они скрепятся.

– Кто?

– Ну рассказы эти отдельные, если их писать вместо романа.

Алиса пожалала плечами, как будто речь шла о чем-то совершенно очевидном.

– Как они могут не скрепиться – автор-то у них общий, сам посуди. Я потому и говорю – можно писать то, что интересно, ничего вперед не планируя. Сегодня комедия, завтра боевик, потом драма, потом сказка, трагедия, фантастика, любовь, да что угодно.

Сережа посмотрел на Алису с удивлением и уважением.

– Сама придумала или Ирвин Шоу подсказал?

– А чего тут придумывать? – хмыкнула Алиса. – Я так живу с 15 лет, как из дома ушла и в Москву уехала. У меня уже этих рассказов столько, что половину забыла.

Сережа посмотрел на нее с искренним интересом, как на редкий экспонат какой-то выставки.

– Ого. Вот это огонь.

– Это звучит как огонь, а когда ты внутри, ты так не думаешь, а просто выживаешь. Жить захочешь – и не такое сделаешь.

– То есть ты просто убежала? Без планов?

– Первый план был такой – доехать до Москвы, поселиться у подруги и там придумать основной план. Но, понятное дело, все пошло не так. У меня вообще с планами не очень. А у тебя вот, наверное, хорошо, да?

Если в ее вопросе и была ирония, то очень тонкая, и Сережа решил на нее не отвлекаться.

– Точного жизненного плана у меня никогда не было, – сказал он и с интересом отметил, что раньше об этом не думал. – Было общее представление на уровне образов, будто смотришь какие-то кадры из будущего. Или испытываешь какие-то состояния оттуда.

– Как это? – спросила Алиса.

– Не знаю, как объяснить. Когда я ребенком думал про будущее, то почти всегда, например, видел себя руководителем группы людей. А если я никем не руководил, то люди все равно приходили ко мне и слушали, или хотя бы прислушивались. И такие вещи, как машина, квартира, дом и прочие материальные вкусности подразумевались сами собой.

– А семья была?

– Семья была, но без деталей, я ее не ощущал так четко, как карьерно-денежные дела.

– А сейчас есть такие картинки?

– Сейчас нет. История с бизнесом, руководством, квартирой и машиной случилась, а что дальше – неясно.

– Странно... – протянула Алиса. – А семья?

– Семья пока не случилась. У меня отношения больше нескольких месяцев не живут. В последний раз мы встречались почти два года, это был рекорд, а потом решили сделать перерыв. У каждого были свои хотелки, которые он хотел реализовать, и в отношениях у нас это не получалось. Мне было важно компанию поднять, а она хотела изучать искусство. Поэтому я остался здесь в Москве, а она поехала учиться во Флоренцию.

– Понятно, – кивнула Алиса. – Статус «все сложно».

– Непросто, – согласился Сережа.

Алиса помолчала и продолжила:

– А я вот, наоборот, раньше жила без планов, как флюгер на ветру, а теперь нравится мечтать, превращать мечты в планы и исполнять. Хочу через год в Японию поехать – учить язык и писать сценарии для аниме. Я уже даже записалась здесь в языковую школу, после майских начну ходить на занятия.

– Классная мечта. Коро-коро кавару? («Меняться, как флюгер на ветру» (яп.))

– Точно, – засмеялась она. – Откуда знаешь – Мураками читал?

Сережа кивнул, и некоторое время они молчали. Алиса опустила капюшон и расстегнула ворот жилетки.

Сережа заметил край какой-то надписи у нее на шее.

– Я не замечал, что у тебя татуировка, что там написано?

– Да так, – Алиса смутилась. – Неудачная она получилась.

– Может подправить, если неудачная?

– Тогда для начала стоит что-то сделать с руками, – усмехнулась Алиса.

– А что с ними?

Она засучила до локтя рукава худи – предплечья были покрыты яркими цветными рисунками, напоминающими детскую тетрадь. Это был какой-то психоделический букет из цветов, птиц, оленей и дельфинов.

– М-да. Пожалуй, я тебя понимаю. Сколько тебе лет было?

– Шестнадцать, и мне казалось, что это очень круто.

– Никита! Я с тобой говорю, дрянь ты такая, – раздался дрожащий от раздражения женский голос.

Игравший на детской площадке мальчишка лет 5 забрался в большую лужу, и, стоя на четвереньках, что-то сосредоточенно выискивал на дне. К нему спешила мама.

– Ну вот куда тебя несет, а? Нет, ну вы посмотрите на него. А ну вылезти немедленно, свинья ты последняя. Ни стыда ни совести. Вчера только постирала тебе комбинезон. Сейчас идешь домой и завтра никакого гуляния. Мы с папой поедem в парк, а ты будешь дома сидеть с бабушкой.

Никита поспешно выбрался из лужи и, потупившись, встречал стремительно приближающуюся грозу.

– Живо домой, – процедила женщина, не дойдя до него несколько метров. Заметив Сережу с Алисой, она повернулась к ним: – А вы чего уставились? Нечего тут смотреть. Будут свои дети – поймете. Идите делом займитесь, бездельники. Смотрят они тут, смеются. А я потом шприцы под лавочками нахожу. Сейчас домой поднимусь и наряд вызову, пусть они вас проверят.

Сережа с Алисой громко засмеялись.

– Держись, Никитос, – ободряюще проговорил Сережа.

– Ничего, – ответила Алиса. – Такой у него рассказ сейчас. Потом другие будут.

– А ты помнишь, как на тебя мама ругалась в детстве?

– Смотря в каком детстве. Я до 12 росла с дедушкой и бабушкой на Мадагаскаре. Потом пару лет с мамой, а потом сама.

– Ты правда на Мадагаскаре росла? – недоверчиво спросил Сережа.

– Правда.

Сереже было интересно про Мадагаскар, но он решил оставить такую благодатную тему на потом. Они помолчали, а затем не сговариваясь одновременно поднялись и медленно пошли в сторону офиса.

– А ты как, кстати, пылесос свой чистишь? – спросила Алиса через несколько шагов.

– Какой пылесос?

– Ну фильм такой есть у Ивана Вырыпаева – не смотрел? Там два персонажа беседуют о жизни и сравнивают человеческое восприятие с пылесосом, который втягивает в себя разные события. Один из них говорит, что пылесос необходимо периодически чистить и спрашивает второго, как тот это делает? Как ты расслабляешься, попускаешься?

– Мне кажется, что здоровому человеку это не нужно.

– Я, конечно, младше тебя, но таких здоровых пока не видела. По-моему, тому, кто скучает и несколько дней размышляет, какого жанра его жизнь, попуск очень даже показан.

– Ну хорошо. А что ты предлагаешь? Сходить в баню и побухать? – кисло спросил Сережа.

– Не знаю, – пожала плечами Алиса. – Михаил, кстати, про тебя ничего не говорил, я пошутила про профессиональную тайну, чтобы тебя заинтриговать. Я когда на прошлой неделе шла к нему документы подписать, видела издаleка, как ты выходишь. Ну я и спросила про тебя – думала, может вы с ним тренинг какой-то готовите, и мне стоит узнать раньше других. А он сказал, что вы чай пили и о жизни болтали, потому что просто работать вам скучно.

Сережа почувствовал, как у него отлегло на сердце.

– Спасибо, что рассказала, – кивнул он. – А чего он вообще делает, консультации какие-то проводит?

Алиса хмыкнула.

– Я бы рассказала, да сама не знаю. Я прошу его сделать тренинг – он отказывается, говорит, не его формат. Работает индивидуально с некоторыми топами, но никто из них ничего не рассказывает. Все только отшучиваются или говорят о нем с придыханием, как о Боге или волшебнике. А я такого не люблю, потому что в Бога не верю. И тех, кто учит жить, тоже не

особо люблю. Зачем мне слушать кого-то, как мне жить, если я могу просто жить? Никто ведь не знает, каково это – быть мной.

– А как же те тренинги, которые ваш отдел организует?

– Это другое совсем, – нахмурилась Алиса. – Разве неясно? Мы никого жить не учим. Приглашаем людей, которые в чем-то сложились как профессионалы, чтобы они могли поделиться своей экспертизой.

– Ясно.

– Ты пойми – я против Михаила ничего не имею, его защищать не надо. Мне самой интересно, что там у него, человек он явно необычный.

– Да, похоже на то.

Войдя в лифт, они прислонили свои пропуска, в которых был записан их базовый этаж. Кабинет Алисы был на третьем, а Сережин на пятом.

– Соберешься на лавочку – сигнал, – улыбнулась Алиса.

– Хорошо. Слушай, а автор точно общий?

– Чего?

– Ну автор в этих рассказах жизненных – он точно общий?

– Сергей, вы псих, – сказала Алиса, карикатурно вытаращила глаза, и смеясь вышла из лифта.

Ковер-самолет

– Сережа, здравствуй. Ты сейчас занят? – голос у Михаила был приветливый, но деловой. Чувствовалось, что у него какое-то предложение.

Сережу такие вопросы настораживали, и хотя никаких планов у него не было, он ответил аккуратно:

– Есть кое-какие дела, да. А что случилось?

– У меня массаж был назначен, Мастер уже тут, а сейчас вдруг встреча выездная срочная возникла, перенести нельзя. Я подумал – может ты вместо меня сходишь?

– Куда, на встречу? – удивился Сережа.

– На массаж, – хмыкнул Михаил. – Ты чего – не любишь?

– Да не знаю... Не то чтобы не люблю. Просто не особо хожу. Это надолго? Сколько стоит?

– Послушай, это не обычный массаж, у тебя такого точно не было. Это как попасть к очень хорошему доктору. Денег не надо, все оплачено. Я просто не хочу расстраивать Мастера. Она серьезно готовится к каждой сессии и не любит пустых выездов.

– Она? Это женщина?

– Да, она японка. Дзико.

– Это что-то эротическое будет? – попытался добавить веселости Сережа.

– Нет, это совсем другое. Точно не пожалеешь. Будешь еще просить потом повторить, вот увидишь. Ну что?

Сереже на мгновение показалось, что он наблюдает процесс принятия решения со стороны. Отсюда виделось, что решение идти или нет было принято еще в самом начале разговора, однако внутренним голосам было необходимо сделать несколько формальных па друг перед другом.

– Да, иду, – ответил он.

– Отлично. Если на вечер что-то планировал – лучше перенеси и просто проведи время дома. Заходи тогда прямо сейчас ко мне. Не задерживайся, пожалуйста – меня ждет машина внизу.

Серёжа заглянул в календарь – предполагалась одна рабочая встреча и вечеринка у школьного товарища. Встречу он передвинул на завтра, а на вечеринке поменял статус с «иду» на «может быть».

Михаил встретил его у входа своей «пещеры». Кроме электронного ключа он закрыл дверь на обычный олдскульный замок, видимо врезанный специально. На других дверях Серёжа таких не замечал.

Михаил был в черных джинсах, высоких темных ботинках и изящной черной куртке из тонкой замши с несимметрично расположенной молнией.

– Привет. Классная куртка, – сказал Сережа.

– Здравствуй. Здорово, что смог выбраться, ты еще не знаешь, как тебе повезло. Первый раз всегда особый. Передай, пожалуйста, Дзико вот это, – он протянул Сереже небольшой конверт с несколькими иероглифами в углу.

– Хорошо. А где она?

– До конца по коридору и направо. Она ждет, я сказал про тебя.

– Она по-английски говорит?

– Да. И даже по-русски немного. Но там не до разговоров будет. Все, пока. Да, и телефон выключи на время сессии. – Он кивнул и быстро зашагал к лифту.

– Это Rick Owens, – бросил он через плечо.

– Что? – не понял Сережа.

– Дизайнер куртки, – чуть повернувшись, но не сбавляя хода, пояснил Михаил. – Колоритный персонаж. И жена у него тоже интересная.

В конце коридора оказалось необычно тихо, здесь располагалась нерабочая зона, и сотрудники сюда не заходили. Одна из трех дверей была аварийным выходом, за другой хранилось оборудование для уборки, а третья походила на вход в обычный кабинет среднего размера с зашторенным изнутри окном. Обычно она была закрыта, но сейчас на двери висела табличка «Do not Disturb». Сережа остановился в легкой нерешительности, потом чуть смущенно огляделся по сторонам и толкнул дверь.

В комнате царил полумрак и пахло благовониями – этот запах моментально оживил в нем отрывистые воспоминания – магазин «Белые облака», офис туроператора «БуддаТур» и деревушку Арамболь из далекого Гоа. Внутри действительно оказался обычный кабинет, только мебели в нем было необычно мало – стол с креслом и две полки на стене.

Прямо по центру на полу лежал тонкий двуспальный матрас, застеленный простыней с изображением большого дерева в круге. Дерево соединяло небо и землю, а в переплетении его ветвей возникали фигуры животных и людей. Рисунок показался Сереже знакомым, хотя он не помнил откуда – вероятно, из того же Арамболя. Верхний свет был выключен, в углу горел торшер, а на столе, полках и в углах матраса подрагивали свечи, в свете которых лежанка напоминала сказочный ковер-самолет. На углу матраса, скрестив ноги, сидела женщина в белой футболке и коротких хлопковых штанах на завязках.

Ее одежда, интерьер комнаты, свет и запах настолько контрастировали с офисом, что Сереже показалось, будто, войдя в комнату, он телепортировался из корпоративного государства. Куда именно, правда, было пока неясно, и это предстояло выяснить.

Женщина сняла большие наушники, встала и с достоинством едва заметно поклонилась.

– Дзико. Ты Сергей? – Говорила она тихо, но отчетливо. С сильным акцентом.

– Угу, – кивнул Сережа и хотел шагнуть ближе, но она остановила его жестом и показала взглядом на коврик у двери.

– Обувь, – сказала она.

Пока Сережа снимал кеды, в комнате тихо заиграла музыка. Сначала ему показалось, что звучат колокола, но потом он узнал тибетские чаши, и ему снова вспомнились пестрые лавочки Арамболя. Офис с его шумными коридорами-улицами стал еще дальше.

– Одевайся и рожись, – услышал он Дзико. Как и все японцы, вместо «л» она говорила «р».

– Переодеваться? – удивился Сережа. – А у меня ничего нет.

– Вот, – Дзико показала на аккуратно сложенные штаны с футболкой – они откуда-то появились на краю матраса.

– А зачем? Я думал, массаж в трусах делается, – Сережа попытался добавить в голос игривости, но получилось неуклюже.

– Это другой массаж, – сухо ответила японка и подошла к полке, где на небольшом коврике были разложены какие-то мелкие предметы.

Переодеваясь, Сережа украдкой наблюдал за ней. Рост чуть ниже среднего, черные длинные волосы свернуты пирамидкой на макушке, тонкие черты лица, прямой ясный спокойный взгляд. Дзико доставала из рюкзака какие-то фигурки и камушки, ставила их на полку, что-то шептала и делала короткие изящные движения кистью, будто что-то помешивая или поглаживая.

В ее движениях ощущалась та особая природная грация, которую можно увидеть у диких животных, наблюдая за ними в их естественной среде. Особое изящество, естественным образом привлекающее внимание.

«Сколько ей лет?» – думал Сережа. Оценить возраст другой национальности, особенно азиатов, непросто. Ей могло быть около 30, а может и все 40. Но каким-бы ни был ее биологи-

ческий возраст, внутренне она была явно старше, и это создавало ту невидимую, но отчетливую иерархию, которая определяла допустимые ролевые модели и из-за которой его недавняя игривость с трусами прозвучала неуклюже.

Была и другая причина – Дзико ему понравилась. Она была не просто симпатичной японкой – от нее исходила та магнетическая женская сила, которая даже многих взрослых мужчин превращает в робких пубертатных подростков.

– А как ложиться? – спросил он, завязывая на поясе выданные ему штаны. – На спину или на живот?

– На спину, – не поворачиваясь от полки ответила Дзико.

Матрас оказался неожиданно жестким, и Сережа поерзал, устраиваясь поудобнее.

Дзико села рядом, взяла одной рукой его запястье, нащупав пульс и опустила веки, как будто прислушиваясь к чему-то или что-то вспоминая.

От ее непонятных многозначительных действий и спокойной серьезности Сережа почувствовал себя неуютно, тишина вдруг стала такой гулкой, что он ощутил биение сердца. Нестерпимо захотелось сказать что-нибудь, чтобы снять напряжение.

– Этот матрас похож на ковер-самолет, – сказал он, пытаясь придать голосу максимально расслабленное выражение.

Дзико никак не отреагировала.

«Что она делает, молится кому...» – мысль оборвалась, потому что Дзико подняла веки. Каким-то неведомым образом ее взгляд полностью захватил Сережино внимание, отчего он забыл, как пошевелиться, и замер, отмечая короткие вспышки мыслей: «Кролик и удав», «Это что – гипноз какой-то?», «Цыганка у метро», «Что происходит?», «Зачем я сюда пришел?»...

Ему показалось, что она его то ли сканирует, то ли успокаивает, и почти сразу после этой мысли взгляд Дзико утратил гипнотическую силу, а на лице даже появилась легкая улыбка. Способность двигаться вернулась, но двигаться не хотелось. Дзико положила ему ладонь на низ живота, словно слушая кончиками пальцев область вокруг пупка, и Сережа вдруг почувствовал на себе волну такой теплой материнской заботы, что ощутил себя совсем маленьким и почему-то готовым заплакать. От этого стало неудобно и он отвел глаза.

– Куда хочешь порететь? – спросила Дзико.

– Что? – не понял Сережа, шмыгая носом. – Я уже немного того... «полетел».

– Ты сказар «ковер-саморет». Куда поретишь?

Сережа не знал, что ответить, и ему стало грустно и жалко себя.

– Не знаю, – сказал он. – Высоко.

Дзико чуть наклонила голову, едва заметно кивнула и коротко скомандовала: «На живот».

Лежать на животе оказалось хорошо. Сережа удобно положил голову, закрыл глаза и стал расслаблять тело, скользя по нему вниманием от макушки к пяткам – он привык так делать еще в детстве по совету бабушки.

Он снова подумал, что Дзико ему симпатична, и в голове возник знакомый голос Николая Николаевича: «Не стоит забывать, что в основе любой межполовой коммуникации внутри вида лежит инстинкт размножения».

Прикосновения Дзико были приятны и отличались от массажей, которые ему делали когда-либо в прошлом. Поначалу казалось, что ее движения совершенно хаотичны, но скоро это ощущение сменилось – теперь, наоборот, казалось, что все прикосновения строго выверены, и то, что начинается в одном месте, подхватывается и продолжается в другом.

Подобно музыканту, взявшему в руки новый инструмент, чтобы его узнать, Дзико перебирала клавиши и струны его тела. Чувствовалось, что такие инструменты она знает хорошо, но этот конкретный экземпляр был для нее новым, и она с ним знакомилась.

Сережа все больше расслаблялся, погружаясь в новое для себя состояние широкого пространства без конца и края. Иногда в нем возникали знакомые ему люди – друзья, коллеги, родственники, иногда появлялись какие-то мультяшные образы или животные. Несмотря на расслабление, он не проваливался в сон, а напротив, отмечал удивительную ясность восприятия.

«Классно, что пришел, надо будет поблагодарить Михаила», – подумал он. Еще несколько минут прошли в приятном расслаблении, а затем темное пятнышко сгустилось на периферии внимания и стало быстро расти, превращаясь в отчетливую тревогу. Что-то было не так и требовало его внимания. Возможно, дело было в звуке – казалось, что он обрел какую-то острую форму и колет его в скрытое и очень нежное место души. К чашам добавилось низкое горловое пение, которое проникало куда-то вглубь и царапало.

Расслабленное состояние исчезло, звук явно представлял угрозу, и нужно было действовать. Сережа хотел что-то сказать, но в этот момент Дзико сильно надавила куда-то двумя пальцами в середине спины так, что у него в глазах сверкнуло и вырвался стон. И следом за этим еще раз, но уже другим голосом – ее пальцы теперь нажали в новом месте. Когда она нажала в третий раз, то перед глазами снова сверкнул радужный свет, а затем он оказался в непроглядной густой темноте.

Прямо перед ним возникло лицо Дзико, она смотрела на него и что-то говорила. Наконец ему удалось разобрать. «Дыши и пой», – сказала она.

Боль от очередного нажатия вернула его на матрас, пальцы японки безошибочно находили какие-то особые точки на его теле, вызывая запредельно острые ощущения. Но в этот раз у него остался небольшой хвостик ясности и, вспомнив совет, Сережа завыл. Сначала тихо и жалобно, а потом все сильнее. Возникла сложная гамма ощущений: боль, тоска, стыд, сладость и радость облегчения переплелись непередаваемым образом, и несмотря на неоднозначность этой комбинации, он сразу почувствовал, что делает все верно. Словно застарелая пробка внутри раскрошилась и теперь вымывается мощным чистым потоком, несущим жизнь в заболоченные участки его существа. «Мородец, – донесся до него голос Дзико. – Рет ит гоу».

Начался каскадный парный процесс – Дзико нажимала на точку, и Сережа начинал гудеть или выть, выпуская с этим звуком боль и очередную порцию какого-то плесневелого эмоционального груза, который носил с собой многие годы. Незнакомые ему прежде сила и легкость нарастали и вскоре перешли в эйфорию, так что в перерывах между воем Сережа смеялся и плакал от радости. Краем сознания он уловил мысль, что со стороны это, вероятно, выглядит как минимум странно, но она тут же была смыта потоком ощущений от следующей точки. Ум пытался сравнить это с каким-то прошлым опытом, однако в его картотеке не было ничего похожего. И тогда он вспомнил слова Михаила: «Первый раз всегда особый». Ему подумалось, что в начале массажа, во время знакомства, Дзико нашла и заминировала какие-то пробки или плотины внутри него, а затем начала цепной управляемый подрыв.

Сколько это продолжалось, было неясно. В какой-то момент он ощутил ее руки у себя на голове и почувствовал, что эмоциональные качели, сделавшие несколько раз «солнышко», начинают замедляться. Дзико что-то тихонько приговаривала на незнакомом языке, меняя положение рук на голове. Иногда ее пальцы мягко нажимали какие-то точки на макушке и лице, но это было уже совсем не больно, а только приятно. Ее пальцы проникало куда-то глубоко-глубоко, заставляя расслабляться старые напряженные узлы.

Качели возвращались к срединному положению, где возникала приятная тяжесть. Сережа чувствовал, будто пробежал в парке 10 километров или прополол грядки на бабушкином участке. Сон быстро обволакивал его целиком, делая тело таким тяжелым, что невозможно было не то что пошевелиться, но даже поднять веки.

«Невероятно. Как же это хорошо. Надо ее обнять», – думал он, летя в приятную бархатную черноту, и прежде чем сон полностью его накрыл, он различил заволаживающий мело-

дичный звон. Последнее, что он запомнил, было тепло от дыхания Дзико на своем ухе и ее шепот: «Это ветер в пустоте. Запомни его. Отдыхай».

Натуральный ГТА

Дом, где жил Сережа, располагался в Трубниковском переулке напротив музея истории русской литературы. Это был семиэтажный кирпичный дом, построенный за несколько лет до революции. Два года назад Сережа купил здесь стометровую квартиру на верхнем этаже, а спустя три месяца с помощью знакомого юриста купил еще и чердак. Покупка квартиры превышала его финансовые возможности на тот момент – ему пришлось отдать все сбережения, занять у Кости, родителей и даже продать любимый БМВ. Сережа легко на все это решился, поскольку «Мандельвакс» каждый месяц удваивал план по выручке, а расходы росли значительно медленнее. Конечно, ребятам приходилось порой в прямом смысле ночевать в офисе, чтобы обрабатывать входящий поток новых клиентов, но это не воспринималось в тягость – было интересно и задорно.

Сереже нравилось думать, что основным секретом их успеха был спроектированный и разработанный его командой продукт, но у Кости было другое мнение. «Сергея, пойми, – говорил он, когда сотрудники их не слышали, – продукт у нас самый обычный, ты не обижайся – я без наезда. А маркетинг так и вовсе фуфловый. Мы просто вовремя зашли. Появись мы на год раньше или позже – сидели бы на дошираке сейчас».

Мандельвакс предлагал розничным продавцам online-кассу и автоматизацию их торговых точек. Продукт был упакован по последней моде – облачная архитектура, возможность доступа к системе с собственного планшета, регулярные обновления, расширение функционала, недорогая подписка. Однако сами по себе эти хипстерские преимущества вряд ли создали бы очередь из клиентов, основная часть которых продавала колготки и «угги» в ларьках на крытых рынках. Дело было в другом. То «вовремя», о котором говорил Костя, заключалось в том, что «Мандельвакс» вышел за полтора года до вступления в силу закона, требующего от торговых точек в обязательном порядке отправлять все кассовые операции в налоговую. Для этого владельцам предлагалось купить железо и софт, стоимость которых кратно превышала предложение «Мандельвакса».

Поэтому к тому моменту, когда законодательный петух получил официальную силу и, громко кукарекнув, стал клевать в разные места тех, кто не верил в него, или вообще о нем не слышал, у ребят было работающее решение, обкатанное на паре сотен добросовестных клиентов, которые к приходу петуха подготовились.

Разумеется, ягоды на такой красивой поляне Мандельвакс собирал не в одиночестве. Похожие проекты возникали один за другим, однако реальные клиенты и отлаженность решения позволяли не слишком беспокоиться о конкурентах. Кроме того, поляна была большой, и можно было планомерно расширять свою территорию без стычек с другими «собирающими».

Когда же стали подтягиваться большие игроки, они первым делом изучили текущих фаворитов, и с этого момента Сереже с Костей стали поступать предложения о покупке их бизнеса. Сценарий продажи компании не был для ребят основным. Конечно, они предполагали такой вариант изначально, но никак не думали, что это может случиться так быстро. Предложения становились все интереснее, и в итоге образовалась тройка лидеров: два банка и Вайме. Ребят смущал тот факт, что все они, вопреки классическому венчурному раунду, хотели приобрести контрольный пакет. Три недели они колебались, рисовали таблички, спорили, принимали решение вечером и меняли его утром, кидали монетки и тянули спички. В конце третьей недели они ответили, что не будут продавать Мандельвакс. А еще через день Вайме увеличила сумму на 50%. Это решило исход дела.

Сделка состоялась и превзошла даже их смелые мечты на старте, отчего Костя расцвел и стремительно набирал солидность, в том числе в весе. А вот Сережа хандрил. По счастью его состояние не сказывалось на делах – бизнес продолжал все так же уверенно расти. Сережа

давно сделал в квартире хороший дизайнерский ремонт, вернул долги, и даже закончил отделку чердака, хотя изначально предполагал отложить ее на неопределенный срок. Машину он покупать не стал – их бывший подвал был на соседней улице, а офис Ваймэ, куда они перебрались после сделки, тоже располагался в пешей доступности, на Садовом Кольце. Кроме того, в городе расцвел каршеринг, и в радиусе 100 метров от подъезда всегда стояло много машин под разные цели и вкусы.

Майская суббота выдалась по-летнему жаркой, многие уехали на дачи или просто выбрались за город жарить традиционные шашлыки, а то и просто посидеть у реки или погулять в лесу. Полдень уже миновал, и столица пребывала в специфической ленивой неге. Это особое «затишье перед бурей» возникало на уровне Третьего кольца и отчетливо нарастало по мере приближения к центру города, который, подобно всем мировым мегаполисам, жил по своим законам и не спал даже ночью.

Сереза стоял у открытого окна гостиной и наблюдал, как рабочий на крыше двухэтажного особняка внизу кормит голубей хлебом. Сереза ждал Леху, своего друга, который должен был появиться с минуты на минуту.

Двухстворчатое окно, возле которого он стоял, как и два других окна его гостиной, больше походило на двери, поскольку начиналось от самого пола. Такое внесение конструктивных изменений потребовало длительных согласований с ЖЭК, и до сих пор периодически вызывало ворчание некоторых жильцов. Один из них даже подал в суд, заявив, что этот нововведение грозит безопасности жильцов и нарушает исторический фасад здания.

Неизвестно, чем бы закончилась эта тяжба, если бы не пришла неожиданная подмога в лице соседа-художника из квартиры напротив. У него тоже было одно «высокое» окно, доставшееся от прошлого хозяина и вообще никак не согласованное. Художник опасался, что иск может создать прецедент, и ему тоже придется что-то оформлять или вовсе заделывать проем. Что именно и как он сделал, Сереза не знал. Просто однажды при встрече художник ему подмигнул и сказал, что окна спасены. Прямо так и сказал, без каких-либо комментариев.

И действительно, спустя пару дней стало известно, что дело закрыто, а капризный жилец вскоре переключил свое внимание на другой объект. Теперь он собирал подписи для ограждения домового арки колышками, чтобы в нее нельзя было заехать. Заезжал туда только один человек – парень с первого этажа ставил там мотоцикл. Но именно на этого парня у жильца был какой-то зуб. Подписи собирались вяло, так как жильцы с маленькими детьми были против – колышки создали бы преграду для их колясок, а мотоцикл в арке по большому счету никому не мешал, тем более что стоял там всего три месяца в году.

Художник с женой круглый год жили за городом и потому появлялись на Трубниковском редко. Они оба разменивали восьмой десяток и обычно приезжали на несколько дней, чтобы пройти регулярное обследование в поликлинике или повидаться с друзьями. Иногда они привозили с собой собаку – огромного бежевого алабая по кличке Мира.

И сам художник, и его жена были с Серезой приветливы и доброжелательны, но он отчего-то с ними тушевался. Это была какая-то особая неловкость, которой он не испытывал больше ни с кем. Возможно, дело было в разнице возрастов, а может в какой-то особой харизме художника. Так или иначе, в его присутствии Сереза ощущал себя школьником, который плохо выучил урок. И чем больше он пытался это спрятать, тем более неловко себя чувствовал. Ему казалось, что за весело-ироничным тоном художника стоит желание как-то его, Серезу, проверить, отчего ему становилось неудобно, и потому он стремился свернуть общение после нескольких формальных фраз.

Рабочий на крыше докрошил остатки батона птицам, надел рукавицы, сварочную маску и продолжил работу. Сереза задумался, когда они с Лехой виделись в прошлый раз. Получалось, что больше года назад: Леха жил в Ростове и в Москве появлялся редко, хотя и купил здесь квартиру. Чтоб была. Он относился к той породе людей, который Сереза называл про себя

«человек-кайф» за их способность жить ярко, сочно и как-то легко. Во всяком случае, так это выглядело со стороны.

Они были ровесники, но Леха, в отличие от Сережи, уже успел сделать несколько разных бизнесов, и последний из них, связанный с какой-то специальной огнеупорной краской, позволил ему найти то особое внутреннее спокойствие, которое открывается человеку, переставшему тревожиться о деньгах. Совсем.

В Сережином окружении за последние несколько лет появлялось все больше таких людей, и, хотя конкретные жизненные сценарии у всех были разные, внутреннее состояние финансового спокойствия казалось Сереже весьма схожим. Он даже спрашивал некоторых на этот счет в момент откровенных пьяных разговоров, и отвечали они примерно одно и то же. Сам Леха ответил так: «Я успокоился, потому что понял, что без денег уже не останусь. Даже если у меня бизнес отожмут или надоест он мне, я другую тему соберу в течение года, у меня на полке 3—4 теплых идеи всегда лежат. Лаванда – больше не вопрос.»

«Может, все наоборот – не деньги дают им это спокойствие, а спокойствие создает условия для прихода денег?» – подумал Сережа. Ведь наряду с этими спокойными была толпа беспокойных, хотя денег у них было не меньше. Выходило, что дело не в деньгах. С другой стороны, если есть беспокойные, но с деньгами, то гипотеза, что спокойствие привело их к деньгам, тоже начинала трещать.

Сережа заметил, что путается. Все было явно не так однозначно и одним фактором не определялось. «Интересно, а я сам-то подружился с деньгами?» – подумал он. Ответить оказалось непросто, и Сережа решил, что это значит «нет».

Судя по соцсетям, Леха в последний год много путешествовал, и, как говорили некоторые общие друзья, «ушел в духовку» – что именно это означало, Сережа не вполне понимал. Друзья рассказывали, что Леха ездит в Латинскую Америку пить какие-то шаманские отвары, купил гитару и ходит на встречи, где люди в белом говорят о жизни и духовном росте. Все это звучало странно, особенно применительно к Лехе, с которым они обычно говорили о деньгах и том, что за них можно купить. И оттого сейчас ему было любопытно ждать Леху, предвкушая интересный разговор.

Внизу послышался породистый низкий рокот, какие обычно принадлежат спорткарам. Машину было не видно, поскольку окна выходили во двор, куда заехать без пропуска было нельзя, но Сережа почему-то сразу понял, что это к нему, и пошел к выходу. В прихожей он протянул было руку к красной толстовке, но затем, передумал и снял с вешалки черный льняной пиджак.

Выйдя внизу из лифта, он встретил того самого соседа художника с его алабаем. Несмотря на угрожающие габариты, вид у собаки был жалобный.

– Ничего, Мирка, не грусти. Скоро поедем с тобой на природу. Я свои дела закончил, а у тебя их здесь и не было, – говорил художник, отстегивая поводок.

– Здравствуйте, – кивнул Сережа. – Чего у нее случилось?

– Привет, – отозвался художник. – Там драндулет у парня так рычит, что собака испугалась. Боится она низких звуков, хоть и суровая барышня с виду.

– Это, наверное, ко мне товарищ приехал, – смущенно сказал Сережа. – Видать машину новую купил.

– Ясно. А мы чем виноваты? – строго и одновременно насмешливо спросил художник, подняв на него глаза в круглых очках. Сережа не нашел что ответить, так что просто развел руками и толкнул дверь.

Перед подъездом стоял сверкающий кабриолет «Порше» темно-коричневого цвета. Прислонившись к заднему крылу, Леха что-то набирал в телефоне. Его черные гладко зачесанные назад волосы вместе с чуть раскосыми глазами делали его похожим на азиатского мафиози, а белая футболка поло оттеняла ровный золотистый загар, наглядно сообщавший, что Леха

недавно вернулся из какого-то солнечного зарубежья. По сравнению с таким загаром московский и подмосковный выглядели грязно-кирпичным и ржавыми.

Сережа присвистнул и уважительно кивнул, показывая другу, что впечатлен его видом и появлением. Они засмеялись и обнялись.

– Бро, – улыбнулся Леха. – Как я рад тебя видеть. Столько всего случилось за это время. У тебя, я слышал, тоже.

– Ага, – отозвался Сережа, глядя как прохожие тарачатся на машину. Даже здесь, в центре Москвы, где было много дорогих автомобилей, кабриолет привлекал повышенное внимание.

Машина и правда была красивая, ее хотелось рассматривать, как редкую игрушку. Правда, вместе с этим негласный мужской кодекс подсказывал, что слишком сильно пускать слюни не стоит.

Сережа обошел машину по кругу и сел на пассажирское сиденье.

– Нормальный аппарат, – сказал он небрежно. – Низковат только. У меня газонокосилка на даче и та выше. Как ты на ней едешь – привык уже?

Подобно резвящимся щенкам, они с Лехой привыкли дружески «покусывать» друг друга, кидая в разговоре разные колкости – это была мальчишеская игра, и Леха был в ней мастер. Но в этот раз Сережа напрасно готовился принимать ответную стрелу.

Леха молча сел за руль, неспешно пристегнулся, повернулся к Сереже, и, выждав еще секунду, тихо и как-то очень искренне сказал:

– А я на ней не езжу, бро. Я летаю. Сейчас покажу.

Через две минуты они остановились на разделительной полосе около триумфальной арки, и Сережа открыл дверь: его тошнило.

– Прости, резковато получилось, – сказал Леха, доставая из бардачка салфетки. Я просто сам привык уже. Хотел тебе показать.

– Ясно, – вытираясь, сказал Сережа. – Спасибо за аттракцион. А просто ездить ты еще умеешь, или теперь только летаешь?

– Понял-понял, – Леха поднял руки. – Поедем тихо, как старперы на Москвиче. Ты, кстати, так и не сказал, куда мы едем.

– Вот именно. И на хрена, ты, спрашивается, тогда полетел???

– А на хрена ты меня подколот своей газонокосилкой? – Леха весело ему подмигнул. – Думаешь, я не заметил?

Его легкость подействовала на Сережу обезоруживающе. Это было что-то новое. Раньше Леха так себя не вел.

– Ну подколот, – признал Сережа после паузы. – Только ты перестарался с полетом.

– А чего ты не сказал, что тебя укачивает? Только орал чего-то невнятное.

– Я орал только в самом начале, чтобы ты ехал потише, а потом я держал рот закрытым, чтобы не заблевать тебе салон.

– Прости, – смеясь, сказал Леха. – Так чего – куда едем – вперед-назад?

– Давай на Патрики, там много кафешек. Надо развернуться, здесь нельзя, поехали пока вперед, я покажу.

– Я лучше сам покажу, – сказал Леха тихо, быстро ткнул какую-то кнопку на панели и подобрался, как перед прыжком. Прежде чем Сережа успел сообразить, что он задумал, машина со свистом развернулась почти на месте и тут же рванула вперед, слившись с обратным потоком.

– Да хорош уже, – процедил Сережа, чувствуя, как у него сводит мышцы челюсти. Видимо, он рефлекторно ее напряг по время резкого неожиданного маневра.

– Эхх. Поспешил чуток, – поморщился Леха, глядя в зеркало.

Раздался звук полицейской «крякалки», и сзади возник белый мерседес с включенной мигалкой.

– Долетались, – проворчал Сережа. – Торгуйся на месте, а то можно лишение схватить за такой разворот.

– Не переживай, сейчас все решим, – спокойно и даже расслабленно сказал Леха. Похоже все происходящее его ничуть не тревожило. Они остановились на разделителе, наблюдая в зеркала, как к ним приближаются вышедшие из мерседеса полицейские.

Тот, что был с Лехиной стороны, коренастый мужчина лет сорока в капитанских погонах, скороговоркой представился.

– Вы что себе позволяете? – раздраженно спросил он. – Здесь вам не ГТА. Права и документы на машину.

Леха понимающе кивнул.

– Виноват, товарищ капитан, – сказал он, протягивая какое-то удостоверение.

Раскрыв темно-красную книжечку, капитан поднес ее ближе к глазам и вдруг странно вздрогнул. По лицу его пробежала короткая судорога, а само лицо приобрело растерянное выражение. Он покачнулся, словно потерял равновесие, непонимающе огляделся и посмотрел на своего напарника.

– Чего? – спросил тот.

– Ничего, – пожал плечами капитан. – Возьмите, – протянул он книжечку Лехе.

– Благодарю, – улыбнулся Леха. – Спасибо за помощь и хорошего дежурства.

Он запустил двигатель, и кабриолет нырнул в плотный поток.

– И все-таки – что за ксива? – спросил Сережа, когда они выезжали на Садовое около высотки МИДа. Он задавал этот вопрос уже в третий раз, но Леха все также молчал или уклончиво мотал головой.

– Он так растерялся, будто лешего увидел – что там написано?

– Прости, бро. Ни рассказать, ни показать не могу. Нельзя. Правда.

– Да ладно тебе... Им показать можно, а мне нельзя?

– Именно так. Я знаю, что странно это звучит. Но я говорю – за год много всего случилось. Голос Лехи показывал его серьезность и Сережа решил отложить этот штурм.

– А как ты под камерами так носишься – тебе штрафы не приходят?

– Вот это могу рассказать, – охотно кивнул Леха. – Мои номера в отдельном списке, для которого все штрафы аннулируются. Так получилось, что я помог одному генералу, а он в ответ помог мне – добавил меня в такой список на три года.

– И ксиву тоже он сделал?

Оставшаяся дорога до кафе прошла молча. Леха чуть пританцовывал в такт забористому немецкому техно, а Сережа думал о том, что всего 20 минут назад он вышел из дома и успел за это время получить дозу мощных перегрузок, несколько раз оказаться на волосок от серьезной аварии, блевануть на Кутузовском и встретиться с полицией. Подобные события встречались в его жизни не часто, и от такой повышенной плотности он чувствовал себя уставшим. Чего было не сказать о Лехе. Этим он действительно напоминал героя игры ГТА – в этом капитан был прав.

Они запарковались в Спиридоньевском переулке.

– Чего задумался? – спросил Леха, когда они вышли из машины и направились по тротуару в сторону Малой Бронной.

– Думаю о том, какой разный у людей жизненный ритм. Мы вот с тобой как будто в разных мирах живем.

– Так и есть, бро. Сколько людей – столько и миров. Мы же для того и встретились, чтобы заглянуть друг к другу ненадолго. Я вот тебе показал кусочек своего мира.

В Uilliam's было тихо, публика обычно начинала подтягиваться после 6 вечера. Они сели у окна и заказали по морковному фрешу.

Леха хитро посмотрел на Сережу.

– Я слышал про сделку, – улыбнулся он. – Можно тебя поздравить? Все, как вы с Костей хотели?

– Спасибо. Да, по деньгам все даже лучше, чем мы хотели, – задумчиво ответил Сережа, глядя в окно.

– А чего так грустно? Может отметим?

– Да понимаешь... – начал было Сережа, но прервался, увидев, что Леха кому-то улыбается.

– Познакомились недавно на свингерской вечеринке, – шепнул Леха. – У вас тут в городе вообще порядок с этой темой. Ты в курсе?

– Не особо. – Сережа почувствовал, что не хочет рассказывать про сделку и свою хандру, пока Леха в таком игривом настроении, и решил «вернуть мяч».

– Со сделкой все в порядке. Еще поговорим про нее. Расскажи лучше ты пока. Я слышал, ты много ездешь? Чего у тебя происходит?

Леха сделал большой глоток и громко поставил стакан на стол.

– Что происходит? Я кайфую, бро. У меня жизнь происходит. Ты даже не представляешь, в каком удивительном месте мы с тобой находимся. Это натуральный парк развлечений, бро. Причем космического уровня.

Напротив окна остановился, мигая аварийкой, ярко-желтый кабриолет «Шевроле Камаро», сотрясая окрестности тяжелыми басами. Пока водитель что-то смотрел в телефоне, сзади подбежали трое школьников – двое делали брутальные лица, изображая крутых парней, а третий снимал их на телефон.

– Слушай, а как ты решился на машину? Я же тебя помню – ты всегда за практичность «топил» первый. Ну она же реально слишком...

– Какая...? – прищурился Леха.

– Ну... – Сережа задумался, подбирая слова. – Дерзкая что ли. Кричащая. С женщинами у тебя порядок, деньги есть. Зачем доставать из штанов двухметровый причиндал и махать им? Что ты хочешь сказать?

– А я тебе отвечу, – с готовностью кивнул Леха. – Я об этом много думал. Даже больше скажу – работал с этим у терапевта и не только. Я понял, что всегда хотел, но не разрешал себе. Купить-то я мог уже 5 лет назад, а позволил себе только сейчас. Как-то себе это объяснял, конечно, – непрактично, дерзко, понты, вся вот эта канитель, что ты назвал. Только на самом деле это не я объясняю, а мама моя внутри меня. Я как только это ясно понял, меня сразу попустило. Я ей позвонил и сказал, что покупаю классную машину, которую давно хотел. И все. Повесил трубку, поехал и купил. Это было в конце лета прошлого. И знаешь что? Каждый раз с той поры, когда сажусь в нее, – чистый кайф. Концентрированный восторг. Я и маму покатал, и бату – им понравилось. У бати, правда, давление скакнуло, но потом очухался, нормально. А для зимы и плохих дорог у меня Кайен есть, ты же помнишь. Так что я свои ответы нашел – теперь катаюсь и радуюсь. Тебе ничего не навязываю, если что. У тебя по-другому может быть.

Леха говорил искренне, и это подкупало – Сережа чувствовал, что его другу действительно хорошо, и радовался за него. Но было и что-то другое, что-то тягостное. Сережа злился, что не может радоваться машине так, как Леха. Что для него она все равно остается железякой, пусть даже очень красивой, мощной и классной. И еще он злился, что в отличие от Лехи даже не знает, чего хочет.

– Я за этот год как будто заново жить начал, – продолжал Леха. Как будто обновил мозг, прикинь? Сделал trade-in. Старый, забитый всякой ботвой, отдал, а новый чистенький и свежий поставил.

– Забавно, – задумчиво сказал Сережа.

– Забавно – не то слово. Это кайф, бро.

– Да не. Забавно, что я недавно эту мысль уже слышал. Про обновление мозга. Не один в один, но похоже. Один мужик в Вайме сказал, что наш ум нужно периодически обновлять, как операционную систему на компьютере.

– Сто пудов, – закивал Леха. – Нормальный мужик. А чего он делает в Вайме?

– Я пока не догнал. Толком никто сказать не может, и сам он как-то туманно отвечает. Я так понял, что он какой-то советник у руководства. Мы познакомились, когда в бильярд играли, потом он позвал чаю попить, и в итоге разговорились про жизнь. Он классно слушает, я пока говорил, сам что-то понял лучше про себя.

– И чего ты ему такое рассказывал?

Сережа выдержал паузу и решил, что теперь, наконец, можно перейти к важной для него части.

– Рассказал, что работа стала не в радость, что пропал былой драйв. Вроде все в порядке, а вроде и нет, как-то пресно все. У тебя бывало такое?

– Конечно. У меня с такого все и началось.

– Что «все»?

– Прозрение мое. Trade-in головы. Я вот тебе сказал про парк развлечений, я ведь не шутил.

– Да уж какие шутки. Я видел сегодня, как ты едешь – натуральный ГТА.

– А ты не хочешь поиграть?

– Да я играл – понятное дело. Даже приставку купил ради этого. Но через пару месяцев надоело.

– Я не про приставку, я вот про это, – Леха сделал широкий жест рукой. – Слышал такую тему, что наш мир – это чья-то компьютерная игра, а мы тут просто персонажи?

– Слышал, – пожал плечами Сережа, недовольный, что разговор уходит в сторону. – Ну мало ли есть разных тем? И потом – кто эти игроки, которые через нас играют? И где они? – он скептически огляделся.

Леха усмехнулся и шумно дотянул через трубочку остатки сока.

– А вот в этом и заключается игра.

– Получается, это не мы с тобой сейчас в кафе сидим, а какие-то чуваки в игру играют, и их персонажи встретились на миссии?

– Ну примерно. Мне, правда, иногда кажется, что игрок здесь один, но как это понятно объяснить я не знаю.

– Ничего страшного. Я не расстроюсь. Пойдем лучше пройдемся, погода хорошая.

– Что – думаешь, я тебе шизуху какую-то гоню? – усмехнулся Леха. – Может, и шизуха, бро, я не знаю. Девушка, как вы думаете, наш мир может быть компьютерной симуляцией высокоразвитых существ? – обратился он к проходящей мимо официантке.

Та посмотрела на него осторожным оценивающим взглядом и поставила стаканы от сока на поднос.

– Я думаю, может, – сказала она, чуть улыгнувшись.

– Вот и я так думаю. А что если у вашего персонажа в этой симуляции сейчас начинается особо важная миссия – убежать с работы от злого менеджера с двумя интересными молодыми людьми навстречу невероятным приключениям?

Девушка недоверчиво посмотрела на него и слегка покраснела.

– Решайтесь, я вполне серьезно, машина ждет за углом. В ней правда всего два места, но мой друг Серж будет рад посадить вас на колени. Да, Серж? – девушка перевела взгляд на Сережу.

Он покачал головой и дал понять взглядом, что Леха шутит.

– Принесите, пожалуйста, счет, – попросил он, не обращая внимания на Леху, который незаметно от нее показывал ему кулак.

Открыть заслонку

– Серега, ну чего ты такой скучный, а? Прямо как дед старый. Помнишь, как мы с тобой зажигали раньше?

Выйдя из кафе, они пошли в сторону Патриарших. Вечерний столичный «костер» уже начинал потихоньку разгораться, приближался ночной шабаш.

– Ты погляди на людей вокруг, – Леха толкнул Сережу локтем в бок. Хорошенько погляди – ну ведь натуральный ГТА, видишь? Ты только подумай – каждый вечер мы кладем свою тушку в укромное темное место и начисто вырубаемся до утра. – Леха закатил глаза и изобразил спящего человека. – Считаем это совершенно нормальным и ничего об этом не помним. Разве не странно?

Тема казалась Сереже дурацкой и поддерживать ее не хотелось.

– Ты чего закусился, бро? – не отставал Леха. – Слышал буддийскую поговорку? Кто обижается, тот неудачно перерождается, – он загоготал так, что несколько прохожих обернулись. – Или тебе официантка не понравилась? Давай найдем тебе другую.

Сережа посмотрел на друга с грустью и завистью. Он завидовал Лехиной радости и одновременно ее осуждал, считая ненастоящей – слишком искрящейся и показной. И еще он совсем не так представлял себе их встречу. Ему казалось, это будет глубокий разговор двух друзей, а пока происходило что угодно, кроме глубокого разговора. «Неужели он не видит и не чувствует, что мне не нравится происходящее?» – думал Сережа.

Леха, казалось, уловил его состояние и мысли.

– Знаешь, что я понял, когда машину купил? – на контрасте с прошлыми репликами его голос прозвучал неожиданно серьезно. – Люди что-то сами себе запрещают, а потом злятся на тех, кто себе это разрешает. Понял, да?

– Это ко всему относится, – добавил Леха. – Если, например, ты запрещашь себе радоваться, то веселые люди начинают тебя бесить.

Он замолчал, а через мгновение снова осветился широкой улыбкой, как будто щелкнул каким-то переключателем.

– Слушай, я понял, – оживленно сказал он. – По ходу, этот твой советник – личный шаман верхушки Вайме. Стопудов, бро.

Перемена его состояния была необычной и резкой, как у детей. От неожиданности Сережа даже перестал злиться.

– Какой еще шаман? – спросил он.

– Я тебе говорю – у всех серьезных руководителей есть за спиной такие колдуны. Некоторые даже нескольких держат для разных случаев. Там без этого нельзя, иначе долго не протянешь.

– И что эти колдуны делают – законы и распоряжения придумывают? – насмешливо спросил Сережа.

– Зависит от специализации. Бывает, что и законы предлагают, да. Но в основном защищают от нападков конкурентов, завистников и просто повышенного внимания. Ты вот на «кабрике» проехал полчаса – почувствовал, как народ пялится?

– Ну пялится, и что? Ты же для этого и купил его в том числе.

– А представь, когда ты в телеке постоянно, и на тебя миллионы смотрят. Одни молятся, другие проклинают. Если с этим не работать, начнешь чахнуть через пару месяцев. Реально чахнуть, «на физике» проблемы начинаются. Я вот как в тачку сажусь, сразу защитный купол натягиваю и держу все время.

За прошедший год Леха явно изменился, но уложить суть этих изменений понятными словами Сережа пока не мог. Леха и раньше был напористым, самоуверенным и подкатывал ко

всем симпатичным женщинам вокруг себя. Но если раньше он был крепким материалистом, то сейчас от его рассказов в воздухе возникал отчетливый аромат психушки.

– Лех, какие колдуны, какой купол? Я люблю поржать, но когда ты на серьезных щах начинаешь про это рассуждать, мне тошно.

– Ну и протоснись сходи, это кстати полезно – натуральная чистка. Тем более ты сегодня уже начал в машине, – хохотнул он.

Сережа кисло скривился, а Леха засмеялся и обнял его.

– Понимаю тебя, бро. Очень понимаю. Я тоже так думал и лицо также кривил. А потом стал замечать, что вокруг много странных вещей. Они прямо под носом, но к ним так привыкли, что не видят и потому они не вызывают вопросов. А должны были бы.

– О чем ты?

– Ну вот скажи, ты не задумывался, почему у нас в самом центре города внутри Кремля построен зиккурат, и в нем лежит человеческая мумия, которую поддерживает целый институт сотрудников? Не странно? Поверь, там наверху есть те, кто может много рассказать про оккультные ритуалы и мистику, в которых мы все невольно участвуем каждый день. Но они не хотят. И потому вешают на всю эту тему ярлык мракобесия, спуская ее в разряд мусорных объявлений про заговор и приворот в желтых газетах.

Они вышли на набережную пруда и пошли по часовой стрелке.

– Лех, про мавзолей наверняка есть объяснение, надо только поискать нормально. А люди искать не умеют и не хотят, потому что гораздо интереснее вот такую пургу про колдунов и заговоры распространять.

– Ну ты поищи объяснение-то. Как найдешь – расскажи, я послушаю. А пока я бы вон ты на роликах похитил бы часа на два. Или на три.

– А откуда ты вообще это взял – про колдунов политических?

– Да они сами рассказали. Политики, не колдуны. Я в Сандуны хожу каждый месяц. Встречаюсь там с чиновниками по работе. Столько узнал всего – ни в одной книжке не найти.

– Хм...

– Я тебе говорю, бро. Хочешь узнать, как тут чего устроено – ходи в баню. Почти все решающие ребята там заседают. С улицы, правда, не зайдешь. Надо, чтобы тебя представили.

– Я видел у тебя фотку в ленте с какими-то аборигенами. Зачем ты тогда к ним едешь, если тебе все в бане рассказывают?

Леха хитровато улыбнулся.

– Ааа, бро, следишь за мной? Это не аборигены, а индейцы латинские. Там тоже своего рода баня, только на другом уровне. Как бы тебе объяснить... Для Духа твоего. Понимаешь? И тоже решающие ребята сидят. Могут рассказать всякое, научить каким-нибудь фишкам полезным. Могут подарить артефакт какой-нибудь. Но могут, конечно, и в лоб дать, если без уважения зайдешь или рамсить начнешь. Ты меня слушаешь?

– А? – Сережа, понял, что мысленно улетел в деревенскую баню, куда они с папой иногда ездили на велосипеде. Последние несколько фраз Лехи он не слышал.

– Вот-вот, – засмеялся Леха. – Так оно и бывает. Спонсор нашего выпуска – Сансара. «Сансара – забыл зачем зашел».

– Что-то я засыпаю от твоих историй.

– Это нормально, бро. Называется саботаж. То, что я говорю, представляет угрозу для твоего мира, и потому включается защитный механизм. У тебя включилась лень и тупка. Хорошо, что не лезешь мне морду бить.

– Возможно скоро полезу.

– Возможно. Но попробуй удержаться и послушать про следующую странную вещь, тем более что ты только что ее испытал на себе.

– Ты про что? – хмуро спросил Сережа.

– Мы вот тут гуляем все такие красивые и классные, но при этом мы мало знаем и помним о действительно важных моментах. Много ты знаешь о своем рождении, например?

– Ну кое-что знаю, мама рассказывала, еще когда я мелкий был. А что нужно знать?

– Вот именно. Все, что мы знаем о своем рождении, нам рассказали родители. А они в свою очередь ничего не знают о своем рождении, им про него тоже рассказали. И так далее. Ты просто на минутку попробуй это осознать – никто из тех, кого ты видишь, – он обвел взглядом людей в сквере, – не знает, как и когда он здесь появился. Все новые пассажиры этого космического автобуса узнают такие сведения от тех, кто уже давно в нем едет.

– Хм... занятно, – с улыбкой согласился Сережа.

– Но это еще полдела, – продолжил Леха. – Потому что для того, чтобы рассказать тебе о твоём рождении, необходимо сначала научить тебя говорить и понимать язык, а затем загрузить в твою голову мешок разных понятий, начиная от того, кто такой «ты», что значит «родиться», что такое «время» и что это за место, в котором сейчас находится этот «ты»?

– И что дальше?

– Эээ, нет. Не спеши. Загвоздка в том, что возникает прогрессия абстрактных концепций. Чтобы объяснить любое из упомянутых выше понятий, потребуется использовать несколько новых, для каждого из которых нужны дополнительные понятия, и так до бесконечности. Получается бесконечная анфилада слов, объясняющих другие слова.

– Но как-то же все это работает? Люди рождаются, города строятся, машины ездят, ракеты летают.

– Как-то работает, – согласился Леха. – В основном за счет некоторых допущений, принятых в науке. Они позволяют функционировать миру в его сегодняшнем виде и при этом не делать цепочку объяснений бесконечной. Но основные вопросы вроде загадки рождения и смысла всего происходящего остаются такими же неясными, как и прежде.

– Может пойдём куда-нибудь, где потише? – предложил Сережа.

– Ты что? Здесь самый жир. Я же на охоте, – Леха хищно подвигал бровями, – выслеживаю свою шакти.

Сереже показалось, что Леха хочет, чтобы он спросил, что это за «шакти» такое или такая, но ему не нравились подобные спровоцированные пасы. Кроме того, он начинал уставать от текущей беседы. Даже если некоторые идеи были любопытны, их портил Лехин поучающий тон. Сережа был рад видеть друга, но точно не был готов слушать от него проповеди. Он взвесил баланс усталости и общей радости от встречи и решил, что можно недолго потерпеть, но требовалось срочно перевести разговор в более практичное русло.

– Ладно, – сказал он, – давай еще кружок сделаем. И поговорим не так абстрактно, а поконкретнее. Вот ко мне пришла тоска и скука. Что можно про это сказать?

– Видишь? – улыбнулся Леха. – Я же говорю – мы очень мало помним про себя. Поэтому приходится спрашивать у других.

– Да чего ты опять? – Сережа, почувствовал, что лед под ним снова трещит, но не знал куда деваться.

– Потому что это основа всего, бро. Вот у тебя бывает, что ты идешь в комнату что-то взять или сделать, заходишь, отвлекаешься на кота, собаку, телевизор, телефон или еще что-нибудь, выпадаешь на несколько минут и потом не можешь вспомнить, зачем ты в эту комнату пришел? Помнишь, что точно было какое-то конкретное дело, а какое – забыл. Бывает?

Сережа задумался. Такое с ним действительно иногда случалось, причем последний раз не далее чем сегодня утром, но признаваться в этом не хотелось – Леха и без того был очень радостный и довольный собой.

– Ну чего молчишь? Знаю ведь, что бывает, – Леха весело ткнул его локтем.

– Ну бывает изредка.

– Изредка? Ну давай сделаем почаще. Представь, что ты садишься за компьютер или берешь телефон, чтобы сделать конкретное дело, например, написать кому-то сообщение. Но «по дороге» до нужного мессенджера решаешь по-быстрому проверить социальные сети или просто видишь какое-то сообщение и решаешь сначала на него ответить. Отвечаешь и в итоге забываешь, что хотел сделать изначально?

– Вот это бывает, – печально согласился Сережа. – Причем иногда я даже помню что хотел сделать, но уже не хочу, потому что настроение изменилось.

– Так вот с жизнью тоже так – каждый сюда приходит со своей уникальной фишкой, но забывает ее под лавиной загружаемой информации, и потом все оставшееся время пытается вспомнить, в чем же она была.

– Ты, я смотрю, прямо революционер какой-то, – ехидно сказал Сережа, решив, что пора это дело тормозить. – Несешь нам, темным, свет и добро. Может, пора партию свою заводить? Назовешь «Вспомнить все».

– Нет, революция – это не мое. Для этого тут особые персонажи предусмотрены. У них специальная революционная «сборка», градус красноречия и соответствующая карма.

– Карма? – Сережа презрительно поморщился и закатил глаза. – Я тебя не узнаю.

– Так вот прямо сейчас и узнаешь, мы с тобой сегодня заново знакомимся, ты разве не понял? – подмигнул Леха. – Я хочу сказать, что у каждого человека есть люди или идеи, а иногда и то и другое, ради которых он готов терпеть лишения и даже может пожертвовать своей жизнью. Причем для окружающих его действия могут выглядеть безрассудством, а он не может иначе, такая у него «сборка». Если он этого не делает, то чувствует, что живет зря. У революционеров такие идеи посвящены социальному устройству и справедливости в их понимании. Но это большая тема, давай не сейчас. Про что я говорил перед этим?

– Ты что – проверяешь меня? – нахмурился Сережа. – Про уникальную фишку ты говорил.

– Вот и славно. Найти свою фишку – главная задача.

– Ты же говорил, что главная задача – найти настоящего игрока в этой симуляции?

– Это одно и то же, бро.

Леха замолчал, и, видимо, решив дать Сереже время обдумать сказанное, нагнал двух шедших впереди девушек.

– Девушки, добрый вечер, – Леха расплылся в улыбке, как чеширский кот. – Меня зовут Алексей. Скажите, вы бы согласились со мной пожить неделю на дереве?

– На дереве? А зачем? – спросила одна из девушек, с прической и в длинном платье.

– А вот это очень правильный вопрос. Здорово, что вы с него начинаете. Затем, чтобы немного приподняться над земными делами, и вспомнить, что все мы дети Природы. Это, знаете ли, древняя шаманская практика.

– Тише-тише, он хороший, просто подошел познакомиться, – вторая девушка поглаживала коричневого той-терьера, который тихонько рычал, глядя на Леху.

– А вы, Алексей, не очень похожи на шамана, – сказала первая.

– Так я городской шаман. Чистые чудеса без грязных перьев и бубнов.

– Жаль, – вздохнула первая. Нам нравится перья и бубны.

– Ну погоди, – остановила ее вторая. – А на каком дереве? И где? Нам нужны подробности.

– Пока не знаю, можем вместе решить. Думаю, сосна или дуб.

– А друг ваш тоже с нами поедет? – девушка с той-терьером обернулась к Сереже.

– Этот хмурый что-ли? А откуда вы знаете, что мы друзья?

– Так сколько вы уже тут ходите. Мы вас запомнили, – девушки громко засмеялись. – А почему ваш друг грустит? Наверное оттого, что вы его на нас променяли, – девушки снова засмеялись.

– Действительно, надо его проведать. Прошу меня простить, – он картинно откланялся и вернулся к Сереже.

– Алло, хмурый. Ты чего тут печальные волны пускаешь? На чем забуксовал?

– Да бесит это меня все, честно говоря. То, что ты говоришь, совершенно абстрактно и непрактично. Это словесные игры, которые никак не меняют суть. Как все это помогает в жизни? Ты сам, например, свою природу вспомнил? Можешь поведать?

– Моя природа – бесконечная любовь, – сказал Леха приторным голосом, – а моя задача – тебе, балбесу, мозги приоткрыть.

– Да пошел ты, – рассердился Сережа. – Бесконечность этой любви заключается, видимо, в том, чтобы трахнуть бесконечное количество самок. А мозги я очень хотел бы закрыть, да к сожалению не знаю как, поэтому ты мне их нещадно моешь уже два часа.

Леха капризно надул губы.

– Я думал, что это я циничный наглый тип, а оказывается, ты еще хлеще. Самки мне неинтересны, меня привлекают нимфы. Но если ты такой зануда, можем куда-нибудь поехать, так и быть.

– Поехали в бильярд. Помнишь, в Академии Наук клуб на крыше? Там вид красивый и всяко потише, чем тут.

– Можно. А я там смогу найти подругу на ночь?

– У тебя сегодня на ночь старый друг, которому ты моешь мозги.

– Бро, ну смотри, какой тут цветник. Давай возьмем кого-нибудь.

– Ну ты же видишь – я на другой волне.

– Так вот и сменим тебе волну. Вместо «Зануда-ФМ» включим HappyLife.

– А если я не хочу менять волну?

– А вот это интересно, – Леха еще больше оживился. Ты же сам сказал недавно, что у тебя хандра затяжная, и попросил меня помочь вернуть тебе азарт и драйв. Что-то не сходится.

Это действительно было странно, и Сережа даже остановился. Он прокрутил их разговор и подумал, что формально Леха был прав. Но никакой помощи в происходящем сейчас он не ощущал, только сопротивление.

– Я просил помочь, а ты мне в уши льешь, – раздраженно сказал Сережа. – Карма, фишка, сборка, любовь – где это все? Ты сам сказал, что такие понятия не трогаешь. А я хочу понять, что мне конкретно делать.

Где-то внутри Лехи казалось снова щелкнул невидимый тумблер, отчего он снова стал серьезен, положил Сереже руку на плечо, внимательно посмотрел и тихо, но отчетливо сказал:

– Делать то, что нравится, и не делать того, что не нравится.

– Все? Это весь рецепт? – фыркнул Сережа.

– Все. Очень сложно и очень эффективно.

– Да это же полный бред. Анархия какая-то. Сказал и не подумал, да?

– Думать тут как раз не надо. Тебе стоит сократить зазор между желанием и действием. Как только видишь, что начинаешь гонять что-то в голове, – тормози. Можешь, например, сразу падать на пол и отжиматься – будет дополнительная польза, – Леха засмеялся.

– Пошли к машине, – сухо сказал Сережа.

– А нимфы? – мечтательно огляделся Леха, но вместо ответа Сережа ускорился.

Пройдя быстрым деловым шагом через толпы гуляющих, они вернулись к машине и молча сели. Леха взялся за руль, а потом передумал и выключил передачу.

– Нет, я так не уеду. Мне нужно женское внимание, и я его получу. С этими словами он приподнялся над лобовым стеклом и стал крутить головой.

– Да сядь же ты, животное, – с раздражением сказал Сережа и дернул его за ремень. – Это и есть твой божественный дар, да? Куда ты ее сажать собрался – в багажник засунешь?

– Да, Серый, все так и есть. Мое животное сильное и здоровое. А твое – туповатое и занудное. И посажу я ее вместо тебя, а ты пойдешь лесом, потому что задолбал гундеть. Хмыкаешь, хрюкаешь, нос свой воротишь. Чего я, не вижу, как ты меня слушаешь и кривишься весь? Мне это надоело. С нимфой я покувыркаюсь сладко, и будет нам обоим хорошо.

– Вот и вали, – Сережа открыл дверь и поставил ногу на тротуар, но Леха схватил его за плечо.

– Чего такой резкий – у меня что ли научился? Я ругаться с тобой не хочу, – Леха говорил дружелюбно и одновременно твердо. Я соскучился и рад встретиться, просто мне тяжело смотреть на твою морду кислую, вот и пытаюсь помочь, тем более что ты сам просишь. Знаешь, как это классно – оставить свои законы? Вообще другая жизнь начинается. Я сам так сделал и тебе желаю как другу. Но если ты хочешь сегодня ходить с кислой рожей – дело твое. Ищи свой каршеринг и катись на нем. Как нищевод. Хахаха!

Последние слова сопровождались обворожительной улыбкой и искренним залившимся смехом. Леха гоготал так сочно, искренне и беззлобно, как это умеют делать только хорошие друзья.

В этом смехе была странная сила. Сережа почувствовал, что его тело тоже хочет смеяться, но не может, потому что что-то ему мешает. Словно где-то была невидимая заслонка. Ему вдруг вспомнился сеанс у Дзико, и в тот же момент он осознал эту заслонку внутри себя, и увидел, где и как сам ее «держит». При чем давно и крепко. И тогда он ее отпустил.

Все это случилось за долю секунды и смех, как долго сдерживаемая плотиной река, начал сотрясать его изнутри. Так сильно он не смеялся очень давно, с далекого детства, когда папа рассказывал особо смешную шутку. Смех был каким-то странным, очень скоро Сережа даже забыл, над чем они с Лехой смеются, но тело его продолжало корчиться и трястись, как это бывает от смеха. И Леха, глядя на него, тоже тряся. Казалось, будто где-то замкнулась невидимая цепь, заставляющая их так дико ржать.

Время растянулось и перед ним с бешеной скоростью проносились картинки из детства, где он смеялся с папой, звуки и запахи московского вечера, глаза Дзико, Леха и он сам в своих разных возрастах. «Надо же как классно бывает, а я и забыл», – подумал он. Проходящие мимо прохожие с удивлением смотрели на двух молодых мужиков в кабриолете, которые до слез корчились от смеха на переднем сиденье. Наконец они прекратили смеяться и затихли.

– Понимаешь, да? – спросил Леха, когда дыхание восстановилось. – Не люблю жить скучно и другим не советую.

– Понимаю, – ответил Сережа, переводя дух. – Ну чего – найдем тебе женскую компанию?

Леха улыбнулся и помотал головой, заводя мотор.

– Я сейчас пока смеялся, подумал – ну что мне эти шакти – они тут каждый день ходят, а с тобой я год не виделся. И потом я с нимфой так поржать не смогу.

– Я тронут. Давай только дальше без проповедей о том, как жизнь устроена, ладно?

– Попробую. Но жизнь, как ты помнишь, богаче придуманных схем, – Леха включил передачу и вырулил на дорогу.

В поисках свободы

– Это новая моделька, очень хорошо берут. Если позволите поинтересоваться – вы для каких целей кроссовки подбираете – спорт, отдых?

Звонкий голос принадлежал пареньку-консультанту в черной футболке с надписью staff. Он смотрел на Сережу и выжидательно молчал, пытаясь приладить куда-то непропорционально длинные руки. Выглядел паренек очень молодо.

– Привет, – сказал Сережа. – Цели очень прагматичные – хождение, сидение, стояние и немного лежания.

– Понятно, – серьезно кивнул паренек. – По цвету есть предпочтения?

– Недавно сюда устроился?

– Да, – паренек осторожно улыбнулся. – Позавчера вышел. А как вы поняли?

– Это несложно. Ну и как – нравится?

– Ваще норм. Дома все равно делать нечего, а друзья разъехались.

– А ты чего не разъехался?

– Мне некуда, – пожал плечами паренек. Зато вот тетя пристроила сюда на два месяца. Это моя первая работа, – с гордостью сообщил он.

– Деньги платят?

– Немножко.

– Ну что же – поздравляю, ... Как тебя зовут?

– Ой, – парень поспешно достал бейджик из кармана. – Выходил поесть и забыл надеть.

Влад.

– Влад, подскажи, пожалуйста, что-нибудь легкое и симпатичное для бега? В основном по асфальту. По цвету не знаю, покажи сначала, что есть.

– Все понял, – серьезно сказал Влад. – Присаживайтесь, сейчас будем примерять.

Спустя четверть часа Сережа вышел из магазина с обувной коробкой и остановился около фонтана посреди атриума. Покупка кроссовок была незапланированной – он зашел в торговый центр поужинать, но по дороге к ресторану зацепился взглядом за необычные зеленые кеды на витрине и зашел в спортивный. Он давно заметил, что спонтанные покупки улучшали настроение, поэтому даже если на дальнем горизонте они не приживались и пополняли коллекцию ненужных вещей, имелся конкретный практический смысл в покупке сиюминутной дофаминовой инъекции.

С бегом у него пока не складывалось. Каждый год он делал две-три попытки начать, но его запал ни разу не прожил дольше трех недель. «Ничего, – подумал он, чувствуя, как мозг приятно активизировался от покупки, – в этот раз все получится. Кроссовки – огонь».

Огромные электронные часы на стене показывали 18:18, и торговый центр быстро заполнялся людьми. На мрачных темных рынках из Сережиного детства такое происходило, когда завозили дефицитный товар, но здесь никакого дефицита не было. Люди приходили, чтобы просто провести время, переключиться после работы и принять несколько дофаминовых шотов через покупки, кино или еду.

Сереже показалось, что симметричное время на часах как бы намекает ему на избранность момента, и хотя было неясно, для чего именно этот момент избран и кем, настроение его еще немного улучшилось. Ресторан, где он собирался ужинать, располагался на верхнем этаже, эскалатор был рядом.

Цифры на часах напомнили ему недавний ролик, присланный Лехой. В нем здоровый накачанный мужик отвечал людям в зале на их житейские вопросы через призму йоги и неотантры. Леха периодически упоминал эти слова в своих рассказах, и на вопрос Сережи о том, что это такое, прислал ссылку на видео. Мужик, по словам Лехи, был известным в прошлом

йогом и ведущим тантрических тренингов. Один из зрителей в этом видео спросил, что значит, если он часто встречается на часах симметричное время? Судя по оживлению в зале, вопрос интересовал многих, и Сереже тоже стало любопытно. Ведущий, однако, шутливо посмотрел на парня и сказал, что тому следует пореже интересоваться временем или купить часы со стрелками. Единственное, что немного обнадежило Сережу, – это хитрая улыбка йога в конце. Как будто он специально дал шутливый ответ, чтобы сохранить тайну.

Рыбный ресторан, или «Фиш-хаус», как гласила вывеска, встречал гостей приятной тишиной – после какофонии торгового центра она действовала терапевтически. Посетителей было мало, и Сережа разместился у полностью стеклянной стены, откуда открывался вид на площадь, историческое здание вокзала, реку, мост и высотку МИДа. Бегло посмотрев меню, он попросил капрезу, дорадо на гриле с картофельным gratenom и стручковой фасолью и бокал белого вина. После первого глотка он удовлетворенно причмокнул и отметил, что уровень дофамина еще немного приподнялся. Сережа подумал, что в его сегодняшних планах не было ни спортивного магазина, ни этого ресторана. Однако они случились и он был этому рад.

Официантка принесла корзинку свежего хлеба с хрустящей корочкой и соленое масло. Хлеб здесь был на редкость вкусный, но по опыту Сережа знал, что лучше на него не налегать, иначе основная еда доставит меньше радости. Он сглотнул слюну, с трудом отвел взгляд с корзинки и открыл ленту социальной сети. Почти сразу его внимание привлекла статья о возрасте, которую перепостили несколько друзей. Он нажал на ссылку.

«То, что мы называем „возрастом“, – писал неизвестный Сереже автор, – приходит незаметно. Сначала ощущаешь, что стоишь в самом начале невидимой транспортной ленты. Все окружающие расположены на ней где-то впереди, а сзади – почти никого. Лента движется так медленно, что мы этого не замечаем. Потом ты увлекаешься активностями, которыми тут принято увлекаться – лазать на стройке с друзьями, кататься на велосипеде, ходить в школу, а затем в институт/университет, занимаешься спортом, а дальше начинаются отношения, работа, деньги, статус, власть. И вот однажды обнаруживаешь, что позади тебя на том невидимом транспортере уже полно народу. Те, кто раньше были впереди, теперь все чаще сзади. Продавцы, учителя, тренеры, солдаты и полицейские. Причем многие не то, что чуть-чуть моложе, а вообще – „дети“ какие-то. И ты понимаешь, что это только начало, а „разрыв“ будет только расти. И возникает вопрос – если там, где прежде были „взрослые“, теперь находятся „дети“, то где же находишься ты сам? Где ты стоишь на этой ленте?»

Сережа отложил телефон и поглядел в окно. Площадь возле торгового центра напоминала муравейник, на который он любил смотреть в детстве на даче. Кажущийся на первый взгляд хаос оказывался организованным упорядоченным процессом, стоило лишь посмотреть подольше.

Так и сейчас – в толпе на привокзальной площади, сначала казавшейся пестрым салатом из людей и машин, обнаруживался скрытый порядок, если задержать на ней взгляд. Пешеходы, машины, троллейбусы, автобусы, трамваи, и даже речные трамвайчики (они виднелись чуть дальше) – все двигались по своим маршрутам и следовали определенным правилам движения. При взгляде сверху площадь можно было увидеть как большой отрегулированный механизм, однако снизу такая перспектива была недоступна, отсюда было сложно даже заподозрить о ее существовании.

Тогда, в детстве, наблюдая за муравьями, Сережа частенько думал, что, возможно, кто-то похожим образом смотрит на их человеческий муравейник. Кто-то очень большой, кто знает о них больше чем ученые, казавшиеся ему в то время самыми умными людьми. От этих мыслей возникало странное ощущение – будто ты открыл какую-то незаметную прежде дверь и стоишь на пороге. Что впереди – не видно, и тебе одновременно интересно и немного страшновато. Он несколько раз спрашивал об этом у взрослых, но ничего внятного не услышал. Они либо

смеялись и отшучивались, либо даже начинали сердиться и требовали прекратить «раскорячивать мозги себе и другим».

Сереза перестал раскорячивать мозги другим, но себе продолжил, как продолжил и наблюдения за муравьями. Скоро это принесло другую интересную мысль. «Что, если вся моя жизнь, – подумал он, – просто мысли какого-то космического существа? Если я успеваю столько всего разного подумать за один поворот головы слева направо или посмотреть несколько реалистичных снов за ночь, то почему весь мир не может быть чьим-то сном?»

Если он пытался вообразить, что это может быть за существо, ему представлялся инопланетный «циклоп» из старого советского мультфильма «Контакт». У циклопа были глаза на ножках, и Сереза тогда с интересом подумал, что с такими глазами можно посмотреть на себя без зеркала.

Сереза отпил еще немного вина и снова вкусно причмокнул, ожидая новую порцию гормональной щекотки. «А может это все действительно какая-то игра, как говорил Леха, в которой я сейчас нахожусь на определенном уровне и пока не могу перейти на следующий?»

От этих мыслей пришло тоскливое ощущение потерянности, будто прежде внутри него был навигатор с картой жизни, а сейчас вместо карты была лишь чернота. «Сервер недоступен», – сказал он неожиданно вслух и сам вздрогнул от звука своего голоса.

Накатившая потерянность быстро снижала поднятый инъекциями дофамин и нужно было исправлять ситуацию. Сереза сделал глоток вина и посмотрел на корзинку с хлебом, где лежали ароматные ломтики трех видов – черные, серые и белые.

Он облизнулся, а потом быстро, пока не передумал, намазал ароматную черную горбушку соленым маслом и аппетитно захрустел. Соединение с сервером не появилось, но тоскливые мысли о карте, навигаторе и потерянности отодвинулись куда-то в тень.

«А чего я собственно загоняюсь?, – подумал он. – Все же понятно. Надо еще „Мандельвакс“ приподнять, чтобы вообще не беспокоиться про деньги. И дальше продать долю и спокойно заниматься поисками этих жизненных навигаторов. Общаться с интересными людьми, путешествовать и обязательно кстати ходить в хорошие рестораны. Сколько мне еще нужно времени на Мандельвакс? Год? Два? Три? Да, где-то так, меньше трех вряд ли получится. Ну и нормально, куда мне торопиться?»

Он намазал еще кусочек хлеба, попытавшись сообразить – второй это или третий. Вроде бы второй. Но может и третий.

Ему отчего-то вспомнился паренек из спортивного магазина, затем статья про возраст, и следом представился тот возрастной транспортер с людьми, на котором он попытался найти себя. Вместо ответа почему-то возникло облачко грусти и жалости к себе, так что Сереза нахмурился и немного потряс головой, будто скидывая грусть. Это не помогло, и он снова открыл ленту, однако читать уже расхотелось. Уровень радости падал и срочно требовал подпитки. Сереза решительно открыл рабочий чат с коллегами, чтобы быстро сделать какое-нибудь совсем простое дело, но этого не потребовалось – помощь пришла с другой стороны: официант принес большой поднос, поставил перед ним несколько тарелок, а сам стал разделывать рыбу, вынимая кости.

Будто почувствовав, что он собирался ее проведать, но передумал, работа пришла к нему сама – телефон на столе задрожал, звонил Саша, руководитель продаж.

- Ты далеко? Говорить можешь? – Сереза сразу понял, что настроение у Саши хорошее.
- Могу, но еда стынет, поэтому давай быстро.
- Я подписал ТЦ на Соколе. Они будут нас продвигать.
- Классно. А который? Мы же там с двумя общаемся.
- Большой, где почти 500 точек.
- Огонь. Молодец.

– Я тоже думаю, что молодец, – небрежно сказал Саша. – Они ведь серьезно будут нас продвигать. Как в бриллиантовой руке, помнишь? «Кто не будет брать – отключим газ», – Саша усмехнулся.

– Помню, да. Если это все, то я пойду есть. Завтра поговорим. Надо обсудить их интеграцию. Мы ведь так быстро их не ждали, придется наверное кого-то помельче подвинуть в очереди.

– Завтра мы вряд ли обсудим – я буду отходить от того, что натворю сегодня, – Саша снова засмеялся. – Мы собираемся в баре на Маяке в 8.30. Приходи. Косте я уже позвонил.

– Я сегодня мимо. Жгите без меня.

– Ясно-ясно. Что – опять не в духе?

– Почему опять?

– Жениться вам надо, барин, – вздохнул Саша.

– Не дождетесь.

– Ну в общем ты все понял, если надумаешь – приходи, мы будем рады.

– Окей.

Сережа отложил телефон и энергично захрустел перочницей. Потом снова взял телефон, отключил звонок и вернул его на стол экраном вниз. А затем приступил к еде, отчего все другие события на время перестали существовать, как будто мир встал на паузу. Сереже было вкусно. Очень.

Спустя примерно четверть часа, он откинулся на спинку дивана, ослабил ремень на джинсах и шумно выдохнул. Настроение определенно улучшилось, и рука снова потянулась к телефону. На экране висело уведомление из календаря – Саша добавил его в предстоящую встречу с одним из потенциальных клиентов. Глядя в своем недельном календаре на плотные столбики предстоящих мероприятий, Сережа вспомнил, как еще год назад они с Костей радовались такой загрузке. «Вот, – восторженно говорил Костя, – вот это я понимаю „рабочий ритм“. Всегда бы так».

Тогда Сережа радовался вместе с другом, но сейчас вдруг отчетливо понял, что устал от такой загрузки, и ему хочется иметь ежедневно некоторое количество свободного неструктурированного времени. Большинство его друзей и знакомых, управлявших собственным бизнесом, имели очень плотный график и часто сетовали, что у них нет свободной минуты. Стоило, однако, в их распорядках появиться пробелам, как они их тут же заполняли – спорт, обучение, новый бизнес. «Серега, тормозить нельзя, потеряешь темп. Если расслабишься, то потом уже не догонишь», – говорил его университетский товарищ, а теперь успешный инвестор, отдыхающий одну неделю в году, да и то с ноутбуком подмышкой.

Получив начальный импульс, мысли стали сами собой выстраиваться вокруг понятия «свободы». Что это вообще такое? В младших классах, например, свободой казалась возможность не ходить на некоторые уроки. Или гулять когда, с кем и где хочется. В университете и сразу после него на первом плане находилась свобода материальная – гаджеты, компьютеры, рестораны, машины, квартиры, курорты. Хотелось иметь возможность покупать то, что нравится, не думая о том, сколько это стоит, ездить куда хочется.

Примерно полгода назад Сережа неожиданно осознал, что его запрос на материальную свободу удовлетворен. Конечно, крупные покупки вроде приличной яхты или самолета требовали бы серьезно напрячь финансовые мышцы, но дело было в том, что ни самолет, ни яхта его не манили. И это было отчасти странно, потому что его богатые друзья продолжали с азартом осваивать эти люксовые уровни потребительского квеста. «Ты не спеши, – говорили они, – немного подожди, и захочется».

Сережа даже полетал с одним другом на его новенькой «Сесне» и загорелся получить летную лицензию, но через две недели остыл.

Просидев некоторое время в характерном оцепенении, которое иногда посещало его после плотной еды, он попросил жестом счет и вызвал такси. Водитель откликнулся сразу, около вокзала и ТЦ машины дежурили круглосуточно. Рядом с рестораном был лифт, и Сережа спустился напрямик к выходу, не окунаясь в шум и суету торгового центра. «А то, глядишь, еще чего-нибудь куплю», – усмехнулся он про себя.

Водитель Шерзод Нематжонович на Kia Рио уже подъехал к выходу и мигал аварийкой. В такси оказалось уютно – пахло каким-то сладковатым ароматизатором, а из колонок тихо звучал задумчивый саксофон. Сережа даже немного пожалел, что до дома так близко ехать.

Когда машина проезжала по мосту над рекой, он посмотрел на темную воду с белыми островками речных теплоходов и вдруг вспомнил, что собирался сделать какое-то дело, кажется написать кому-то. Он перебрал мысленно несколько вариантов, но все было не то. Казалось, что дело лежит совсем рядом – протяни руку и возьми. Но лишь только он начинал тянуться туда вниманием, как оказывалось, что там пусто.

Сережа прекратил попытки и огляделся. Рядом с ним на сиденье лежала большая надпись «Свободно/Free», вырезанная на 3D-принтере из зеленого пенопласта с присоской для крепления на стекло. Сережа повертел надпись и проверил присоску.

– Знаете в чем разница между такси и женщиной? – спросил водитель, глядя на него в зеркало.

– Знаю, – сказал Сережа. – Такси с огоньком свободно, а женщина с огоньком – нет.

– Верно, – засмеялся водитель.

При выезде на Садовое образовалась большая пробка, и машина остановилась.

– А вы уже нашли? – хитро прищурившись, спросил Шерзод Нематжонович. Похоже ему хотелось поговорить.

– Чего?

– Не чего, а кого, – засмеялся водитель. – Свою женщину с огоньком.

– Пока нет.

– А я нашел, – Шерзод Нематжонович широко улыбнулся, сверкая золотыми коронками.

Саксофон затих, водитель сменил станцию и знакомый с детства хриплый голос Высоцкого запел:

«Этот рассказ мы с загадки начнем —

Даже Алиса ответит едва ли:

Что остается от сказки потом,

После того, как ее рассказали?»

Сережа не успел в прямом смысле моргнуть глазом, как музыкальная машина времени подхватила его и перенесла в бабушкину гостиную. Он сидел на диване, накрытом покрывалом из шторы, и рассматривал обложку большой двойной пластинки, подаренной папой. Сюжет сказки Кэрролла его тогда не особенно увлекал, но песни персонажей ему нравились и запомнились. Где теперь эта пластинка, он не знал. А вот сказка жила в его памяти, как и бабушка, которая умерла несколько лет назад. Сережа посмотрел на правый конец невидимого возрастного транспортера, где была размытая чернота. Что там? Бабушка знает, но не может рассказать. Или может, но он не знает, как ее услышать.

Вдруг будет пропасть – и нужен прыжок.

Струсил ли сразу? Прыгнеш ли смело?

А? Э... Так-то, дружок,

В этом-то все и дело.

Может, эта чернота с правой стороны транспортера и есть такая пропасть, через которую нужно прыгнуть? А может пропасть – это его текущая хандра, и тогда получается, что он стоит перед ней прямо сейчас? Эта мысль его странно встряхнула.

– Скажите, – обратился он к таксисту, отчего тот оживился и сделал музыку тише, – а что для вас значит «свобода»?

– Ишь ты как, – ухмыльнулся таксист. – А я сразу понял, что вы должно быть интересный собеседник.

– А чего тут думать? – продолжил он после короткой паузы. По-моему, все ясно. Делать, что любишь, жить с любимыми людьми и растить любимых детей. Я вот рыбалку очень люблю. А вы?

– А я не очень, – сказал Сережа.

– Это ничего. У вас еще время есть. Обязательно что-то полюбится. Хотя я рыбалку еще в детстве полюбил, мне меньше, чем вам, было. А теперь туры рыболовные устраиваю. Представьте – приезжаете к нам, у нас гостевые домики на реке, лодка. Я вам такие места покажу – закачаетесь. А вечером ужин, банька. Красота.

Он прервался, потому что загорелся зеленый и машины, как на гонке, ринулись вперед, поджимая друг друга. Когда до перекрестка оставалось несколько метров, снова включился красный.

Сережа нервно крутил в руках телефон, чувствуя, как в его уме происходит что-то странное и даже пугающее. Какое-то неясное напряжение, судя по всему давно нараставшее в фоне, достигло такой точки, где его нельзя было игнорировать. Конкретные и абстрактные понятия путались, налезая друг на друга, и водили вокруг него какой-то пугающий, ускоряющийся хоровод. Бабушка, детство, возраст, свобода, пластинка, Сережа, пропасть, смерть, смелость, душно, страшно, непонятно. Ему казалось, что он вот-вот может потерять сознание.

«Может рыба тухлая была? – с тревогой подумал Сережа. – Нужно срочно куда-то погрузиться, отвлечься». Он открыл ленту, где оказалась открыта статья про возраст, наотмашь прокрутил пальцем блог автора и ткнул наобум в одну из ссылок. Читать страницу с плотным текстом не было никаких сил, но в центре этого текста Сереже бросилась в глаза выделенное цветом и сверстанное по центру четверостишие:

*«Помни, что ни чужой войны, ни дурной молвы,
Ни злой немочи, ненасытной, будто волчица —
Ничего страшнее тюрьмы твоей головы
Никогда с тобой не случится.»*

Вера Полозкова

«Тюрьмы моей головы». А ведь так и есть. Я сижу в такой тюрьме и делаю что угодно, чтобы ее не замечать. Весь сегодняшний вечер запиваю и заедаю, чтобы отвлечься. Это же и есть пропасть. Он вдруг почувствовал прилив сил и какой-то необычной смелости. Захотелось двигаться. Еще недавно уютная машина вдруг показалась физически тесной и душной.

– Ну вот и выбрались на простор, – радостно сказал таксист, вырвав на Садовое. – Сейчас помчимся, только кепочку держи.

– Вы остановите прямо здесь, пожалуйста, я дальше пройду.

– Пожалуйста. – Таксист перестроился в правый ряд и остановился недалеко от въезда в туннель под Новым Арбатом.

– А рыбалку вы не любите потому, наверное, что вам никто это дело не показал как следует, – вкрадчиво сказал он, поворачиваясь к Сереже.

– Может быть, – Сережа открыл дверь.

– Возьмите визитку. Если все-таки захотите порыбачить – звоните, организуем все как положено. Не пожалеете.

– Спасибо.

Выйдя из машины, Сережа почти бегом поднялся до Нового Арбата, спустился в переход и перешел на другую его сторону. Затем так же, быстрым шагом, срываясь иногда на бег, добрался до своего переулочка и лишь там замедлился.

Его привычное пространство размышлений о свободе, возрасте и жизни вдруг увиделось очень узким пяточком, по периметру которого стоял высокий забор. Этот забор состоял из убеждений о мире и себе, и почти все эти убеждения, как он вдруг увидел со страхом и отвращением, не были его убеждениями. В основном все они были просто взяты им на веру когда-то давно, то есть относились к знанию первого типа по классификации, рассказанной Михаилом.

И именно эта мысль, что он всю свою жизнь провёл в картонном мире, вызывала сейчас отвращение, за которым поднималась злость. Несмотря на «картонность» убеждений, создаваемый ими контур был таким плотным, что найти в нем просветы и выйти за его пределы Сережа сам не мог, эта тюрьма была надежной.

Он зашел в свой двор, сел на лавочку и отдышался. «Может, пора скататься в отпуск? Но не будет ли это снова попыткой отвернуться от важного? Наверное, смотря чем там заниматься. Алиса же рассказывала про „чистку пылесоса“ – вот это как раз она. Да, пожалуй, это хорошая идея. Но сначала встретиться с Михаилом. Куда он вообще пропал?»

Последний раз они говорили месяц назад. На следующий день, после массажной сессии у Дзико, Михаил позвонил его проведать. Сережа рассказал про сессию и как он проснулся спустя 2 часа от шума пылесосов – поздно вечером в офис приезжала бригада клинеров. Михаил задал пару коротких уточняющих вопросов, посоветовал следующие несколько дней ложиться пораньше и попрощался. Сережа ожидал очередного приглашения на чай, но его не поступало. Иногда ему казалось, будто Михаил втянул его в какую-то странную игру, правила которой он пока не мог понять. Однако интуитивно он ясно чувствовал, что все это время его звонок или визит были бы нарушением какого-то глубинного порядка вещей.

«Бред какой-то, – проговорил Сережа вслух, чувствуя, как злость внутри разгорается, – вот прямо сейчас и напишу». Он открыл корпоративную адресную книгу и отправил Михаилу сообщение: «Добрый вечер. На следующей неделе уезжаю в отпуск. Хотел бы увидеться до отъезда.»

Вместе со звуком улетающего сообщения возник прилив сил.

«Привет. Могу завтра в 9 вечера в офисе. Зайдешь?» – пробежал Сережа глазами ответ Михаила.

«Да, до встречи».

Он недоуменно огляделся, словно ожидая увидеть где-то объектив скрытой камеры. Почему он не мог написать Михаилу раньше? Но ведь и правда не мог. Это действие словно находилось за пределами его досягаемости, он его видел, но не мог дотянуться, а сейчас оно подвинулось ближе и стало доступно. Или может это он подвинулся.

Как бы там ни было, пугающий мыслекрут разом утих, и, хотя ощущалась некоторая душевная усталость, в целом ему стало хорошо и ясно. Оставшийся вечер прошел без приключений, если не считать совсем маленького штриха.

Подготовив несколько слайдов для предстоящего выступления на продуктовой конференции, перед тем как пойти в душ, Сережа по привычке открыл «мусорную» почту, которую указывал при регистрации не особенно важных сервисов. Изредка сюда залетали полезные письма, поэтому он ее время от времени проверял.

Среди пары десятков стандартных маркетинговых заголовков его действительно «ждала записка». Вероятно в другое время он бы ее даже не заметил, но сейчас пройти мимо было нельзя.

*«Свобода от известного». Новое издание Джидду Кришнамурти.
Впервые в аудио-формате.*

Сереза машинально перевел взгляд чуть правее – туда, где отображались дата и время сообщения: 05 мая 11:11.

Часть 2. В дорогу

Инициация

Чем ближе была встреча с Михаилом, тем меньше Сережа представлял, как ее построить. Спросить совета? Попроситься к нему учиться? А чему вообще он собрался учиться? Предлагать ли деньги? У себя в команде Сережа был капитаном, он чувствовал себя уверенно и понятно, но в присутствии Михаила ощущал себя подростком. Но с другой стороны именно потому, что Михаил старше и опытнее, Сережа шел к нему. И значит, лучше просто рассказать все как есть, ничего не изображая и не выдумывая. Мысль казалась очевидной и Сереже удивился, что ему потребовалось прокладывать к ней новые тропинки умозаключений.

С середины дня и до половины восьмого вечера они с командой тестировали новый релиз, потом он спустился в кафе перекусить и разговорился там с руководителем другого проекта, тоже недавно купленного. Ребята делали платформу для чат-ботов, и Сережа хотел попробовать их решение, чтобы разгрузить операторов колл-центра.

Когда, наконец, без четверти девять он приближался к «пещере» Михаила, офис уже был почти пустой – в это время оставались только трудоголики, авральщики и те, кому по каким-то причинам на работе было лучше, чем дома.

Михаил был в просторных темно-коричневых вельветовых штанах и красной толстовке с капюшоном. Несмотря на поздний час, выглядел он бодро.

– Днем «придавил» часик, – объяснил он и показал на сложенную в углу раскладушку. Рядом с ней стоял небольшой дорожный чемодан для ручной клади.

– Уезжаете? – спросил Сережа, показывая на чемодан.

Михаил кивнул.

– Через полтора часа машина в аэропорт.

– Далеко и надолго?

– В Австралию. Думаю, на пару недель. Ну что – посидим с Ванюшей? – улыбнулся он. И, увидев вопрос на лице Сережи, пояснил: – Я иван-чай собираюсь заварить с алтайскими травами целебными. Знакомый из тех краев прислал.

– Алтайский знахарь? – пошутил Сережа.

– Так точно, – удивился Михаил. – Как догадался?

– Да я просто так сказал. Вставляю иногда клише к месту и не к месту. Если слышу про Алтайские травы, то представляется знахарь. Наверное перечитал в детстве желтых газет у бабушки.

– Ясно, – усмехнулся Михаил. – Кстати, это тебе, – он протянул небольшой бумажный пакетик. – Инструкцию по заварке уже выслал тебе на почту. Рекомендую утром после легкого завтрака.

– Это тот чай, что мы пили в прошлый раз?

– Другой, но тоже хороший. Присаживайся.

Подушек около столика, за которым они сидели в прошлый раз, сегодня не было, и Сережа сел за обычный стол. Михаил засыпал в чайник трав из нескольких пакетиков и залил горячей водой.

– Ну рассказывай, как поживаешь, куда собрался в отпуск? Ты просто поболтать заглянул, или что-то конкретное есть?

Сережа снова отметил странное ощущение, возникающее в присутствии Михаила. Казалось, что даже обычные его вопросы как-то помогают процессу размышления.

– Ничего конкретного пока не решил, – медленно начал он, стараясь просто озвучивать свои мысли без прикрас. – Визы у меня есть, билет купить недолго. Европа, наверное, обычно я туда езжу. Хочется картинку сменить хотя бы ненадолго. Кстати, можно мне еще раз к Дзико на массаж попасть?

Михаил покачал головой.

– Уже нет. Она сейчас в Японии и неизвестно, когда снова приедет. Но я рад, что ты к ней сходил.

– Да уже. Жаль, что повторить нельзя.

Сережа повертел в руках чашку.

– Я не пойму – узор вроде какой-то другой стал, да?

– Это мы с тобой другие, оттого и узор другой, – Михаил сел напротив него.

– Я после нашего прошлого разговора думал обо всем этом, – продолжил Сережа. – Обновление системы, изменения, свобода, счастье, смыслы...

– т-а-а-к... и чего надумал?

– Есть ли способ ускорить этот процесс? Может, какие книги подскажете?

– Книги есть, но они слабо сейчас помогут. Ты умеешь на велосипеде кататься?

– Конечно.

– А плавать? – Сережа кивнул.

– Представь теперь, что кто-то не умеет ни того, ни другого и просит тебя дать ему пару книг, чтобы научиться.

– А что – нет таких книг?

– Книжки-то есть. Сейчас здесь такие времена, что книги есть о чем угодно. Поэтому для начала нужно найти в этой куче ту книгу, которая тебе «подмигнет» и позовет за собой. Но даже толковая книга сама по себе не научит тебя держать равновесие на велосипеде или плавать, у тебя появится просто информация о том, как это делать. А тебе нужен навык.

– Вы снова про идею насчет трех типов знания, да? Разница теории и практики?

– Именно. Книжки начинают по-настоящему работать, когда у нас уже есть хотя бы крупицы непосредственного опыта и конкретные вопросы.

– Ну хорошо. А как тогда быть? Упражнения какие-нибудь есть?

– Упражнения? Есть конечно. – Михаил налил чай и пододвинул чашку Сереже. —

Важнейший базовый навык, который стоит развивать, – это навык видеть, как работает твой ум. Видеть – это, конечно, громко сказано, – для начала хотя бы немного замечать. Изучить его типовые траектории и приемы. Замечать мысли в течение дня – как они возникают, откуда. Их, кстати, не так много, как может показаться. И хандра твоя, о которой ты рассказывал, – это просто один из типовых внутренних процессов, говорящий о каком-то скрытом конфликте в системе.

– Каком, например?

– Это тебе самому надо, мой ответ не поможет, – улыбнулся Михаил.

– Ну ладно. А что за упражнение?

– Для тренировки внимания. Про медитацию слышал что-нибудь?

– Слышал, но, честно говоря, не понял. Мы ходили как-то в Гоа с подружкой на семинар, сидели там и пели «Оммм», – Сережа скрестил ноги и закрыл глаза.

– Неплохо, – засмеялся Михаил. – За понятием «медитация» находится громадный класс техник для работы с вниманием. Движение, дыхание, звук, образ – все это может быть инструментом. Но для начала я предлагаю тебе хотя бы немного «заточить твою указку», то есть сделать внимание более острым и стабильным.

– Что это значит?

– Представь, что ты открыл механические наручные часы и видишь сложный механизм из шестеренок и пружин. Ты не можешь дотронуться пальцем до конкретных деталей – палец

для этого слишком толстый. А вот остро заточенным шилом, миниатюрной отверткой или пинцетом можешь. Острое внимание позволяет тебе различать в себе события, которые до этого были не заметны, – поэтому их часто называют «тонкими». А стабильность означает, что рука с отверткой не трясется. Понятно?

– Примерно. А что делать-то надо?

– Одна из классических техник заключается в наблюдении за дыханием. Начинается она с того, что ты наблюдаешь за ощущениями от дыхания на кончике носа. Пробовал когда-нибудь? Сережа помотал головой.

– Садись, – Михаил поставил два стула друг напротив друга на расстоянии метра. – Представь, что у тебя на кончике носа наблюдатель, который отслеживает физические ощущения от прохождения воздуха через ноздри.

– Прямо на стуле? – удивился Сережа. – Я думал нужно на полу сидеть в лотосе.

– Чтобы сидеть на полу, нужно подготовить коленные и тазобедренные суставы, мышцы живота и спины. У тебя они пока не готовы – я видел, как ты сидел в прошлый раз на пуфике.

– Чего – совсем плохо?

– Не совсем. Но чтобы поддерживать правильную геометрию, тебе сейчас придется сильно напрячься. Это нормально для домашней тренировки. Но для сегодняшних целей это нам не подходит. Мне нужно, чтобы ты поменьше отвлекался на физический дискомфорт. Давай я покажу.

Михаил показал и объяснил, что стоит сесть на край стула, положить ладони на колени, расслабить живот (для этого Сереже потребовалось расстегнуть ремень) и выпрямить спину, но не слишком сильно, чтобы там не возникало явного напряжения. Стопы требовалось расположить так, чтобы в коленях был прямой угол. Для этого может потребоваться подложить подушку или, наоборот, взять стул пониже.

– Далее нужно найти наиболее удобную тебе точку наблюдения. Это может быть перегородка между ноздрями, внутренние стенки крыльев носа или самый его кончик. Поначалу наблюдение будет дискретным, то есть прерывистым – ощущение будет находиться и теряться, но по мере тренировки оно обретет непрерывность.

– Где тебе проще ощущать дыхание? – спросил он, когда Сережа сел на стул и повторил показанную позу.

– На крыльях носа... Вроде бы – неуверенно сказал Сережа.

– Хорошо, сейчас используй эту точку. Дома потом попробуй другие и выбери ту, где ощущения наиболее ярко выражены.

Несколько мгновений Сережа прислушивался к своим ощущениям.

– Честно говоря, не чувствую ничего необычного.

– Это нормально. Как я и сказал – ощущения очень «тонкие». Можно сравнить их с приземлением комара на кожу. Если ты увлечен беседой, то ты не заметишь, когда комар сядет тебе на щиколотку или на локоть. Но если ты знаешь, что вокруг тебя есть комары, и не занят другими делами, то ты можешь направить все доступное внимание на отслеживание ощущений и заметить момент приземления. А если у тебя при этом будет только одна голая рука, то ты с еще большей вероятностью заметишь высадку «вражеского десанта». Чем меньше площадь наблюдения и меньше отвлекающих событий, тем более тонкие события ты можешь на ней заметить.

– Да, это ясно. Но я не понимаю, куда именно смотреть и что чувствовать, – Сережа почувствовал, что начинает раздражаться.

– Попробуй почувствовать мое состояние, чтобы воспроизвести.

– Не понимаю.

– Это нельзя *понять*. – Наши состояния относятся к такому измерению, где «понималка» не работает. Поэтому я предлагаю *почувствовать*.

Пять минут в тишине ничего не изменили. Сережа был расстроен, но Михаил выглядел так, как будто все шло по плану.

– Твое внимание уже чуть обострилось, – сказал он внимательно глядя на него. – Переходим к следующей фазе. Теперь ты закроешь глаза и будешь особым образом дышать. Вдох – 5 счетов, выдох – 11. Я буду вести счет вслух, так что тебе нужно просто следовать за голосом. Мы сделаем несколько циклов такого дыхания, а потом ты перенесешь внимание на крылья носа, чтобы почувствовать там ощущения от проходящего воздуха. Оно очень легкое, поначалу едва заметное. На вдохе воздух более прохладный, на выдохе – теплый. Твоя задача собрать все доступное тебе внимание и направить его на ту точку, где ты собираешься наблюдать. Возможно в какой-то момент я положу руки тебе на спину или на голову, не пугайся. Вопросы есть?

Сережа немного подумал.

– Пока нет. Давайте попробуем.

– Отлично. Немного выпрями спину, подбородок чуть ниже, глаза можно закрывать, начинаем с дыхания. Раз-два-три-четыре-пять...

Первые 4 цикла Сережа пребывал в оцепенении, пытаясь вспомнить и сообразить, что ему нужно делать. Затем мысли бешено ускорились, словно в густой кисель погрузили миксер. Сережа сбился со счета и потерялся, а когда опомнился, то ощутил себя в вагонетке Диснейленда, поднимающейся на верхнюю точку горки, чтобы стремглав помчаться оттуда вниз. Воспоминание было удивительно реальным, будто это происходило с ним не 10 лет назад, а прямо сейчас. Вокруг стало тихо и вязко, время замедлилось, а темнота перед глазами странным образом расширилась. Будто он стоял перед стеной, которая отодвинулась вдаль.

Голос Михаила, казалось, тоже отдалился, и следом за этим появилось ощущение, что перед его лицом что-то есть. Какой-то конус вроде шапки звездочёта из детских сказок. Широкий край этого конуса был прислонен к лицу, и получалось, что он смотрит в сужающийся туннель. А затем в голове стало очень тихо. Как будто до этого он ходил по шумному аэропорту, а сейчас вдруг оказался в тихом уютном кабинете или лаунже с мягким шумопоглощающим ковром на полу.

Где-то вдалеке сверкнули огоньки нескольких событий. Михаил положил одну ладонь ему на макушку, а другой рукой дотронулся до точки у основания черепа. Сережа хотел было поразмышлять об этом, но внимание само дернулось к конусу перед лицом. Теперь это уже был никакой не конус, а его, Сережин нос. Большой и живой. Да-да, этот нос был в постоянном движении, потому что... через него шел воздух. Нос непрерывно расширялся и сжимался, и было совершенно непонятно, как такой явно выраженный активный процесс мог оставаться прежде незамеченным.

Но оказалось, что это не предел. Дыхание стало еще более заметным. А затем еще и еще. Внимание снималось со всех других объектов и устремлялось сюда, к наблюдению за дыханием, делая его все более и более выпуклым. Другие объекты при этом исчезали, как исчезают с экрана окна программ перед автоматической перезагрузкой системы.

Ощущения от тела стремительно таяли, отчего было немного волнительно, но в то же время интересно. Откуда-то была уверенность, что это не опасно, и Сереже снова вспомнился Диснейленд. На этот раз он мчался на надувном круге внутри темной трубы, этот аттракцион назывался «черная дыра».

Пальцы, кисти, предплечья, локти, стопы, лодыжки, бедра. Возникло краткое ощущение ускоренной перемотки, а затем остался только этот дышащий нос в бархатной объемной темноте. Нос сделал несколько вдохов и выдохов и тоже исчез. И тогда оказалось, что циклы сжатия и расширения продолжают. Пульсировала сама темнота...

«С возвращением», – голос Михаила прозвучал неожиданно близко. Сережа чуть подождал и открыл глаза – он по-прежнему сидел на стуле. Было совершенно неясно, сколько прошло времени.

– Ну? Как ощущения?

– Эээ... – Сережа растерянно огляделся и несколько раз наклонил голову в разные стороны. – Не знаю как сказать. Очень странно. Что это было?

– Демо-тур в некоторые состояния, куда можно попасть с помощью медитации. На медитационных ретритах у людей с хорошей подготовкой обычно уходит несколько дней, чтобы добраться туда, где ты был. Но большинству для этого требуется все-таки три-четыре ретрита, так что доходят немногие. Конверсия, как у вас нынче говорят, низкая, – усмехнулся Михаил.

– А сколько я там был?

– С момента, как мы начали, прошло 15 минут.

– Хм... Интересно

– Еще раз повторю – так бывает не всегда. Это скорее редкость, чем норма. Один из ярких солнечных деньков в обычно хмуром краю.

– Денек реально солнечный. – Я бы еще туда вернулся.

– Не сомневаюсь. Для того этот демо-тур и нужен – заинтересовать. Правда, как ты скоро увидишь, это же будет и преградой.

– Почему?

– Первый раз ты не знаешь, чего ждать, и потому не ждешь ничего. А сейчас ты уже хочешь туда вернуться, и само это желание будет мешать. Но ты не переживай, без демо-тура было бы еще сложнее.

– Я не понял – я смогу повторить это сам?

– Определенно. Хотя и не сразу. У тебя есть все, чтобы дойти туда и пройти гораздо дальше. Однако у тебя есть и то, что мешает даже сделать шаг в этом направлении. Тебе необходимо найти и то и другое.

– Ничего не понял, – засмеялся Сережа. – Я начну делать и буду собирать вопросы. Собственно первый уже есть. Вы в начале сказали, что сейчас здесь такие времена, что книги есть о чем угодно. А что значит «здесь»? За границей разве по-другому?

– Смотря какой границей, – усмехнулся Михаил. – Если за границей этой страны, то, там конечно, все аналогично. А если за границей вот этого всего, – он развел руки и поднял глаза вверх, – то да, по-другому. За границей известного и разумного. Но ты не забегай вперед.

– Непонятно.

– Вот я и говорю – всему свое время. Начинай делать технику – она поведет тебя дальше. Нашупай свой комфортный ритм ежедневный. Хотя бы 20 минут, но каждый день. Лучшие часы – перед рассветом и пару часов после него. Появятся вопросы – пиши, сделаем видеозвонок. Только прежде чем спрашивать меня или искать в интернете, попробуй найти ответ в своей практике.

– Хорошо, – Сережа широко зевнул. – Что-то меня выключает резко.

– Это нормально. Да, и вот еще – в ближайшие дни могут быть необычные сны, смотри их внимательно, можешь даже записать, а вот болтать про них особо не надо. – Михаил посмотрел на телефон. – Мне пора, машина приехала. Ты идешь вниз?

Верхнее освещение на этаже было переведено в приглушенный ночной режим, и в таком свете «скала» посреди офиса выглядела странным, инопланетным объектом. Они молча дошли до лифта и также молча спустились.

Перед входом стоял шоколадный Мерседес S-класса, такие возили топов Вайме. Михаил коротко кивнул Сереже, передал чемодан вышедшему водителю, а сам скрылся за тонированным стеклом. Через полминуты, когда Сережа подходил к пешеходному переходу, Мерседес с ускорением прошуршал мимо и скрылся в вечернем потоке.

Посылка

«Необычный сон», о котором предупреждал Михаил, случился в первую же ночь. От обычного он отличался невероятной яркостью и реалистичностью переживаний. Если в простых снах присутствовала специфическая фоновая странность, смутно подсказывающая, что это сон, то здесь сомнений не возникало – происходящее было не просто настоящим, а даже более реальным, чем та жизнь, к которой Сережа привык. Впрочем, как он понял наутро, само понятие «реальность» явно требовало если не пересмотра, то более внимательного и глубокого рассмотрения.

Вероятно, именно в силу необычной яркости запомнить сон было легко. Однако Сережа сразу понял, почему Михаил посоветовал ему не болтать об этом. Было вообще неясно, кому такое можно всерьез рассказывать – в его круге подходящих для этого людей точно не было. В лучшем случае посмеются, а в худшем решат, что крыша поехала.

Странности начались сразу после того, как Сережа лег и, как ему показалось, привычным образом заснул. Вместо бессознательного забытья он вдруг ощутил небывалую ясность и яркость.

Казалось, будто он сам стал живым вниманием. Ясным и целостным, воспринимающим все и сразу, а не как набор отдельных каналов. Вспомнилась фраза из детских книжек: «он весь превратился во внимание». Она передавала суть очень точно, хотя авторы и переводчики использовали ее в совсем других контекстах.

Сережа не сразу понял, что его тело исчезло, а когда понял, то ничуть не смутился и просто отметил этот факт. Каким-то образом он знал, что здесь быть без тела нормально, словно уже бывал тут, причем не раз. Любопытно, что несмотря на отсутствие тела, память о его геометрии сохранилась, словно тело стало невидимым и невесомым.

Пространство, где он оказался, походило на большую комнату, в центре которой он мягко парил. Прямо перед ним на расстоянии нескольких метров так же парило большое облако, которое, без сомнения, было живым. Оно слегка меняло форму и размер, сжимаясь и разжимаясь, как будто дышало. Кроме того, на его поверхности переливался постоянно меняющийся гипнотический узор, который, казалось, жил сам по себе.

Каким-то невыразимым образом было совершенно ясно, что Существо перед ним несоизмеримо старше, сильнее и разумнее него. Никакой угрозы от него Сережа не ощущал, и потому страха не было, только удивление и любопытное возбуждение.

Вокруг него возникли чьи-то невидимые руки. Одна из них мягко прикоснулась к нему в том месте, где у его обычного тела была середина лба. Сережа вдруг понял, что его внимание очень раздергано. Если сравнить его с лучом фонарика, то пятно его света спонтанно прыгало по пространству, совершая хаотичные движения. Стоило ему это понять, как внимание стало стабилизироваться, словно дрожащую руку с фонариком кто-то заботливо поддержал, чтобы она не тряслась. Возникшую стабильность внимания сравнить было не с чем, он никогда не испытывал ничего подобного – все его привычные состояния отсюда казались суетливой бестолковой возней.

Вторая рука мягко дотронулась до центра его живота и, казалось, повернула какой-то невидимый регулятор в глубине его существа. Сережа почувствовал, что он, оказывается, полон напряжений. Таких глубоких, старых и привычных, что давно перестал их замечать. А сейчас он их не только замечал, но видел, как они уменьшаются, будто на каком-то пульте опустили соответствующий рычажок, отвечающий за их интенсивность.

Происходящее выглядело совершенно невероятным, если смотреть на него из московской квартиры, но дело в том, что и московская квартира и сама Москва отсюда выглядели еще более невероятными. Забота, исходившая от Облака, была такой искренней и безусловной,

что Сереже вдруг захотелось плакать. Теплый шарик благодарности возник в его груди, и он мысленно протянул его по направлению к облаку.

Прикоснувшиеся к нему руки исчезли, а затем он заметил, что мысли странно меняются, приобретая форму фраз. Каким-то образом он сразу сообразил, что это телепатическое сообщение от облака. Удивления снова не было – такой способ коммуникации здесь был таким же естественным, как отсутствие тела, и Сережа откуда-то это знал. Более того, слова были лишь малой частью входящего сообщения. Помимо них, оно содержало интонацию, визуальные образы, запахи и звуки.

– Здравствуй, – сказала существо. Сережа отметил, что это была простая форма обращения, наиболее близкая к «ты», но в ней не было пренебрежения или сюсюканья, которое иногда встречается у бабушек или дедушек по отношению к маленьким внукам. Скорее, это походило на голос пожилого соседа, который обращается к соседскому ребенку.

– Здравствуйте, – ответил Сережа также телепатически.

– Меня зовут Зауг.

Сережа «поклонился» и хотел представиться в ответ, но понял, что в этом нет необходимости: Зауг знал, как его зовут и, кажется, знал про него еще много чего другого. Похоже, что вообще все.

– Да, я знаю тебя, – подтвердил Зауг. – Мы встречались, хотя сейчас ты этого не помнишь. Все живые люди в твоём мире видели меня хотя бы один раз. И еще хотя бы один раз увидят. Каждого из вас я встречаю и провожаю.

Зауг замолчал, видимо предлагая Сереже это осмыслить.

– Вы имеете в виду рождение и смерть?

– Включаю и выключаю, – сказал Зауг, и Сережа ненадолго увидел странный образ. В темноте перед ним появился сверкающий музыкальный автомат с компакт-дисками, какие одно время ставили в кафе. Любой посетитель за небольшую плату мог выбрать кнопками диск и трек – оглавление картотеки размещалось на передней стенке машины. Компакт-диски давно вышли из обихода и автоматы стали уделом музеев или ретро-заведений, но Сереже повезло застать такую машину в Макдоналдсе на Юго-западной, он даже несколько раз ставил там треки Элвиса. Если верить старым американским фильмам, то еще раньше вместо дисков в таких автоматах были виниловые пластинки, но Сережа таких экземпляров никогда не видел. Репертуар загруженных в автомат дисков обычно отдавал нафталином, но для Сережи кайф был не в том, чтобы заставить посетителей слушать его выбор, а в наблюдении за механизмом автомата.

Его передняя стенка делалась прозрачной, так что сквозь нее виднелись компакт диски, заряженные в специальные обоймы. При вводе номера диска железная «рука» подъезжала к нужной обойме, вытаскивала диск и переносила его на проигрыватель, где он начинал весело вертеться. Иногда проигрыватель был встроен прямо в «руку».

И вот сейчас Зауг показал ему этот давно забытый им музыкальный автомат, а затем почему-то особенно выделил эту роботизированную «руку». Образ возник буквально на мгновение, и когда он уже почти растворился, Сережа поймал кончик ускользающего сообщения.

Зауг был чем-то или, вернее, кем-то вроде такой «руки», а люди – компакт-дисками.

Некоторые из них крутились на проигрывателях – в отличие от автомата, их здесь было много, – а некоторые ждали своей очереди в обоймах.

Осознание вызвало странный привкус чего-то давно забытого и важного, так что Сережа захотел вернуть музыкальный автомат и рассмотреть его получше. Метафора была хоть и яркой, но неполной, отчего к ней стали быстро созревать уточняющие вопросы. Однако, когда он попытался снова представить автомат, Зауг его остановил, и Сережа понял, что нужно слушать дальше и не отвлекаться.

– То, что я видел – это какая-то аналогия, да? – решил все-таки уточнить он.

– Да. В твоём языке нет нужных понятий для интерпретации моих сообщений, поэтому твой ум показывает тебе ближайшие подходящие по смыслу образы.

– Выходит, что каждый человек когда-либо живший на земле, проходил через вас?

– Да. Некоторые люди помнят фрагменты наших встреч, и через их рассказы я попадаю в ваш фольклор под разными именами и образами.

Я работаю здесь «привратником» с момента возникновения вашего мира. Ваш мир – это дом, а мы сейчас в сених. Всякий, кто входит в дом или выходит из него, должен пройти через сени. Сказать, что я живу в сених, будет не совсем верным. Я сам являюсь этими сеними, вы все проходите через меня. Однако при вашем текущем уровне мышления такое логическое построение создает много дополнительных вопросов, поэтому для упрощения я буду говорить, что я здесь живу и работаю.

Время в «сених» и в «доме» течет с разной скоростью. То, что для вас было пару сотен тысяч лет назад, для меня было сегодня ранним утром, а сейчас у меня почти полдень. Я – это вы через много эволюционных циклов.

Зауг замолчал, и Сережа понял, что это пауза снова дана ему для осмысления.

– Люди станут такими облаками?

– Я говорю не о форме. Она может быть разной.

– А как я сюда попал? Почему вы мне это рассказываете?

– Пришла пора. Твоя скорлупа истончается и скоро треснет.

– Скорлупа?

– Вы называете ее «эго». Она подобна скорлупе, которая защищает вызревающий плод. Когда он созрел, она трескается, и начинается следующий этап развития.

– И что мне нужно делать? – осторожно спросил Сережа, чувствуя, что внимание начинает потихоньку уставать.

Зауг не ответил и Сережа повторил свой вопрос.

– Я только что показал тебе, – ответил Зауг. – Тебе нужно *смотреть ровно*. Это основная задача всех людей.

– Я не понимаю, – расстроенно сказал Сережа.

– Ты устал, тебе пора возвращаться.

– А сейчас я сплю?

– Спит тело. А ты здесь. Вернее ты *смотришь* сюда. Твое внимание и психика еще не привыкли и быстро устают. Твоя точность интерпретации моих сообщений составляет менее 50%. Я оставлю для тебя посылку с декодером, он поможет понимать больше.

– Посылку? Что мне с ней делать? Как я ее открою?

– Она откроется сама.

Сережа снова почувствовал, что рядом с ним возникли невидимые руки, одна из которых дотронулась до его лба. В этот раз прикосновение напомнило сеанс удаленного подключения технического специалиста к его рабочему столу на компьютере. Где-то что-то двигалось, открывалось, сканировалось, редактировалось. Через мгновение руки отодвинулись.

– Я буду помнить эту встречу?

– Кое-что. Недолго.

Сережа показалось, что где-то возник индикатор, показывающий то ли обратный отсчет, то ли емкость батареи. Судя по нему, времени оставалось совсем немного.

– Это как-то связана с Михаилом? Мне нужно продолжать медитацию?

– В тебе есть все необходимое. Оно уже распаковывается.

Сережа хотел поклониться и сказать спасибо, но комната вместе с Заугом стала быстро блекнуть, а затем все погасло, будто где-то выдернули шнур питания с биркой «Сережа».

Скафандр

Птичья кормушка за окном оживала вскоре после рассвета. Но если раньше хлопанье крыльев, чириканье и курлыканье Сережу раздражали, то теперь они служили ему природным будильником. Месяц назад, после таинственного сна, он начал по утрам бегать и медитировать. Несмотря на то, что для этого приходилось вставать минимум на час раньше, пробежка и медитация быстро стали важным и приятным утренним ритуалом, задавая настроение на весь последующий день. Так что в отпуск он пока не поехал.

Необычных снов больше не было. Первые дни он скучал по ним, медитировал перед тем как лечь, вспоминая необычные ощущения, переливающееся облако и широкое пространство, но все это не помогало – он просто засыпал вечером и просыпался утром. Спустя неделю он заметил, что волшебный сон стал отдаляться и блекнуть, так что очень скоро осталось лишь смутное воспоминание с несколькими яркими кадрами, неопределенные цветные образы да странное имя из 4 букв.

Сережа пожалел, что не записал сон сразу, и даже положил рядом с кроватью блокнот и ручку. Несмотря на то, что они пока не понадобились, а старый сон растаял, в ежедневные распорядки пришли вполне конкретные изменения, и они Сереже нравились.

Во-первых, появилась медитация, во-вторых, пробежка и, в-третьих, ушли пятничные барные посиделки. Все случилось очень естественно, без внутреннего сопротивления, напряжений, целей, срывов, и поиска какой-то особой мотивации. Как будто долго брал в кафе одно и то же блюдо, а потом начал заказывать другое. Одно разонравилось, а другое понравилось.

Такая легкость выглядела удивительно. Серёжа вспоминал, как несколько лет безуспешно пытался начать бегать на морально-волевом топливе, а сейчас это все случилось вообще без усилий.

Утренние часы обладали особым вкусом и силой, которых не было в другое время суток, пусть даже там были свои прелести. Сереже так нравилось поспевать к этой «утренней раздаче», что он целенаправленно разгрузил вечера от дел и ложился не позже половины одиннадцатого – совершенно нереальный график по прошлым меркам.

Но главное изменение было даже не в распорядках. Сережа стал замечать, что его восприятие реальности несколько раз в день специфическим образом ненадолго меняется. Происходило это спонтанно и первый раз случилось наутро после таинственного сна. Он потянулся к кранам в ванной, и собственная рука вдруг увиделась ему как кран-манипулятор, которому он откуда-то подает команды. Это походило на детские игровые автоматы, где с помощью джойстика можно вытащить маленьким краном игрушку из ящика за стеклом.

Это также напомнило Сереже роботов из японских мультфильмов, в груди или голове которых была кабина оператора. Глядя на свою руку, он на мгновение явственно ощутил, будто находится в кабине своего тела как в таком роботе или умном скафандре.

На словах это звучало весьма странно и даже брезово, однако внутри переживалось очень приятно. Если обычно наблюдение сливалось с действиями, то сейчас между ними возникла дистанция, приносящая незнакомое прежде ощущение легкости.

При взгляде из этой «кабины» физические действия обретали новую глубину, и было интересно их рассматривать. Например, банальная ходьба оказалась сложным составным процессом постоянной потери равновесия и по сути падения вперед, при котором мышцы тела показывали чудеса слаженной работы.

Это «ощущение скафандра» было одной из причин, по которой Сережа так полюбил пробежки. Ему нравилось находиться в кабине и наблюдать, как «скафандр бежит». Как рождается движение, выбирается усилие, оценивается расстояние до окружающих объектов, выбирается способ постановки стопы и т. д. В такие моменты Сережа ощущал себя не сколько Сережей,

сколько кем-то, кто за ним наблюдает. Это было странно и приятно. Оказалось, что скафандр отлично справляется с бегом практически без участия Сережи, и пробежка в таком режиме дается значительно проще физически.

Кроме того, привычная болтовня в голове заметно притихала, и это имело настолько явный терапевтический эффект, что в некоторые дни Сережа делал пробежку еще и вечером. Бег стал для него продолжением медитации.

Если в самом начале ему показалось, что состояние наблюдателя ничего не меняло по существу, то вскоре стало ясно, что оно меняло очень многое. В сущности, оно меняло все, поскольку наблюдение распространялось не только на физические ощущения, но и на мысли. Действия раскладывались на составные части – цепочки мыслей, чувств и физических ощущений вспыхивали яркой анфиладой перед внутренним взором и растворялись. Будто на монтажной ленте видеоредактора увеличили масштаб какого-то фрагмента, так что стали видны кадры, из которых он состоит.

Даже с учетом того, что кадры были явно видны не все, само появление этих цепочек в поле зрения позволило обнаружить ряд невидимых прежде автоматических реакций, которые он про себя назвал «мусорными». Различные машинальные движения, похрустывание суставами, привычные, но неудобные позы, некоторые гримасы, напускная бравада, словесные при сказки, специфические интонации, шутки и многое другое.

Большинство таких автоматизмов имели схожие корни – они возникли когда-то давно в качестве подражания кому-то или как компенсация психологической неловкости, своего рода щит для прикрытия уязвимых мест.

Каждый раз, обнаруживая автоматическую цепочку, Сережа интуитивно старался рассмотреть ее корень. Было интересно увидеть, какую внутреннюю неловкость она прикрывает, или как он говорил «на чем она растет». Часто оказывалось, что уязвимые прежде места заматерели и в защите больше не нуждаются. В таких случаях автоматическая цепочка схлопывалась и исчезала, как собранный фрагмент тетриса.

Если же сворачивания не происходило, то это обычно означало, что есть какие-то важные звенья, которые пока не видны.

Рассматривая траектории ума, он заметил, что мыслей вовсе не так много, как ему прежде казалось, просто они многократно повторяются и наслаиваются друг на друга, создавая суету. И еще он стал замечать, что его хандра, как и предупреждал Михаил, была сложным фоновым процессом. Причем она маскировалась и всячески защищала себя от рассмотрения. Например, в первые две недели, оказываясь ненадолго в рубке скафандра, Сережа даже не мог про нее вспомнить. Обязательно были какие-то сиюминутные события, которые привлекали его внимание и он начинал рассматривать их устройство. А когда вспоминал про хандру, то наблюдатель уже выключался.

Расследование его увлекало. Он чувствовал себя детективом, который хочет заглянуть в определенное окно дома напротив. В его распоряжении мощный объектив, закрытый крышкой, которая непредсказуемым образом ненадолго снимается несколько раз в день. И в этот момент ему нужно вспомнить, в какое именно окно смотреть.

В конце третьей недели это, наконец, удалось, и хотя хандра показалась в объективе всего на мгновение, этого оказалось достаточно, чтобы Сереже стало не по себе. Как и месяц назад в такси, он снова увидел, что заперт в тюрьме собственных установок и представлений.

«Стать успешным», «сделать что-то великое», «изменить мир», «создать разницу», – шипели эти установки, как рассерженные змеи в большой банке. И этой банкой был он сам.

Ему хотелось поделиться своими находками, но поговорить было не с кем – в команде Мандельвакса такими вопросами никто не интересовался, а из подходящих для такого разговора друзей был только Леха, который уже снова улетел, на этот раз куда-то в Гималаи.

В итоге Сережа решил поговорить с Костей. Они были знакомы больше 10 лет и не раз помогали друг другу в разных житейских вопросах. Пятилетняя разница в возрасте и двое детей делали его для Сережи кем-то вроде старшего брата. Сережа никогда не чувствовал с Костей душевной близости, но ни с кем другим из своего круга делать бизнес он бы не стал. Костя был если не идеальным, то близким к этому партнером. Позитивный, честный, надежный, с обезоруживающей простотой и прямолинейностью, позволяющими быстро подбирать ключ к таким клиентам, с которыми Сережа бы сам точно не справился. Первый крупный клиент Мандельвакса – небольшой крытый рынок на окраине города – появился благодаря Косте. Его школьный товарищ работал в администрации и помог, что называется, правильно зайти к тем, кто принимал решение.

Костя был примерно одного роста с Сережей, но крупнее и плотнее. В школе и институте он серьезно занимался борьбой. Возможно именно это придавало ему увесистую солидность, полезную на переговорах.

Небольшая проблема, однако, была в том, что Костя считал себя «склонным к полноте» и потому даже самые искренние комплименты про свою солидность считал скрытыми уколами и намеками. У него был абонемент в зал, куда он ходил заниматься с некоторой регулярностью, но, несмотря на нагрузки, форма его тела заметно не менялась. Костя походил на крепкий чемодан. Не раздутый, но плотно набитый.

Когда он приходил в костюме, а он почти всегда носил на работе костюмы, он напоминал Сереже депутата. Быть «депутатом» Косте нравилось, так что этот неформальный ник скоро прижился. Он жил в коттеджном поселке за городом и приезжал на темно-синем Туареге с большим походным багажником на крыше. Раз в несколько месяцев он на 3—4 дня выбирался на охоту или рыбалку.

«Расскажу сначала депутату, – думал Сережа. – Он крепко на ногах стоит, послушаю, чего скажет.» Сережа не торопил события и терпеливо ждал подходящего момента для разговора, но у мироздания оказался другой план.

Был теплый летний день, и они с Костей сидели на открытой веранде Кофемании через дорогу от офиса. За день до этого Костя ходил на внутренний семинар Вайме, посвященный личной эффективности, и сейчас оживленно пересказывал Сереже тезисы, жестикулировал и даже показывал на телефоне слайды.

– Прикинь, для нашего мозга неважно, какую задачу мы решаем – увлеченно говорил Костя, – выбираем утром рубашку в шкафу, пишем код или структурируем сделку на десять миллионов. И в том, и в другом случае кора мозга активизируется примерно одинаково. Увеличивается интенсивность кровотока, нагружаются капилляры, затрачивается энергия. Поэтому какая идея просится?

– Какая? – спросил Сережа без особого энтузиазма. Тема была ему интересна, но чутье подсказывало, что разговор идет не туда.

– Ну понятно же, – удивленно посмотрел на него Костя, – перевести все рутинные вопросы вроде выбора футболки в автоматический режим, чтобы сохранить ценные ресурсы мозга для важных дел.

– Хм. Похоже у вас был семинар «Как стать роботом», – мрачно сказал Сережа.

– Да ладно тебе. Мы и так все роботы, причем бестолковые, а семинар был про то, как стать классным роботом. Чего ты упираешься-то? Это ж вроде очевидно, нет?

– Не уверен, – Сережа немного замаялся, но решил все-таки продолжить. – Я последний месяц занимаюсь обратным процессом – избавляюсь от автоматизмов, чтобы яснее видеть каждый момент и делать осознанный выбор. Я понимаю, что автоматизмы могут помогать, когда ты за рулем по телефону болтаешь или на доске по пухляку валишь, но я тут про другое.

Сережа чуть помолчал и продолжил:

– Вот, помню, в школе один козел был, мы с ним дрались постоянно. И была у него куртка кожаная. Так вот я, оказывается, до недавнего времени автоматически напрягался, встречая людей в кожаных куртках. И сам того не осознавал даже. Ты тут вообще?

Сережа пропустил момент, когда Костя нырнул в телефон, видимо, в поисках очередного слайда, и потому с опозданием понял, что говорил в пустоту. Вскоре Костя вынырнул.

– Прости, я отвлекся, – сказал он и снова уткнулся в телефон. – По-моему, с куртками – это вообще больше про психологию какую-то. А про автоматизмы – я правильно услышал, что ты убираешь их?

– Правильно.

– А зачем? Я же только что объяснял, что они помогают. Если я про каждое действие думать буду и заново решение принимать, что с моей эффективностью станет? Я же буду тормозить как интернет на даче, – Костя засмеялся и заторможенно поднес стакан с водой ко рту. – Я, наоборот хочу побольше полезных действий в автоматический режим перевести. В этом самый жир и есть. Что тут плохого?

Сережа задумался. Почему-то такой вопрос у него даже не возникал, и это было странно. Ему нравилось находить и схлопывать автоматические цепочки, это казалось важным.

– А что хорошего в том, чтобы выбирать футболку на автомате? Это как фильм «Клик» – там у чувака был пульт, чтобы перематывать все скучные моменты в жизни. Помнишь, чем закончилось?

Костя покачал головой, давая понять, что не помнит и совсем об этом не грустит.

– Тем, что лучше жить без такого пульта. Потому что если ты жизнь перематываешь, то ты ее и не живешь, тебя здесь в этот момент нет, понимаешь? А это как-то странно, мне кажется. Ты хочешь быть тут?

– Тут или не тут? – Костя сделал драматическое лицо. – Серег, чего ты тут, – он выделил это слово, – философствуешь, усложняешь? Я тебе говорю про классическую многозадачность, ничего странного в ней, прозрачная логика, причем банальная. А про кино я даже комментировать не хочу, ты еще на мультфильм сошлись в качестве примера.

Костины аргументы вводили его в странный ступор. В нем была часть, которая с ними соглашалась, но была и другая, которая чувствовала за ними ловушку. Проблема была в том, что эта вторая часть не могла себя адекватно выразить, буксовала, и от этого возникало общее оцепенение.

– Костяныч, мы о разном, – Сережа решил сделать последний заход. – Я пока не знаю, как это объяснять правильно. Просто поверь – когда ты обнаруживаешь у себя автоматизмы, которые ты даже не осознаешь, у тебя не будет идеи, что это круто. Ты захочешь их убрать.

– Пример давай, – сказал Костя, намазывая еще горячий хлеб маслом.

Сережа понял, что рассказывать про шипящих змей в банке не стоит. Но совсем сворачивать разговор не хотелось. Нужен был какой-то реальный пример из его недавних находок.

– Ты трусы носишь? – спросил он.

– Чего? – Костя отложил хлеб и посмотрел на него.

– Трусы, спрашиваю, носишь?

– Ношу. А что?

– Каждый день носишь?

– Ну каждый, да. А ты чего – по праздникам только? Ты куда клонишь-то?

– Попробуй завтра их не надевать. Или прямо сейчас иди сними и остаток дня так походи.

Несколько мгновений Костя молча сверлил друга взглядом, пытаясь понять, серьезно тот говорит или шутит. Сережа его взгляд выдержал.

– Да нафига это надо, объясни толком?

– Ты попробуй, сам все поймешь, и потом посмеемся вместе.

– Да иди ты, – Костя скомкал салфетку и бросил ее в тарелку с остатками супа. Чувствовалось, что он разозлился. – Скажи мне лучше, когда вы доделаете интеграцию с новыми сканерами. Уже на две недели сроки поехали. В чем загвоздка – трусы мешают?

Разговор провалился, и Сережа пожалел, что нельзя откатить все назад, как выкаченную по ошибке в production проблемную версию сервиса. Он переживал, что Костя не понимает его, и злился на себя, что не может подобрать правильных слов.

Конечно, он знал, что они с Костей из разного теста, но прежде это им помогало. Сопоставляя свое видение по развитию бизнеса, они приходили к новому общему знаменателю, который помогал. А сейчас он впервые отчетливо почувствовал, как их разница может стать причиной больших перемен. Ему точно не хотелось ссориться с Костей, да и никаких рациональных причин для этого не было, но от Костиных слов и тона все внутри него вставало на дыбы, так что хотелось защищаться и нападать. Это было странно и неадекватно, раньше с ним такого не бывало.

Остаток обеда прошел в молчании. Костя сидел в телефоне, а Сережа разглядывал, как солнечный луч преломляется в бокале с минералкой. Он вспоминал, как в детстве, обижаясь на кого-то, говорил «я тобой не разговариваю».

«На самом деле, – думал он, – в такие моменты с этим человеком продолжается очень активный диалог. Но только про себя».

Он решил не затрагивать с Костей подобных тем, пока у него самого не возникнет больше ясности. И хотя уже вечером того же дня они нормально и даже весело обсуждали рабочие дела, неприятный осадок остался.

Чтобы «заесть» разговор, Сережа написал вечером Михаилу. С момента его отъезда в Австралию они иногда перекидывались короткими сообщениями – Сережа делился своими находками, а Михаил его подбадривал. Потом он написал, что уезжает на 10 дней в центр континента, где доступ в интернет будет редкий. Сережа надеялся, что это правда, а не завуалированный способ от него отвяжаться, но все равно ждал ответа с некоторым волнением.

Михаил ответил через час и предложил созвониться на следующий день.

Там, где нас нет

Сережа вышел на утреннюю пробежку, когда до звонка с Михаилом оставалось меньше часа. Выходя из подъезда, он обратил внимание на свинцовую тучу, наплывающую с севера, но решил, что успеет. Такие же тучи ходили над центром весь день накануне, и ни одна из них не пролилась. Однако эта, как вскоре выяснилось, не шутила.

Пока Сережа бежал свой стандартный пятикилометровый «круг» по окрестным переулкам, туча, не теряя времени, расплзлась по небу, отчего, казалось, наступили сумерки.

«Ничего, успею», – подбадривал себя Сережа, прибавляя скорость и пряча телефон поглубже в карман. Но туча была быстрее. Когда до дома оставалось уже рукой подать, в небе несколько раз свернули длинные зигзаги, а затем гроыхнуло так, что у нескольких стоящих машин сработали сигнализации. Какие-то невидимые глазу небесные трубы с оглушительным треском лопнули, и началась московская июньская гроза – резкая и беспощадная.

Можно было, конечно, спрятаться в арку или подъезд, такие грозы редко бывали долгими, но тогда возникал риск опоздать на звонок с Михаилом.

Примерно с минуту Сережа пытался бежать, прячась за ветви редких деревьев над тротуаром, но потом бросил это бесполезное занятие.

Вода лилась не струями, как в душе, а низвергалась бурным ливневым потоком, так что Сереже казалось, будто над ним висит опрокинутая бочка, причем она движется с такой же скоростью, как и он.

Этот странный образ его так развеселил, что он сначала засмеялся, потом сбавил ход, а затем и вовсе перешел на шаг, чувствуя, как вода попадает в глаза, стекает по спине, заливается в трусы и хлопает в кроссовках.

Такое прекращение сопротивления вдруг принесло с собой странную легкость и радость. Это было так приятно, что он сошел с тротуара и пошел прямо по центру проезжей части. В арках домов и под козырьками подъездов ему встречались люди, которые, глядя на него, начинали улыбаться, и он тоже улыбался им в ответ и махал рукой.

Уже подходя к дому, он заметил впереди соседа-художника. Тот стоял под зонтом около подъезда, смотрел на Сережу и тоже улыбался.

– Красиво идете, маэстро, – сказал художник. – Или стоит сказать «Сережа-сан», – художник чуть поклонился.

– Доброе утро, – улыбнулся Сережа. – Почему сан? Я похож на японца?

– В Бусидо сказано: «Попад под дождь, ты можешь извлечь из этого полезный урок.» И ты его явно извлек.

Художник говорил вполне весело и дружелюбно, но Сережа не знал, что такое бусидо, и ему показалось, как будто его проверяют.

– Это что-то японское?

– Самурайский кодекс, – ответил художник, пропуская его в подъезд.

Сережа надеялся, что он расскажет дальше, но художник молчал, а спрашивать, подтверждая свое незнание, Сережа не хотел.

Узкая кабина лифта, установленная в дом значительно позже его изначальной постройки, спускалась медленно и шумно. Сережа слушал, как она грохочет, задевая какие-то стыки на этажах, и отмечал свою неловкость от того, что они с художником стоят и молчат. Он даже хотел пойти по лестнице, но подумал, что это будет странно. Внутри кабины ему настолько сильно захотелось нарушить тишину, что он как-то неопределенно цикнул и кивнул на свежий рекламный плакат на стене лифта. Там виднелось бирюзовое море, солнечный пляж, пальмы и небольшая яхта недалеко от берега. На переднем плане этого курортного клише большая

черная обезьяна в шортах и солнечных очках сидела в шезлонге, держа в лапе коктейль с соломинкой. Сверху был лозунг: «Отдых, который вы заслужили».

– Хорошо там, где нас нет, – сказал Сережа. Он предполагал, что они обменяются каким-то стандартными фразами и разойдутся, но его реплика неуклюже повисла в тишине. Сережа внутренне поморщился. «Зачем я эту ерунду ляпнул? – с досадой подумал он. – Ведь уже доехали почти».

Художник внимательно посмотрел на него. Он носил круглые очки с дымчатым затемнением, так что его глаз Сережа не видел.

– «Нас нет»? – медленно переспросил Художник. – А ты знаешь, о чем это?

Двери открылись, и путь был свободен, но теперь от разговора было уже не отвертеться.

– А тут разве какой-то хитрый смысл есть? – спросил Сережа. – Где бы мы ни были, и как бы хорошо себя не ощущали, всегда есть места, куда нам хотелось бы попасть, потому что там лучше, чем там, где мы сейчас.

– С этим все ясно, – ответил художник. – Но почему так получается, и может ли быть иначе? Что такое «нас нет»? Вот что интересно. Доводилось ли тебе бывать там?

Вопрос показался Сереже какой-то казуистикой.

– Как мы можем быть там, где нас нет, если нас там нет? – спросил он с небольшим раздражением.

– Вот в этом и вопрос, – засмеялся художник и весело ему козырнул. – Будь здоров, сосед.

Зайдя домой, Сережа сразу прыгнул в горячий душ, где еще пару минут прокручивал в голове этот странный диалог, пытаясь понять, что художник имел в виду, а затем его мысли направились к предстоящему созвону.

Вопрос-ответ

Надев сухую футболку и толстовку, он насыпал в миску мюсли, залил их черничным йогуртом и устроился в кресле за большим монитором.

Михаил вышел на связь ровно в назначенное время, в Аделаиде было три часа. Одетый в бежевую льняную рубашку он сидел за деревянной барной стойкой. Стена позади него была стеклянная, и за ней виднелась зеленая лужайка, а еще дальше – длинная полоса белого песка, на которую непрерывно набегали зеленоватые океанские волны. Михаил выглядел усталым, и Сереже показалось, что он похудел, а черты его лица заострились.

Они помахали друг другу.

– Привет. Здорово там у вас, – сказал Сережа.

– Здравствуй. Да, как и положено «виртуальному фону».

– А почему виртуальный? Выглядит вполне реально.

– Потому что времени на эти радости нет, очень плотный график тут.

– Много обновлений ставите аборигенам?

– Ты удивишься, но у этих аборигенов системы в чем-то посвежее наших. Так что себе тоже патчи приходится ставить, – улыбнулся Михаил. – Ну, расскажи, как твои дела. А то ведь мы и не виделись с Москвы. Ты писал, что необычный сон был. Помнишь его сейчас?

– Да, был. Честно говоря, он растаял через пару недель. Жаль, я не сообразил записать его сразу.

– Ничего. Может еще что-нибудь приснится, – засмеялся Михаил. – Давай тогда про медитацию. Я так понял, у тебя есть вопросы. Спрашивай.

– А вы не смотрели? Я их вчера присылал.

– Смотрел, – улыбнулся Михаил. – Но я хочу послушать, как их задаешь.

– Что значит «как задаю»? Как написано, так и задаю. Мне их прочитывать что ли?

– Нет, читать не надо, – Михаил протянул руку куда-то за кадр и поставил перед собой квадратную тарелку с виноградом. Оторвав несколько ягод, он как бы взвесил их на ладони и положил в рот.

– Скажи, ты когда-нибудь задавался вопросом – что значит думать?

– Думать? – переспросил Сережа, слегка приподняв бровь. Он только приготовился задавать вопросы, как разговор неожиданно сменил направление.

– Что прямо сейчас происходит в твоём уме?

– Я пытаюсь понять, что означает ваш вопрос и что вы хотите услышать.

– А как ты это делаешь?

– Ммм... Не знаю. Просто смотрю.

– Не «просто». С чего начинается это «смотрение»?

– Нууу... Сережа закатил глаза вверх и в сторону. – Я как бы спрашиваю себя...

– Вот, – Михаил поднял указательный палец вверх.

– Что?

– Совершенно верно – ты *спрашиваешь* себя. Думать – значит задавать вопросы. Любое твоё думание всегда начинается с вопроса. Он задает направление, в соответствии с которым приходят и выстраиваются мысли. Поэтому формулировка вопроса очень важна.

– Хм.

– Кроме того, возможно, ты уже заметил в своих сессиях, а если нет, то я немного забегу вперед: мы, как живые системы, постоянно меняемся. Этот процесс очень медленный, но непрерывный. Поэтому тот Сережа, который сейчас со мной говорит, – это не совсем тот Сережа, который писал эти вопросы. Хотя они и похожи на первый взгляд. Потому я предлагаю тебе внимательно сформулировать вопрос, актуальный именно сейчас.

– Понял-понял, – кивнул Сережа. – Основной вопрос такой – как различить наблюдение за дыханием от управления дыханием? Похоже, что пытаешься наблюдать, я часто контролирую дыхание, отчего оно делается неестественным.

– Сколько ты сидишь?

– 20—25 минут.

– Сколько циклов тебе удастся пронаблюдать без отвлечения?

– От 60 до 100.

– Ясно. Ты молодец.

– Это много, да?

– Не в этом дело. Ты молодец, что задал вопрос. Похоже, ты и правда обуславливаешь дыхание.

– Как вы поняли?

– Когда ты *действительно* наблюдаешь дыхание, то уже через 10—15 циклов твое восприятие начнет ошутимо меняться.

– Как было у вас в кабинете?

– Не так интенсивно, но отчетливо. У тебя бывало что-нибудь такое?

– Не было. Мне, в принципе, и без спецэффектов нормально сидится, но хотелось бы все-таки научиться отпускать контроль. У меня, похоже, иногда получается, но совсем коротко.

– Наверняка получается. Иначе бы этот вопрос не возник, ты бы просто не заметил разницы. Я предложу тебе один трюк, который часто помогает в этом месте.

– Здорово, – обрадовался Сережа. – Что нужно делать?

– Перестать дышать. Ненадолго.

Михаил пояснил, что следует ненадолго задержать дыхание, и когда возникнет желание вдохнуть, то следовало позволить телу сделать вдох. Не делать самому этот вдох, а просто убрать «заслонку», которая включает/выключает дыхание.

Трюк позволял более явно прочувствовать разницу между естественным вдохом, который тело выполняет само, и обусловленным. Михаил сказал, что с этим вопросом встречаются все начинающие медитаторы, потому что наблюдатель по умолчанию сцеплен с контролером.

Длина задержки не имела значения. Если не делать предварительных больших вдохов, то 7—10 секунд было уже достаточно, чтобы тело захотело вдохнуть.

Михаил также предупредил, что стоит обратить внимание на лицо, губы и живот – они имеют тенденцию напрягаться во время задержки.

– Будь готов, что, скорее всего, через 1—2 цикла естественность уйдет, и ты снова начнешь контролировать вдохи и выдохи, так что нужно будет повторить трюк заново, «отклеивая» наблюдателя от дыхания и помещая его на некоторую дистанцию.

– Я понимаю о чем вы, – радостно кивнул Сережа. – И мы тут как раз подходим ко второму вопросу. Хотя это даже не вполне вопрос, а наблюдение. Или состояние. Короче, не знаю. В общем, я ощущаю, будто мое тело – это большой скафандр, а я сижу где-то в кабине, где показывается состояние скафандра, мысли и эмоции.

– Очень точно подмечено, – похвалил Михаил. – Поздравляю. Это еще один шаг.

– А что он означает?

Михаил слез со стула и на несколько мгновений исчез из кадра. Когда он вернулся, в его руках был высокий узкий стакан с желтым соком. Он взял стакан в руку, посмотрел на него, а затем сделал неторопливый глоток, поставил стакан на стол и повернул голову в камеру. Все действия были совершенно обычные, но в них было что-то странное.

– Видишь? – спросил Михаил.

– Вижу, но не понимаю.

Михаил протянул руку и взял виноградину. Посмотрел на нее и положил в рот.

– Вы как-то особенно плавно двигаетесь. Как мастер ушу.

Глядя на движения Михаила, Сережа вдруг почувствовал знакомое ощущение скафандра. Похоже, что движения Михаила были триггером. Или, вернее, наблюдение за этими движениями.

– Почувствовал свой скафандр? – улыбнулся Михаил. – Оно?

– Да. Классно. Так что это?

– Мы воспринимаем этот мир не напрямую, а опосредованно. Сигналы со всех каналов восприятия поступают в мозг, где из этой информации создается то, что мы называем реальностью.

Я говорю, что я вижу стакан, но на деле световые волны улавливаются глазами моего скафандра, передаются в мозг вместе с потоком данных от других сенсоров. Далее все эта информация сопоставляется с базой прошлого опыта и выносится заключение, что перед мной сосуд для жидкости, который обозначается в моем языке набором звуков, звучащих как «стакан».

– Прямо как в «матрице», – засмеялся Сережа и поднял длинную десертную ложку, которой ел мюсли. – «Ложки нет».

– Ложка есть. Но как ложка она существует лишь в уме того, кто на нее смотрит. А вне этого ума есть только колебания или вибрации.

– Занятно, – Сережа задумчиво постучал ложкой по ладони. – Вы хотите сказать, что мы видим не саму жизнь, а кино про жизнь – так получается? Или даже мы видим кино про то, как мы видим, да?

Михаил кивнул.

– Причем это кино у каждого свое. Один и тот же входящий сигнал, будь то свет, звук, вкус, запах, прикосновение, образ или новость, раскрывается веером трактовок в умах тех, кто его уловил. Например, у нас тобой разная Москва и разный Вайме.

– Потому что мы по-разному интерпретируем одни и те же сигналы?

– Да. И кроме того, наше внимание изначально движется по разным траекториям, выбирая из одного массива данных разные фрагменты и по-разному размечая фигуру и фон.

– Не понял. Это как?

– Знаешь такие рисунки, где из образующих их линий складываются другие вложенные картинки. Один из известных примеров – профиль старушки и молодая девушка, смотрящая вдаль. Как правило, человек видит только один из них, в соответствии со своей текущей операционной системой, и если ему не говорить про второй, то он его не заметит. И даже если сказать, то ему потребуется некоторое время, иногда значительное, чтобы его увидеть.

Вокруг любой, даже самой, казалось бы, безобидной вещи, будет раскрываться такой же веер трактовок в смотрящих умах.

Возьми, например, какой-нибудь новый московский парк. Один будет радоваться и постить фоточки, другой заявит, что прежний парк на этом месте был душевнее, третий рассудит, что парк, конечно, неплохой, но по уму надо было бы сделать иначе, четвертый будет кричать, что парк построен на грязные деньги, пятый возразит, что деньги очень даже чистые, но собраны они были для строительства школ и больниц, а не для того, чтобы зарывать в землю миллионы в виде цветов, седьмой грустно поведает, что хотел поставить там палатку с газировкой и мороженым, но оказалось, что «не своим» предпринимателям туда не войти и так далее, этот список бесконечен.

– Но ведь может быть, что человек видит несколько перспектив? Например, когда я работал по найму, я радовался праздникам, а когда появился свой бизнес, то праздники иногда становились источниками проблем.

– Верно. Значительная часть человеческих конфликтов, как внутренних так и внешних, решается заменой союза «или» на «и».

Помнишь, мы с тобой в прошлый раз говорили о внутреннем взрослении? Если оно продолжается, то человеку становится доступно все больше точек зрения. Ты начинаешь видеть,

что всему есть свое место, и от этого твой внутренний мир становится шире. А чем шире внутренний мир, тем меньше внутренней войны. Поэтому каждая дополнительная перспектива продвигает тебя к свободе.

– Хм. Но я бы не сказал, что свой бизнес добавил мне свободы по сравнению с наймом, – скептически заметил Сережа.

– Я бы такого тоже не сказал, – усмехнулся Михаил. – Я говорю, что переход из найма в свой бизнес расширяет картину мира. Он помогает критически пересмотреть старые распорядки и отбросить какую-то их часть, создав при необходимости новые. Узнать на собственном опыте разницу в достижении чужих целей и своих. И кроме того, шире увидеть некоторые социальные механизмы, о которых до этого обычно не задумывался, – зарплаты, налоги, страховки, праздники и тому подобное. Ты оказываешься по другую сторону этих процессов, отчего твоя картинка мироустройства становится полнее, а это всегда полезно. Но физической свободы, как ты верно заметил, больше обычно не становится, скорее даже наоборот.

– Да, мысль я понял.

– Хорошо. А чего хмуришься?

– Уф... Да как-то опора выбивается от этих разговоров про разные перспективы. Становится непонятно, как с людьми общаться. Да и вообще неуютно от всего этого в голове. Как будто не на что опереться и все разваливается.

Михаил допил сок.

– Опора найдется, не переживай. В этом и есть цель – найти то, что для всех одинаково и всегда, так сказать, «под рукой», – Михаил выделил этот оборот кавычкам. А «разваливание», о котором ты говоришь, – часть пути. Чтобы найти настоящую опору, нужно, чтобы отвалились старые фальш-подпорки. Для этого полезно замечать разницу между событиями и своей интерпретацией этих событий.

– Как вы со стаканом?

– Не только. Вот ты идешь по улице и видишь впереди девушку симпатичную. Идея в том, чтобы суметь отдельно увидеть факт и мысли об этом факте.

– Как это?

– Фактом в данном случае можно считать наличие зрительного образа, который тебе нравится. А мысли – это весь тот быстро растущий ментальный хвост, который этим фактом порождается. Ты начинаешь смаковать ее конкретные формы и изгибы, сравнивать ее с кем-то и фантазировать, чем и как вы бы с ней могли заняться?

– Я понял, – ухмыльнулся Сережа. – И это все? Просто замечать разницу? Прикольное упражнение.

– Да, этого достаточно. Следующие шаги будут возникать сами через осознание этой разницы. И я тебя уверяю – это упражнение значительно более прикольное, чем ты сейчас представляешь.

– Еще вопросы есть? – весело спросил Михаил.

– Есть кое-то. Я вас там не очень отвлекаю?

– Нормально. Мне сегодня снова в пустыню выдвигаться, так что посидеть лишний час в кондиционере я только рад.

Сережа рассказал, как он караулил свою хандру, чтобы рассмотреть ее из состояния наблюдателя, и что обнаруженные в основе хандры установки его озадачили. Ему казалось, что он рассказывает нечто очень важное, почти интимное, и он ожидал схожего отношения со стороны Михаила. Однако тот сидел на барном стуле, переплетя ноги, как йог, чему-то улыбался и иногда закидывал в рот виноград и какие-то незнакомые Сереже ягоды.

– Ты молодец, – сказал он, когда Сережа закончил. – Хорошо копаешь. Продолжай также и не завышай особенно важность этих находок. Гляди дальше. Все только начинается.

– Вы хотите сказать, что это нормально? – с сомнением спросил Сережа.

– Абсолютно. Через такие установки выражается базовая программа эго – расти и доминировать. Она, в свою очередь, является отражением страха и желания что-то доказать звучащим внутри голосам. Как правило, родительским.

– То есть вы встречали других предпринимателей с такими штуками?

Михаил так искренне засмеялся, что Сережа тоже улыбнулся.

– Я сейчас немного переступлю профессиональную этику, – сказал он. – Подобные установки в различных вариациях есть у каждого первого бизнесмена, независимо от величины его проектов. Просто пока человек их не видит, они управляют им скрыто, а когда начинает замечать, у него появляется возможность выйти из-под их власти. Так что по сути твоя хандра совсем не уникальна, но ее конкретный привкус у каждого свой особенный.

– Вы говорите «не завывать важность». Но как же не завывать, если она меня давит уже полгода? Я хочу с ней разобраться.

– Сережа, это может показаться тебе сейчас странным, но хандра – твой друг, который принес какое-то сообщение от жизни. И чтобы его услышать, с ней стоит не разобраться, а подружиться. Любая боль, неважно, физическая или эмоциональная, – это инструмент, которым жизнь корректирует наш курс. Хандра подсказывает тебе дорогу, и ты уже начал по ней двигаться. Продолжай идти.

– Так что мне – уйти из бизнеса, если у меня от него тоска?

– Не спеши. Возможно, стоит просто чуть поменять свои настройки и делать бизнес как-то иначе. А может начать что-то другое. Этот как раз пример ситуации, где стоит различать факты и интерпретацию.

– Но если я считаю себя предпринимателем, а сейчас начинает выясняться, что мое предпринимательство – просто социальная программа, то как тут быть?

– Пока ты жестко сцеплен с ролью предпринимателя, который должен делать успешные проекты, то вариантов немного. Хандрить дальше и терпеть. Но если ты поднимаешься на другой слой самоидентификации, то создание бизнесов может стать просто одним из дел, а не определяющей социальной ролью. Еще раз повторю, что «предприниматель» – просто ступенька в развитии, социальная роль, позволяющая увидеть мир шире. Называй как хочешь – обновление системы, опыт, расширение кругозора. Но это не финальная точка, ты можешь двигаться дальше. И твоя хандра – это колокол, зовущий в дорогу.

– А что делать с автоматизмами, которые я начинаю замечать?

– Просто смотри. Чем острее и стабильнее становится твоя указка, тем глубже ты будешь проникать. И тогда программы начнут деинсталлироваться и меняться. А следом за ними будет перестраиваться сюжет. Похоже, мне пора, – закончил Михаил и обернулся. Следом за этими словами где-то на фоне послышался нарастающий гул, а еще через мгновение за окном позади возник хищного вида вертолет песочного цвета, который приземлился на лужайку и затих.

– Ого. Это за вами? В пустыню полетите?

– Да, иначе туда очень долго добираться. Ну что – надеюсь, в следующий раз вживую увидимся. Все вопросы разобрали или осталось чего? Чувствую, еще что-то есть, да? Давай коротко.

– Ну это так, необязательно. Я тут пытался с Костей поговорить обо всем этом. Рассказать про медитацию, автоматизмы, находки свои, размышления. Я просто много думаю об этом, и хотелось с кем-то поделиться. Мы же не только бизнес вместе делаем, а друзья как-никак уже давно.

– Ясно. Я тебе так скажу – твои друзья не виноваты, что у тебя «обновление» идет.

На той стадии, где ты сейчас находишься, лучше лишний раз промолчать, чем пытаться что-то рассказать. Время разговоров придет позже. А пока продолжай изучать свою кухню, – Михаил показал пальцем на голову, – и скафандр. Это поможет всему остальному. Все, прием окончен, – улыбнулся он, спрыгивая со стула.

– Спасибо. Удачи в пустыне.

Михаил взял со стола какой-то пульт и нажал кнопку, отчего большое окно за ним быстро закрылось опустившейся сверху шторой. Потом он встал со стула, протянул руку, и изображение пропало.

Николай

Солнце уже без стеснения заглядывало в щель между шторами, голуби у кормушки наперебой курлыкали, а дворник Айбек уверенно задавал своей метлой утренний ритм.

Сережа приятно потянулся и хотел еще немного поваляться, но понял, что Айбек и голуби свое дело сделали – колесо с мыслями в голове уже завертелось и быстро набирало обороты.

В ванной, уже заканчивая бриться, он вдруг замер и несколько минут внимательно разглядывал свое отражение. Чем дольше он смотрел на лицо в зеркале, тем более непривычным и незнакомым оно казалось. Будто он не видел его прежде или видел совсем не так. При этом сформулировать, как он его видел раньше не получалось.

«Что я реально знаю о нем? Зачем он тут? Кто он вообще?» – пронеслась в его голове вереница мыслей.

«Привет. Кто ты?» – спросил Сережа у зеркала, чуть подождал и усмехнулся, представив, как эта сцена выглядит со стороны.

Выпив стакан теплой воды, он открыл настежь одно окно и расстелил перед ним коврик для йоги. Когда он пару недель назад похвастался Михаилу в переписке, что каждый день медитирует и бегаёт, тот прислал ему видео с практикой, которую предложил включить в утренний распорядок.

Практика называлась «Око возрождения», хотя иногда ее называли «Пять тибетских жемчужин» или «Пять тибетцев». Она состояла из пяти упражнений, каждое из которых следовало повторить 21 раз. Все вместе занимало меньше 10 минут. Чисто физически упражнения были простыми, не сравнить с кросс-фит тренировкой, куда Сережа одно время ходил. Хотя такое сравнение было не вполне корректным. Как он понял, смысл «тибетцев» был не в том, чтобы накачать мускулы, растянуться или развить выносливость, пусть даже такой эффект и возникал в небольших дозах. Основная же задача практики, по словам мужика из ролика, была в том, чтобы «прозвонить и включить энергетические контуры тела».

Смысл этих слов оставался Сереже не ясен, но доверие Михаилу было достаточным, чтобы просто начать делать упражнения без лишних вопросов. Кроме того, почитав комментарии под роликом, Сережа понял, что практика хорошо себя зарекомендовала. Даже если оставить за кадром таинственные «энергетические контуры», упражнения помогали Сереже проснуться и заменяли разминку перед пробежкой. В интернете было бесчисленное количество роликов с объяснением практики, из которых Сережа узнал, что существует еще шестое упражнение, направленное на подъем и трансформацию сексуальной энергии. Вокруг него было написано что-то совсем туманно-эзотерическое. Сережа хотел спросить Михаила на созвоне, нужно ли ему делать «шестого тибетца», но забыл.

Чтобы освоить предложенный Михаилом трюк с дыханием, ему потребовалось около недели. Сережа понял, что он на верном пути, когда в сессиях стало возникать характерное замедление времени, а темнота перед глазами стала делаться бархатной и объемной. Иногда даже перед носом ненадолго возникал знакомый конус. Дальше пройти пока не получалось, но Сережа и не торопился. Он воспринимал «четвертинки» (так он называл 15-минутные ситы) и «третьячки» как элемент гигиены. «Как голову изнутри помыть от мусорных мыслей», – говорил он друзьям, если они спрашивали, зачем он медитирует.

После медитации он стал одеваться для выхода. Утренняя пробежка сегодня отменялась – через 20 минут он встречался в Кофемании на Новом Арбате с Николаем. Знакомство с ним было одним из тех занятных совпадений, которых в последнее время стало заметно больше. Медитация, которая еще 2 месяца назад могла встретиться разве что в контексте сетевого мема, теперь стучалась к нему с самых разных сторон. Ютуб показывал ролики про меди-

тацию, поисковик предлагал подушки для медитации, социальные сети подсовывали рекламу курсов и ретритов.

Но если эти изменения виртуального пузыря были ему ясны в силу его профессии, то offline совпадения каждый раз вызвали детскую восторженную улыбку. Кажется Юнг, Сережа читал его в рамках университетского спецкурса, называл подобные совпадения *синхронией*. Так, например, во внутренней сети Вайме, где, как казалось Сереже, никто медитацией не интересовался, неожиданно обнаружилась рассылка, посвященная созерцательным практикам. Из нее Сережа узнал, что два раза в месяц к ним в офис приезжает известный буддолог и рассказывает про светскую медитацию. На фотографии буддолог оказался молодым парнем в очках с макбуком и четками. Сережа добавил себе в календарь расписание и решил при случае сходить послушать.

Знакомство с Николаем тоже было проявлением синхронии. Сережа встретил его неделю назад на вечеринке по случаю дня рождения общей подруги. Празднование проходило на крыше одного столичного клуба, гостей было много, и как это бывает в таких случаях, все разделилось на небольшие группы по интересам и знакомству. В какой-то момент Сережа оказался рядом с компанией, где модно одетый парень рассказывал про ретрит по медитации, откуда он недавно вернулся. Это и был Николай.

Раньше Сережа наверняка пошел бы дальше, но сейчас, когда он сам медитировал каждый день, ему стало интересно. Тем более, что рассказывал Николай хорошо – просто и искренне. Из его ответов Сережа понял, что он как-то связан с йогой, что показалось ему странным, поскольку на йога из книжек он был не похож.

Среднего роста, пружинистый, рельефный и атлетичный, он был старше Сережи лет на десять, а может и больше. Бритые виски, собранные в хвост светлые волосы и выглядывающие из под коротких рукавов футболки цветные татуировки намекали, что их хозяин не сидит в офисе с дресс-кодом. На груди висел замысловатый кулон, а итальянская оправа очков, стильно рваные джинсы и кеды Kenzo сообщали, что Николай не охладил к материальным радостям и имеет для них финансовые возможности.

Для канонических йогов в Сережином представлении Николай выглядел немного гламурно, но его рассказ и то, как он держался, вызвали интерес.

Про «медитационные ретриты» Сережа узнал недавно. Первый раз он услышал об этом от Михаила, а затем увидел объявления в контекстной рекламе.

Ретрит, откуда вернулся Николай, длился две недели и проходил где-то в Таиланде. Николай несколько раз произнес название то ли монастыря, то ли географической области, но Сереже оно ничего не сказало, поэтому он его не запомнил.

Атмосфера вечеринки не располагала к длинным связным рассказам. То и дело кто-то подходил, отходил или начинал громко разговаривать по телефону. Недавно подошедшие часто влезали с вопросами, причем они повторялись и по большей части касались распорядка внутренних правил ретрита.

– Я слышала, там надо телефоны сдавать – это правда? – спросила высокая блондинка модельной внешности с мускулистыми руками.

– Не везде. Это зависит от традиции и места проведения. Там, где я был, надо сдавать, да. Причем не только телефон, но и часы, планшеты, компьютеры, плееры и другую технику.

– Вот так она попадает на рынок, – ухмыльнулся парень с бокалом шампанского и коротко оглядел толпу, ища, кому понравилась его шутка.

– В некоторых местах еще зеркала карманные надо сдать, – добавил Николай. – И в туалетах зеркал там нет.

– Это правильно, – снова ухмыльнулся парень. – Чтобы не пугаться своей охреневшей рожи.

Кто-то в группе засмеялся, но блондинка посмотрела на парня с неодобрением.

- А дальше что? – спросила она Николая. – После того, как телефон сдал.
- Дальше объясняют технику медитации, все принимают обет молчания и начинается ретрит.
- А как его принимают?
- Просто повторяешь текст обета за учителем.
- И потом вообще нельзя говорить? А если нужно что-то сказать или спросить?
- Если очень нужно, то можно. Идея не в том, что «вообще нельзя», а в том, что ты добровольно принимаешь обязательство воздерживаться от речи.
- А почему от нее надо воздерживаться? – томная девушка в вечернем платье постучала длинными красными ногтями по фужеру с шампанским.
- Речь делает ум более активным, – спокойно пояснил Николай. – Получается, что если ты говоришь, то мешаешь основной задаче, ради которой приехала – успокоить ум и сделать его ясным.
- Две недели молчать? – с сомнением спросил коренастый парень с коктейлем в руке.
- Ну погоди, дай послушать, – шикнула его спутница.
- Да жуть вообще. У меня бы крыша поехала, – наморщился шутник с шампанским.
- А я бы хотела попробовать, – серьезно сказала накачанная блондинка.
- Это сначала так кажется, – ответил Николай шутнику. – На самом деле помолчать бывает интересно и полезно.
- Слышала? – шепотом спросил бритый мужчина в костюме и галстукe женщину слева. Будешь много болтать, уеду от тебя в монастырь.
- Бу-бу-бу, – передразнила его женщина. – Кто бы говорил – ты про свою крипту часами трещишь и не замечаешь.
- Ребята, ну помолчите. Давайте послушаем, интересно же, – сказала блондинка. – А что дальше – там общее расписание?
- Здесь было общее. Все построено по гонгам. Подъем на рассвете в четыре тридцать, завтрак в шесть, обед в одиннадцать, отбой в десять вечера.
- Не понял, – нахмурился коренастый парень. – Ты сказал, обед в 11, а отбой в десять вечера. А ужин когда?
- Ужина нет, – улыбнулся Николай.
- В смысле нет? А в чем прикол?
- Вот ровно в этом и прикол – не тратить лишнюю энергию на переваривание.
- Хрень какая-то. Это же вредно, желудок посадишь.
- Суши сухари заранее, – засмеялся шутник с шампанским и снова оглядел людей. – А кстати, можно с собой пронести чего-нибудь или там обыскивают?
- Пронести можно. Но надо хранить грамотно, иначе быстро придут муравьи и тараканы. Холодильников же нет.
- Так, ну а вода-то есть хотя бы?
- Вода есть без ограничений. И еще травяной чай от запоров.
- В группе громко засмеялись.
- А почему там запоры? – печально спросил лысеющий мужик с маленьким рюкзачком на спине.
- Потому что сидят все время. Профессиональная болезнь, как у таксистов, – серьезно сказал шутник и допил шампанское.
- А монастырь старый? – поинтересовалась томная девушка.
- Старый.
- Там, наверное, привидения есть, – с каким-то придыханием произнесла она. Кто-то хмыкнул, а Николай улыбнулся и развел руками.

– Я не видел, – ответил он, хотя слышал, что есть. Некоторые специально ради них и приезжают.

– Как это?

– Подождите, не рассказывайте пока, очень интересно, я только пирожное возьму.

Сережа не понял, кто это сказал, но все снова засмеялись.

– А змеи там есть? Или пауки? – подруга мужчины в костюме подвинулась ближе.

– Есть и те, и другие. Змеи почему-то любят жить рядом с монастырями. В этот раз монах, который давал нам наставления, рассказал, что одного участника на предыдущем ретрите укусила кобра. Его быстро отвезли в госпиталь, сделали укол, и на следующий день он уже вернулся. Но вообще это редкость, обычно они отползают сами, в отличие от скалопендры.

– Кого-кого? – переспросила блондинка.

– Ядовитая многоножка.

– Сильно ядовитая? Можно кони двинуть? – встревоженно спросил коренастый парень.

– Наверяд ли, но интоксикация сильная. Можно на несколько дней слечь с температурой.

– Ну такое себе... – констатировала девушка с розовыми волосами и тонким шипастым чокером.

– Не говори, – поддержала ее подруга с зелеными волосами. – Концлагерь какой-то. И ведь все добровольно. Может, там гипноз какой-то массовый или подмешивают чего?

– Так сказали же, чего подмешивают – средство от запоров, – громко сказал парень в гавайской рубашке, и все дружно засмеялись.

– Я бы не смогла, – сказала спутница бритого мужчины.

– Точно не смогла бы, – подтвердил он. – Ты даже когда дома одна остаешься, то в каждой комнате включаешь телевизор или радио.

– Да, я не люблю быть одна, ты же знаешь. Что тут такого?

– А мужчины и женщины отдельно живут? – спросила подруга коренастого парня.

– Да, в разных корпусах. А в зале ставится ширма между мужской и женской зоной. И в столовой тоже. Чтобы не встречаться глазами.

– А почему? Чтобы не отвлекаться? – понимающе кивнула блондинка модельной внешности.

– Да. Цель все та же – не подкидывать уму лишней пицци, чтобы он притих.

– Не, – усмехнулся шутник. – Не моя тема. У меня ум и так тихий, мне его наоборот взбодрить хочется. Он шмыгнул носом, огляделся и посмотрел на пустой бокал шампанского.

– Вот и я не пойму, – вмешался коренастый. – У меня половина сотрудников сидят как мухи сонные. Куда дальше-то затихать? Бывают какие-нибудь ретриты для бодрости?

– Может тебе их на тимбилдинг сводить?

– Да пробовал я. Повеселились и забыли. Бабки потратили, а для бизнеса толку никакого. Одна сотрудница только забеременела.

– А если мы пара и вместе приехали, нам тоже нельзя друг на друга смотреть? – обиженно спросила подруга коренастого парня.

– Конечно, – кивнул Николай. – Парам особенно.

– Извращенство какое-то, – нахмурилась девушка.

– Не волнуйся, – успокоил коренастый. – Если мы поедем, то я к тебе ночью в окно залезу. И использую особо извращенным способом.

Сережу немного удивляло, что никто не спрашивал про саму медитацию. Все вопросы крутились вокруг расписаний и организации быта, но, похоже, именно в этом заключался главный вызов для большинства. А может, им так просто казалось. Не начни он медитировать, тоже бы спрашивал про расписание и молчание.

Поток вопросов постепенно угасал, и люди перемещались к другим группам

– А что бы ты порекомендовал в качестве подготовки к первому ретриту? Я через месяц еду.

Вопрос задал высокий, немного сутулый парень с густой и ухоженной хипстерской бородой. Он с самого начала стоял с краю и до этого момента молчал.

Николай оглядел его коротким цепким взглядом.

– Ум подготовить сложно, да и не нужно, на мой взгляд. Смотри на это как на прыжок в воду холодную. Прыгнул, а дальше уже разберешься. А вот физику подготовить можно и нужно – тело поначалу часто доставляет основные хлопоты. Оно не привыкло сидеть на полу, да еще так долго – в среднем выходит 5 часов сидячей медитации и столько же в ходьбе. Так что начинают болеть колени, тазобедренные суставы, спина, шея. Рекомендую хатха-йогу и цигун. К чему больше душа лежит. Можно и то, и другое. Друзья, спасибо за ваше внимание. Я с вашего позволения отойду перекусить. Если захотите что-то спросить – подходите.

Николай направился к столу с закусками, а основная масса гостей переместилась внутрь – скоро должен был начаться просмотр ролика, который кто-то смонтировал для именинницы. Сережа хотел поговорить с Николаем, но решил выждать – по опыту конференций он знал, что не стоит сразу подбегать к человеку, который только что закончил выступление и положил себе еды.

Спустя минут 10, когда тарелка Николая почти опустела, он положил себе несколько больших помидорных ломтиков, накрытых моцареллой с песто, и направился знакомиться.

Оказалось, что Николай дает частные уроки йоги и ведет групповые классы в йога-клубе премиального сегмента недалеко от Сережиного дома. Сам он занимается уже больше 20 лет, на ретриты ездит минимум раз в год и уже перестал их считать.

Сережа в ответ поделился, что недавно тоже приобщился к медитации, и рассказал про технику, полученную от Михаила. Ему было интересно мнение Николая.

– Анапанасати, – кивнул Николай. – Для начала в самый раз. Сколько сидишь?

– Минут 20—25.

– А потом что – ноги затекают или спина болит?

– Да я не пробовал особо, – Сережа пожал плечами. – Надо дольше сидеть?

– Не то, чтобы надо, просто после 40—45 минут становится сильно интереснее, – заговорщицки сказал Николай и подмигнул.

– Знаешь, как заинтриговать, – засмеялся Сережа.

– Знаю, – кивнул Николай. – Ты, кстати, на холотроп ходил когда-нибудь?

– Нет, а что это?

– Холотропное дыхание. Техника, которая позволяет заглянуть в свое бессознательное. Сильная штука. У меня после нее другая глава началась в жизни, – Николай мечтательно улыбнулся, вспоминая что-то. – Ну и медитация становится гораздо глубже. Я потому и спросил.

– Хм. А что там в этом бессознательном видно?

– Это пробовать надо, так не расскажешь.

– Ну а все таки? Хотя бы в общих чертах.

– В общих будет непонятно. Считай, что там скрыты корневые аспекты твоей личности, на которых построено то, что ты о себе знаешь.

– Хм...

– Можно сказать, что там набор переживаний, которые твоя сознательная часть не помнит, но именно они делают тебя тобой. Например, родовые переживания и внутриутробный период. Есть теория, что они во многом определяют наши подсознательные жизненные стратегии.

Сережа вспомнил слова Лехи на Патриарших и посмотрел на Николая с удивлением и сомнением.

– Что, неужели можно рождение вспомнить?

– Некоторые фрагменты точно можно, у меня такое было. И это правда интересно. Я на минутку...

Он снова отошел к столу, где два официанта разгружали новые подносы с едой. Сережа с интересом наблюдал, как внутренний «кабинет министров» высказывает разные «за» и «против», хотя, как и в случае с Дзико, решение уже принято.

– А эта техника сложная? Долго учиться надо? – осторожно спросил он, когда Николай вернулся и поставил перед собой тарелку с рыбой и салатом.

– Сама техника простая, но нужна группа и ведущий. Я тебя спросил про холотроп, потому что через неделю приезжает очень хороший ведущий. Он раньше в Москве жил, а сейчас только изредка заезжает и проводит один-два семинара для старой гвардии. Широкой рекламы не бывает, только внутри старой тусовки новость рассылается и все. И приходит несколько новичков обычно, которым старожилы рассказали, как я тебе сейчас. В общем, можешь оставить контакт, и я тебе напишу, как конкретика появится.

– Друзья, просим всех внутрь, начинаем смотреть ролик с поздравлениями, – звонко объявила именинница, появившись в дверном проеме и сложив руки рупором.

Сережа обменялся с Николаем контактами, и они пошли в импровизированный зрительный зал, который был уже полон. Он сел на свободное место позади и, как скоро выяснилось, выбор был удачным. Ролик оказался сорокаминутной приторной нудятиной. Люди на экране, стесняясь, говорили банальные фразы, неестественно улыбались и хихикали. Некоторые читали стихи, и это было еще хуже. Спустя полчаса, проклиная создателей ролика и свою вежливость, Сережа выскользнул из зала. По дороге к лифту и в самом лифте он встретил несколько знакомых, которым сослался на дела, и только выйдя наконец на улицу, с облегчением вдохнул вечерний московский воздух и расслабился.

Спустя три дня Николай прислал детали семинара. Сережа отправил в ответ несколько вопросов, ожидая, что Николай ответит, но вместо этого он предложил встретиться и поговорить вживую. По вечерам Николай вел классы, поэтому они договорились позавтракать.

Где живет мастер? (Завтрак 1/2)

В 8 утра летний Арбат уже весело гудел, влажные после поливальных машин дороги и тротуары радостно искрились на солнце, а в воздухе пахло летним городским утром.

Настроение было хорошим, и спина делалась прямой, а походка легкой. Хотелось смотреть людям в глаза и улыбаться. Встречные прохожие выглядели сегодня более четкими и фактурными – возможно, дело было в особом утреннем свете. Сереже казалось, что он не просто видит их лица и детали одежды, но чувствует их эмоциональное состояние.

Несмотря на хорошую погоду, многие из них выглядели грустными и как будто досыпали на ходу. Кроме того, почти все они отчетливо спешили и смотрели либо себе под ноги либо куда-то в никуда, так что взгляд был отсутствующим.

Около спуска в подземный переход перед Новинским Бульваром ему встретила группа французских туристов с гидом. У них был характерный удивленный и слегка растерянный взгляд, какой бывает у людей, оказавшихся в новой непривычной им среде. Особенно это было заметно на контрасте с отсутствующим взглядом спешащих вокруг соотечественников. «Модные обезьянки с другой операционной системой приехали в соседний лес проведать сородичей», – услышал Сережа мурлыкающий голос Дроздова в своей голове и улыбнулся.

Уже начав спускаться в переход, он, повинувшись какому-то спонтанному порыву, вдруг замедлился и обернулся через плечо. Все было тем же и одновременно другим. Неожиданно для себя он увидел привычный городской пейзаж так, будто оказался здесь впервые и был таким же туристом, как эти французы – свежо, ярко, сочно очень реально. Этот странный эффект длился всего мгновение, а затем все стало прежним, словно проходящий мимо фокусник показал короткий замысловатый трюк, и растворился.

В кафе, где они договорились встретиться было уже людно. Основной контингент составляли седеющие мужчины 45+ в дорогих рубашках и костюмах.

На их фоне Николай в стильно рваных джинсах выглядел нарушителем корпоративных устоев. Глазницы черепа на его футболке и пряжка ремня были украшены стразами. Он сидел за угловым столиком и помахал Сереже рукой.

– Доброе утро, – поздоровался он, когда Сережа подошел ближе. Я тебя не слишком рано выдернул? Ты вроде говорил, что живешь тут рядом, а я переписываться не люблю, мне удобнее голосом, по старинке.

– Привет. Да, мне тут 5 минут идти, – ответил Сережа, раскрывая меню.

Подошедший к ним официант, похоже, работал всю ночь и буквально валился с ног – пытаясь достать блокнот, он два раза его уронил, потом раздраженно скомкал и засунул в карман. Но даже этот маленький бунт вышел у него каким-то обессиленным.

– Доброе утро. Я вас слушаю, – он говорил еле слышно, Сережа понял его скорее по движению губ, чем на слух. «Как бы в обморок не свалился», – подумал он. Николай попросил сырники, а Сережа – омлет.

– Я тут читал в интернете про ретриты разные, – начал Сережа, когда официант повторил их нехитрый заказ и отошел. – Мне стало интересно – а как потом в город возвращаться после такого опыта? Сложно наверное в работу включаться, да?

– Жизненный вопрос, – кивнул Николай. – На него редко отвечают честно.

Он посмотрел на телефон, словно что-то прикидывая, а потом перевернул его экраном вниз.

– Ответ зависит от того, как ты в этом городе живешь, – Николай показал кивком на людей за окном. – У каждого из них свои отношения с городом. Один встает на рассвете, а другой спит до обеда. Один выживает, а другой оставляет его месячную зарплату за ночь в клубе. Кто-то приехал, чтобы этот город покорить, а кто-то тут вырос и, наоборот, мечтает уехать. И мало кто из всех них всерьез задумывается, почему и зачем он делает то, что он делает, и живет так, как живет. Если такие мысли приходят, то их чаще всего гасят работой или домашними делами, посиделками в баре и сериалами. – Он замолчал и посмотрел на Сережу внимательно. – А на ретрите от этих вопросов отмахнуться сложно. Они встают во весь рост и окружают тебя.

– Жутковато, – Сережа сделал страшное лицо, чтобы немного разбавить серьезность Николая, но тот не улыбнулся.

– Встречаться с собой и прощаться с иллюзиями трудно. Но то, что человек получает взамен, стоит несравнимо дороже. Поэтому люди приезжают на ретрит снова и начинают медитировать дома. Наблюдение ума – это природное лекарство.

«Интересно, как так получается, – усмехнулся про себя Сережа, – вроде бы я спросил простую конкретную вещь, а уже налетел на общую лекцию».

– То есть в город возвращаться непросто – я правильно понял?

– Чем менее счастлив человек в городе, тем сложнее ему будет туда возвращаться. Хитрость в том, что большинство людей даже не осознают, насколько они несчастны. Они так привычно маскируют собственную боль, что начинают верить своему счастью. Таким на ретрите бывает особенно трудно. Практика показывает человеку, где он себя обманывает – чтобы честно это принять, нужно много сил.

У меня был период, когда после ретрита я оставался в Азии еще на пару месяцев, потому что даже мысль о возвращении в город была невыносимой. А сейчас я спокойно возвращаюсь – мне нравится, как у меня здесь все устроено.

– Я еще на форуме читал, что после ретрита состояние очень легкое и возвышенное, а в городе оно теряется за несколько дней.

Николай полил сырники кленовым сиропом, отломил кусочек и положил в рот.

– Я тебе историю расскажу. У меня в старших классах были любимые белые кроссовки. Отец товарищу привез из загранки, а ему малы оказались, так что он продал мне. Зимой я так скучал по ним, что доставал с антресолей уже в марте. И вот выхожу я, значит, в этих кроссовках и шагаю через мартовские лужи, во дворах тогда лютая грязь была. И конечно, через 5 минут одно пятно, потом другое, а потом вообще наступил в лужу или яму глинистую. И тогда перестаешь париться и шагаешь без разбору. Понимаешь к чему я?

– Ты хочешь сказать, что после ретрита мы «в чистых кроссовках шлепаем по грязи»? – Сережа показал пальцами кавычки.

– Вроде того. После 100 часов медитации и молчания ум становится заметно яснее и тише, чем был до. Это переживается очень приятно, но с непривычки люди ошибочно думают, что так будет теперь всегда. Они начинают безудержно болтать и ныряют с головой в свои привычные дела, так что через пару дней их ум тарахтит как до ретрита и даже больше.

– Почему больше? – удивился Сережа.

– Потому что в общем хоре внутренних голосов появляется еще один очень самокритичный голос. Человек расстраивается, что состояние ушло, и ругает сначала себя, а потом ретрит и медитацию в целом. Как ребенок, который обжегся зажигалкой и кричит: «Дурацкая зажигалка. Кто такие придумал, тот самый дурак».

– И какой ты выход для себя нашел? Можно сохранить кроссовки чистыми?

– Во-первых, завести щетку и средства для ухода за обувью. Во-вторых, выбирать, где гуляешь, – это вроде бы очевидно, но изменить свои привычки и распорядки очень сложно. Без первого пункта вообще невозможно.

– А что входит в первый пункт?

– Любые практики и методики, позволяющие лучше узнать устройство своей психики. Например... – Николай улыбнулся и выжидательно посмотрел на Сережу, ожидая продолжения.

– Что? Холотропное дыхание?

– Именно. Почитал про него что-нибудь?

– Немного про Станислава Грофа, который его придумал, и еще меньше про Игоря, который будет вести семинар.

– Вот и хорошо, – кивнул Николай. – Лучше идти без ожиданий. Тогда получаешь то, что получаешь, а не пытаешься подогнать происходящее под то, что где-то прочитал.

Сережа неопределенно пожал плечами.

– А может быть такое, что техника не сработает?

– На сессиях Игоря такое случается редко. Семинар идет два дня и хотя бы в один из них у людей бывает глубокий опыт. А чаще в оба. Главное – довериться процессу.

– Хм. А все-таки – на что это похоже?

– Ты же читал историю возникновения метода. Он возник как замена психоделической терапии в 70-х. У тебя когда-нибудь были внетелесные опыты? Сны осознанные, например? Когда проснулся во сне, и не просто смотришь какую-то тарабарщину, которую спящий мозг тебе крутит, а осмысленно действуешь, зная при этом, что тело спит.

– Да, такое было разок. Недавно совсем, – сказал Сережа вспомнив странный сон. – Собственно, с этого медитация и началась.

– Ну вот, может быть похоже на это. Местами.

Разделавшись с половиной омлета, Сережа попросил апельсиновый фреш.

– Как я понял, метод помогает выйти из автоматических реакций. Можешь пояснить, как это работает?

– Это один из главных эффектов практики, – кивнул Николай. – Игорь иногда рассказывает все это для новичков перед началом, так что я сейчас коротко отвечу.

Он отодвинул пустую тарелку и немного помолчал, собираясь с мыслями.

– В течение жизни мы формируем шаблоны мышления и поведения. Эти шаблоны образуют коридор наших возможностей, пространство допустимых сценариев. Пока мы не осознаем свои шаблоны, мы живем по ним, то есть они, по сути, управляют нами. Это значит, что у нас происходит своего рода «день сурка» – мы ходим по замкнутому кругу стимулов и реакций, получая в результате один и тот же набор сценариев. Если человек в глубине себя считает, что не достоин любви, то жизнь раз за разом ему это подтверждает. Если мужик не доверяет женщинам или женщина не доверяет мужикам, то это, опять же, будет проявляться во всех отношениях. Если на работе человеку хронически кажется, что он облажается, то вскоре это начинает происходить. У каждого из нас свой мир, и он создается нашими представлениями о нем. Каждый получает то, во что он верит. Не думает, что верит, а реально верит, в самой своей глубине.

Слова Николая явно перекликались с рассказами Михаила, и Сережа снова поймал ощущение синхронии.

– Значит, холотроп помогает заметить эти свои шаблоны?

– Да. Они находятся ниже границы нашего осознания, то есть мы про них не знаем и не замечаем. Наша бессознательная часть значительно больше сознательной, так же как подводная часть айсберга больше надводной.

Холотропное дыхание естественным образом меняет на время химию мозга так, что ты замечаешь эту подводную часть своего айсберга. Причем интересно, что ты встречаешься там именно с тем, что сейчас наиболее актуально для твоей системы. Почти всегда это отличается от тех запросов, с которыми ты идешь в сессию. Но это только на первый взгляд. А потом ты понимаешь, что получил ровно то, что было нужно. Я знаю, это все странно звучит, – усмехнулся Николай. – Поэтому пока сам не попробуешь – не поймешь.

– Про айсберг вроде понятно, а остальное туманно, да.

– Ну хотя бы в общих чертах про шаблоны ясно?

– В общих чертах, да. А скажи – бывают хорошие шаблоны, которые не мешают, а помогают?

Николай кивнул, показывая, что услышал вопрос, а потом задумался.

– Я не любитель лекций, это тебе лучше Игоря спросить – он хорошо объяснять умеет. Я бы сказал, что бывают шаблоны, хорошо подходящие для каких-то задач. Например, управлять бизнесом, знакомиться с женщинами, заниматься профессиональным спортом. Есть методики, позволяющие такие шаблоны установить и настроить. Но при этом любой шаблон ограничивает свободу, снижая здоровую спонтанность действий и свежесть восприятия.

– Ограничивает свободу, – тихо повторил Сережа. – А ты эту свободу нашел? – спросил он тут же смутился, что, возможно, заходит на слишком личную территорию.

Но Николай снова одобрительно кивнул.

– Не думаю. Наверное, нет. Но что-то я точно нашел. Я это понял, когда перестал таскаться по разным тренингам. – Он снова кивнул за окно. – Все разные и каждый ищет свою комбинацию методов, которые приведут его к свободе. Пока человек ее не нашел, он пробует чужие техники и ритуалы. Иногда этот процесс затягивается. Люди слепо бьют поклоны, думая, что цель в том, чтобы громче стучать и иметь красивую шишку на лбу.

– А ты встречал... – Сережа замялся, подбирая слово, – настоящих мастеров?

Николай посмотрел на него и засмеялся. Похоже этот разговор его развеселил.

– За 25 лет йоги и разных практик мне несколько раз казалось, что я нашел. Но затем каждый раз выяснялось, что у мастера есть свой шкаф со скелетами, так что я искал дальше. А потом я понял, что так мне мастера не найти. Понимаешь, почему?

Сережа вопросительно посмотрел на него.

– Потому что мастер, которого я искал, существовал только в моей голове. Слово «мастер» для каждого значит что-то свое. У меня в голове был собирательный образ мастера,

и я прикладывал его к встреченным учителям. Проблема в том, что когда мы сильно чего-то хотим, то начинаем легко верить в свои фантазии, охотно очаровываемся и потом страдаем.

– И что с этим делать?

– Уяснить, что Мастерство относительно. Например, я мастер спорта по боксу. Для человека, который никогда не боксировал и не занимался серьезно никакой рукопашкой, я – Мастер с большой буквы «М». Но вот олимпийскому чемпиону я сгожусь только для разминки. Поэтому вместо того, чтобы бесконечно искать «настоящего», как ты выразился, мастера, стоит присмотреться к тем, у кого ты можешь и хочешь чему-то научиться. Они для тебя и будут настоящими сейчас. Понимаешь? Такие люди всегда есть в твоём окружении. Причем ближе, чем ты думаешь. Они вовсе не обязательно известны как учителя, но это не значит, что у них нельзя учиться.

– Хм...

– И еще важно не ставить такого человека на пьедестал с подписью «Настоящий Мастер» – это будет сильно мешать, я на таком не раз обжигался.

Главная привычка

Официант принес счет и кофе для Николая. За окном все также шли люди, теперь их стало заметно больше. Сережа посмотрел на телефон, и, убедившись, что срочных сообщений нет, отложил его в сторону.

– Дааа, – задумчиво протянул он, – я ведь только пару месяцев как медитировать начал. До этого такими вопросами вообще не интересовался – скучно было про такое даже слушать. А тут, оказывается, целый мир.

– Конечно, – подтвердил Николай. У тебя все только начинается.

– А у тебя, кстати, как это началось?

Николай посмотрел несколько мгновений куда-то вдаль вверх домов за окном.

– Как началось? – задумчиво переспросил он. – У меня все началось с привычек. А точнее с их ревизии.

– Ревизии привычек? – переспросил Сережа.

– Да, это те же шаблоны мышления, про которые мы с тобой говорили. На последнем курсе института мне встретилась мысль, что человек – это сумма его привычек. Она показалась мне интересной, и я стал рьяно выискивать свои привычки. Происходило это в компании других таких же неистовых персонажей. По большей части все сводилось к оптимизации личной эффективности – как меньше тупить и больше успевать.

– С прокрастинацией боролся, – вспомнил Сережа заковыристое слово. – В Вайме такие семинары каждый месяц идут.

– Вот-вот. Сейчас таких тренингов стало много – это, как теперь говорят, тренд. А тогда таких слов не было. Собирались на квартирах или в подвальных клубах, обсуждали перепечатанные книги по философии и психологии. В общем, я тогда увлекся личностным ростом, как бы сейчас сказали. Стал следить за собой – что я говорю и делаю – как, зачем и почему. Мы с друзьями были одержимы идеей стать лучшей версией себя и года два фанатично искали свои привычки. Соревновались друг с другом люто, как в спорте, – Николай усмехнулся, а затем сделался странно серьезен.

– А что было потом, после привычек?

– А потом я понял, что все это баловство и пошел в бизнес зарабатывать деньги.

– Ого. Неожиданный поворот. А почему так вышло, расскажешь?

– Мне встретился один необычный человек. – Николай замолчал, словно взвешивая дальнейший рассказ. Потом видимо принял решение, снова посмотрел куда-то сквозь стекло и продолжил.

– Я редко рассказываю эту историю, но раз уж у нас пошел такой разговор, то пожалуй, расскажу. Потому что... – Николай задумался, словно подбирая слова. – Да ладно, чего там. Вообще, слушай.

Его звали Филин. Настоящего его имени я не знал и не знаю. Мы виделись всего один раз, но я помню все так, будто оно было вчера. Это случилось в конце девяностых, на даче нашего товарища, где мы как-то собрались небольшим кругом друзей. Отец товарища имел высокий чин в разведке, и дача была крутой даже по меркам сегодняшней Рублевки. Пара гектаров земли и замок с развесистыми флигелями, в одном из которых жил этот Филин. Он был шаманом с Алтая и приехал к отцу товарища для работы над каким-то проектом. Что за проект мог быть у шамана и полковника разведки нам, понятно, никто не рассказал, и оставалось только гадать. Что это вообще значит – шаман? Мы уже читали Кастанеду, но все это казалось далекой красивой игрой, и никто из нас не знал, как ее можно всерьез приземлить на нашу московскую реальность.

Был поздний вечер, мы сидели с ребятами в большой гостиной у камина, и, как ты можешь догадаться, говорили о саморазвитии. Разговор постепенно стихал, нас клонило в сон, и ребята потихоньку расходились по комнатам. В какой-то момент остались только я и мой приятель Витя, который заснул прямо там на диване и уже похрапывал. Диван был расположен прямо напротив камина, а по бокам от него стояли два глубоких кресла. Они были повернуты так, что из них можно было смотреть на огонь и общаться с теми, кто на диване. Я сидел в одном из кресел и ждал, когда догорят дрова, чтобы тоже идти спать, и тут меня кто-то окликнул сзади по имени. Я сначала испугался и замер на мгновение, поскольку был совершенно уверен, что кроме нас со спящим Витосом в комнате никого нет. А потом повернулся на звук голоса, но все равно никого не увидел. И тогда из темноты ко мне вышел Филин – в неосвещенном углу гостиной был другой диван, и видимо он сидел там. То ли он тихо прошел туда, когда мы были увлечены беседой, то ли он там сидел еще до нас, а мы не заметили, я не знаю. Да это и не особо важно.

Он подошел к камину, слегка поклонился, сел в свободное кресло с другой стороны дивана и повернулся к огню. Теперь я мог его рассмотреть.

На вид ему было около 60. Отблески пламени играли на его лице, делая и без того глубокие морщины еще более резкими. Седые прямые волосы, большие скулы, длинный чуть загнутый нос (может поэтому его называли Филином?), решительный подбородок. Тонкие длинные пальцы сжимали в руках резную трубку из дерева и кости или камня. Кроме нее никаких других атрибутов, которыми наделяют шаманов в книгах, у него не было.

– Я не хотел тебя напугать, – медленно произнес он, блеснув золотой фиксой. – Я слышал ваш разговор и решил познакомиться. Я понял, что тебя зовут Николай. Можешь называть меня Филин, – голос его звучал дружелюбно, но мне было не по себе. Я сдержанно поздоровался.

– Ты много говорил про привычки. Хорошо говорил, – Филин выдержал паузу, а затем посмотрел мне точно в глаза. – Я хочу тебя спросить – нашел ли ты свою главную привычку?

– Главную привычку? Что это?

– Вот именно – что это? – вкрадчиво переспросил Филин. – Какая у тебя главная привычка, Николай?

Я не понимал, куда он клонит, хотел спать и начинал заводиться от его тона.

– Я не знаю, – ответил я чуть с нажимом. – Уже поздно и я собирался идти спать. Может, без загадок обойдемся?

– Спать? – Филин посмотрел на меня насмешливо. – А как же ты, Николай, пойдешь спать, если ты еще ни разу не просыпался? Еще крепче хочешь заснуть?

Видимо, у меня был растерянный вид, потому что он улыбнулся.

– Видишь, как оно тут все непонятно, да? А ты говоришь «без загадок», – усмехнулся он.

Со мной давно так никто не говорил. В нашей группе я был одним из вожаков, а он общался со мной как с мальчишкой, и это меня бесило. Мне хотелось ударить его, но что-то меня останавливало. Я объяснял себе, что дело в его возрасте и том, что он друг хозяев, у которых я в гостях.

– Чего вы хотите? – спросил я наконец, с трудом сдерживаясь.

– Это не я, – покачал головой Филин. – Это ты хочешь. Хочешь стать, как ты недавно выразился, лучшей версией себя и для этого ищешь свои привычки. А я просто спрашиваю – знакома ли тебе твоя главная привычка?

– Нет. Не знакома. А вам какое дело, собственно? Можете познакомить? – Я быковато выкатил глаза и посмотрел на него уже с явным наездом.

Он, однако, совершенно спокойно выдержал мой взгляд и молча кивнул.

– Могу. Но пока рано.

– Давайте, знакомьте, – процедил я.

– Это многое изменит, – он сказал это добро и даже с какой-то отеческой заботой, которую я тогда воспринял как слабость и желание соскочить.

– Давайте отвечать за свой базар, – прошипел я.

– Горячий, – улыбнулся он. – Очень горячий.

Затем он чуть наклонил голову набок и вперед, как-то странно глянул на меня исподлобья и замысловато цокнул языком. Я хотел было улыбнуться и понял, что не могу. Меня натурально вморозило в кресло, так что я не мог пошевелиться, хотя все видел и понимал. Слышал, как трещат поленья, храпит товарищ на диване и стучит мое сердце.

Филин подошел ко мне и присел на корточки, так что наши лица оказались на одном уровне.

– Я знаю, что ты сильный и смелый, Николай. Это хорошо. Но сейчас это будет мешать, понимаешь? Поэтому я тебя ненадолго выключил. Моргни, если слышишь и понимаешь.

Я моргнул и он продолжил.

– Все люди хотят жить лучше, пока не возникает вопрос, будут ли они жить вообще. И вот тогда некоторые из них, далеко не все, узнают, что Жизнь можно не оценивать, а просто ценить...

Николай вдруг остановился и помотал головой.

– Ты чего? Что случилось? Что дальше было? – спросил Сережа.

– Да странное чувство какое-то... – Николай явно был озадачен. – Я давно перестал эту историю рассказывать. Понял, что ни к чему это. А тут вот начал и сейчас снова чувствую – не нужно. Все, что я сказал, – это между нами, ладно?

– Конечно, – кивнул Сережа. – Но ты хотя бы скажи – он тебе привычку твою главную показал?

– Да, показал. И я понял, что вообще не готов не то чтобы менять ее или не дай бог убирать, а даже приближаться к ней. Поэтому вся эта балалайка с привычками отправилась на полку, а я на несколько лет плотно ушел в бизнес за деньгами.

– Что же там такое страшное обнаружилось?

– А ты подумай сам, – Николай слегка наклонился к нему через столик, – какая у тебя главная привычка?

– Не знаю, – замялся Сережа. – Сомневаться?

– Еще.

– Развиваться?

– Еще.

– Да не знаю... Дышать?

– Это уже ближе. Еще.

– Э-э-э... ну не хочу гадать. Можешь просто сказать?

Николай наклонился еще ближе к нему и медленно вкрадчиво произнес: «Твоя главная привычка – быть Сережей.» Возникла пауза, однако ее театральная драматичность не была согрета светом прозрения. Сережа почувствовал себя как в детстве, когда после финальной фразы непонятого анекдота было несмешно и неловко. Несмешно, потому что непонятно, а неловко, потому что стыдно признаться, что непонятно.

– Пока сам не встретишь – не поймешь, – кивнул Николай и улыбнулся. Это нормально. Я не смогу тебе это показать так, как Филин показал мне, но зато я тебя познакомлю с Игорем. Благодаря ему у меня началась вторая глава в саморазвитии.

Как ты верно подметил в начале разговора, личностный и духовный рост образуют «целый мир», и этот мир многоуровневый. Чего только люди не делают. Одни неистово дышат, другие наоборот задерживают дыхание и ныряют на глубину многоэтажки, третьи стоят на гвоздях часами и орут, четвертые запираются в темные пещеры и там сидят, пятые закапываются под землю с трубкой, шестые ходят голышом, седьмые устраивают оргии, где совокупляются особым порядком, восьмые сидят на специальных диетах, надеясь в итоге питаться только солнечным светом, девятые пьют шаманские отвары из кактусов и лоз, десятые... ну ты понял, я могу долго продолжать.

– А зачем они все это делают, – спросил Сережа, – привычку ищут главную?

– Да, именно. Называть это, конечно, можно по-разному, но суть именно такая.

– И что – находят?

– Находят. Немногие. А ты вот зачем на холотроп собрался? Что тебя привлекло? Где тебе жизнь жмет?

– Нууу... – Сережа задумался. – Да просто... Скучновато как-то стало, старое не особо радует, нового пока нет, встретил интересного человека на работе, он рассказал про медитацию, я стал делать, появились новые мысли, и дальше как-то одно за другое стало цепляться. С тобой вот познакомился.

– Все верно, – улыбнулся Николай, откидываясь на спинку своего стула. Вот так и у других. Появляется неудовлетворенность, рождаются вопросы, начинается поиск ответов и во время этого поиска обнаруживаются привычки. Я уже говорил сегодня – жизнь определяется призмой, через которую на нее смотрят. Этих призм много и они такие привычные, что мы о них не помним. Поэтому чтобы вспомнить о них, отложить одни и достать другие, мы с тобой идем на холотроп, – Николай засмеялся, встал из-за стола и протянул руку. – Все, мне пора.

Сережа поднялся и они попрощались.

– До встречи на семинаре – сказал на ходу Николай. Приезжай пораньше, поглядишь на тусовку.

– Хорошо, – отозвался Сережа уже машинально, косясь на телефонный экран с уведомлениями.

Он задержался в кафе, чтобы ответить на несколько срочных сообщений, и увидел в окно, как Николай вынырнул из подземного перехода на другой стороне улицы и сел в такси.

«СНЫ О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ»

Уснуть долго не получалось – Сережа ворочался, менял подушки, открывал и закрывал окно, ходил на кухню пить. В голове крутился разговор с Николаем, рабочие дела, встречи и предстоящий семинар. Лишь к двум часам ночи, окончательно измотавшись, ум и тело, наконец, расслабились, так что дверь в сон отворилась.

Облегченно вздохнув, он перевернулся на живот, закрыл глаза и отключился.

Когда он пришел в себя, то обнаружил впереди твердую темно-коричневую поверхность, напоминавшую фактурой старую школьную доску, на которой писали мелом. Только доска эта была размером с 20-этажный дом. Охватить ее взглядом вблизи было невозможно, зато Сережа мог вдоль нее летать. Возможность такого перемещения не вызывала удивления и воспринималась как нечто совершенно естественное.

Летая вдоль доски, он заметил, что ее поверхность покрыта маленькими цветными наклейками, похожими на канцелярские листочки для записок. Наклейки образовывали разноцветные ряды и колонки. Некоторые листочки были наклеены на саму доску, а некоторые – поверх других. Сережа было подумал, что это канбан-доска из старого офиса, на которой они фиксировали продуктивные спринты, но уже в следующее мгновение эта мысль бесследно растаяла.

Какое-то время он хаотично перемещался вдоль доски, а затем его внимание привлекла ярко-розовая наклейка. Он зацепился за нее взглядом и приблизился в надежде найти какие-нибудь слова, объясняющие происходящее. Слов не нашлось, но сама фиксация внимания на наклейке начинала странным образом передавать ее смысл.

Розовый листочек «рассказывал» о силе взятых обязательств, обращении со временем и важности выполнять данные обещания. Наклейки рядом говорили о правилах дружбы и командного взаимодействия. Синяя учила отношениям в паре, а зеленая была убеждена, что во всех раскладах лучше выбирать стабильность и не рисковать.

Все послания были не просто знакомыми, а какими-то до странного родными – казалось, Сережа сам их написал накануне. Стоило ему так подумать, как пришло осознание – цветные наклейки действительно отражали не просто абстрактно знакомые идеи, а именно его, Сережину, версию этих идей. И это были даже не идеи, а привычки. Сотни привычек, возникших с момента его рождения, переплетались и наслаивались друг на друга, образуя сложные, зачастую противоречивые конструкции. Некоторые привычки касались эмоциональных паттернов, но были и чисто поведенческие. Например в каком кармане носить телефон, а в каком – ключи. Какими жестами прикрывать неловкость или раздражение? В какой позе засыпать?

Ему вспомнился Николай и его рассказ про Филина. Сережа помнил, что там было что-то важное, но не мог вспомнить, что именно. Откуда-то возник ветер, и под его усиливающимся напором листочки на доске стали отрываться и улетать. Сначала по одному, а затем целыми гирляндами. Этот процесс приносил радостную легкость и отчасти походил на закрытие старых вкладок в браузере, отчего высвобождалась оперативная память.

Ему снова вспомнился рассказ Николая, и на этот раз внутри шевельнулось что-то пугающее. Чем больше Сережа пытался вспомнить, о чем тогда говорил Николай, тем болезненнее и страшнее становилось внутри. Словно какая его часть уже знала ответ, но боялась его произнести и потому прятала от других. Ему показалось что где-то в центре его существа возникла темная воронка, поначалу маленькая, она становилась все шире и шире, затягивая все больше внимания, так что думать о чем-то другом было уже нельзя.

Сережа заметил, что странным образом сопротивляется воронке и одновременно хочет в нее нырнуть. Паталогичность этого противоречия действовала на него парализующе и когда

он попытался об этом подумать, вся доска с оглушающим ревом содрогнулась. Ему стало по-настоящему страшно, и он попытался закричать, но голос его не слушался.

Доска дрогнула еще раз, и по ней пробежала волна, стряхивая очередную порцию наклеек. Откуда-то налетел ветер, он подхватил Сережу и отнес назад, так что теперь он мог видеть доску целиком, словно отбежал от дома на 100 метров. Доска начала ритмично содрогаться и это явно не сулило ничего хорошего. Должно было случиться что-то действительно серьезное и прежде чем оно случилась, Сережа понял.

Гигантская доска тоже была своего рода наклейкой. Это была та самая «главная привычка», о которой говорили Филин, а затем Николай – привычка «быть Сережей». Ветер уже оторвал и унес несчетное количество маленьких привычек, и сейчас начала отрываться самая главная. Но в отличие от радостной легкости, возникавшей после отрыва мелких привычек, дрожь этой махины вызывала лишь запредельный животный ужас, мрак и трепет.

С каждым содроганием доски Сереже казалось, что в нем что-то обрывается и отмирает. Сама доска между тем начала отгибаться с одного края, открывая зияющую за ней черноту. Мысли путались, но в одном Сережа был уверен – если доска оторвется, то он – как Сережа – закончится. Ужас возникающий от этой мысли, блокировал любые другие размышления. Расставаться с главной привычкой было явно рано, но как сообщить об этом той силе, которая отрывает ее с корнями?

Последним волевым усилием он собрался, и, обращаясь ко всем мыслимым живым формам, крикнул изо всех оставшихся сил: «На помощь! Помогите!». Доска еще раз оглушительно дрогнула, и все погасло.

Многогато басов

Сквозь сон Сережа слышал, как кто-то зовет его по имени. Голос был знакомый, но имени обладателя, вспомнить не получалось. Иногда голос исчезал, и тогда Сереже казалось, что он лежит на спине, а над ним склонились какие-то внимательные существа. Рассмотреть их толком не выходило, но исходившее от них состояние вызывало мысль о врачах, стоящих над постелью пациента.

Знакомый голос, однако, им не принадлежал, и доносился, казалось, из какой-то совсем другой вселенной, как будто в будке киномеханика шутники смешали киноплёнки с разными фильмами и теперь крутят эту абракадабру.

Голос стал настойчивее, а затем возникло весьма интенсивное ощущение. Оно быстро нарастало, и наконец Сережа вспомнил, что оно называется словом «холодно». Потом возникло ощущение «мокро». А потом что-то звонко шлёпнулось и стало горячо. Шлепок раздался еще раз. И еще. Кажется его ударили по лицу, хотя боли не было. Сереже казалось, что он уютно спит, а кто-то ломится к нему в комнату. Причем этот кто-то был настроен явно серьезно и требовал, чтобы Сережа встал и открыл дверь.

На экране снова возникли внимательные существа.

– Приходит в себя, – уловил Сережа телепатически голос в своей голове. – До возврата в тело 3-2-1...

В ушах возник громкий нечленораздельный шум, который достаточно быстро превратился в речь, словно где-то загрузился нужный драйвер.

– Алло, «мандельвакс». Давай дыши уже. Ты где там застрял, а? Хорош бродить в бессознании. Вылезай живо. Ты меня лучше не серди. Еще тебе леща отвесить?

Сережа открыл глаза. Понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что он не лежит, как ему казалось, а сидит на полу, оперевшись на край кровати. Перед ним было распахнуто окно его спальни, а рядом на корточках сидел Леха. Он выглядел встревоженным.

– Здрасьте. Очухался. Наконец-то. Что за дела такие? А если бы я не приехал? Ты бы тут ласты склеил, ты в курсе? А я ведь заезжать не планировал. Случайно можно сказать тут оказался, – Леха встал, прошелся по комнате и продолжил.

– Я с подружкой поругался и свалил от нее под утро, а она тут рядом живет. Думал домой поехать, а потом вспомнил, что у меня твои ключи валяются в бардачке. Я тебе их не вернул, помнишь? Мне надо было рано уезжать от тебя, и ты мне ключи дал, чтобы я тебя не будил. Вот они и лежали в бардачке. Ну, думаю, найду тихонько, а утром тебя напугаю и поржем вместе. А получилось, что это ты меня напугал. Я тут чуть не обделался смотреть на твою рожу бледную. Нифига не смешно.

Леха снова прошелся по комнате, резко разворачиваясь на пятках.

– В общем я зашел и думал уже ложиться, и тут слышу, ты как-то странно тут себя ведешь в спальне. То стонешь, то рычишь не своим голосом. Знаешь, как я тебя нашел? – Леха подошел ближе и снова присел на корточки.

– Лежишь, короче, ты поперек кровати, изогнулся дугой, пульс бешеный, глаза закатились. Я, честно говоря, струхнул. Стащил тебя на пол, посадил у окна, стал водой брызгать. А ты вообще не але. Тогда я тебе пару лещей отвесил. Ну а дальше ты знаешь.

Леха прищурился и несколько секунд внимательно смотрел на Сережу.

– В-общем, старик, я, конечно, подозревал, что ты псих, иначе как бы мы с тобой дружили, но не думал, что ты на таких сложных щцах. Что тут у тебя происходит, рассказывай. Это все твой консультант из Вайме? Или ты на свой семинар дыхательный ходил и домашку делал?

Он присвистнул, поднялся и снова заговорил сам. Видимо ответы его не особенно интересовали.

– Так. По ходу спать сегодня уже не выйдет. Отлично, понимаешь, отдохнул. Ну пойдем тогда что ли на кухню завтракать. Ты встать-то можешь? Жрать хочешь?

Сережа кивнул и улыбнулся.

– А чего ты улыбаешься, а?

– Рад тебя видеть, – сказал Сережа, радуясь звуку собственного голоса и отмечая, что его день давно не начинался с этих слов.

– Еще бы ты не рад. Я же тебе жизнь спас. Пойду чайник поставлю.

Сережа посидел несколько минут на полу, слушая птиц и городские звуки с улицы. Пугающий сон покрывался дымкой, как будто приехала бригада специальных невидимых медиков, которые оперативно зашивали порезы, наклеивали пластыри и делали пугающие воспоминания блеклыми и размытыми.

Минут через 20, когда Сережа прошел в гостиную, Леха сидел с грустным видом.

– Бро, ты совсем одичал без бабы. У тебя жрать вообще нечего. Давай закажем доставку – что тут у тебя рядом есть хорошего?

Сережа качнул головой.

– Я омлет собираюсь делать, – сказал он, доставая сковородку. – Будешь?

Леха посмотрел на него с удивлением.

– Ну давай, шеф. Мне, пожалуйста, двойную порцию со сливочным лососем, сыром и зеленью. И большой американо.

– С лососем не получится. Могу грибов добавить.

– Каких еще грибов? Хочешь, чтобы мы тут вместе лежали с закатанными глазами? – Леха карикатурно закатил глаза.

– Да не... Шампиньоны обычные, – Сережа показал упаковку.

Когда с омлетом было покончено, Леха шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. – Так, ну вот теперь я готов слушать. Ты рассказывать-то будешь? – спросил он серьезным тоном. – У меня с собой вот габа есть – давай заварим. Он достал из рюкзака пакет и протянул.

Пока Сережа заваривал чай, он рассказал Лехе про встречу с Николаем и свой сон. Леха слушал его неожиданно внимательно и ни разу не перебил.

– Интересно ты живешь, Серый. А ты сам-то чего думаешь об этом? Ты правда хочешь эту главную привычку отклеивать?

Сережа хмуро покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я как про нее подумаю, так у меня все замирает внутри. Я реально думал, что мне крышка.

– Понимаю, – усмехнулся Леха. – А ты когда-нибудь думал, что такое «крышка»? Вот как ты ее ощущал?

Сережа задумался и понял вдруг, что никогда о таком прежде не говорил. Вокруг темы смерти стоял какой-то внутренний заборчик. Как только внимание к нему приближалось, происходил своего рода микро-сброс. Как будто где-то раздавалась короткий звук сирены, и внимание отбрасывалось назад.

Это напоминало заглушку в программном коде, когда при вызове заблокированной или не написанной пока функции пользователю показывается информационное сообщение, после чего он перебрасывается на одну из предыдущих логических веток.

– Ау? – сказал Леха. – Ты чего завис?

– Да вот, странная штука, – ответил Сережа. – Я только что обнаружил, что не могу сосредоточенно подумать о смерти. Это как будто я хожу в доме со множеством дверей и могу в них заходить. Но если я приближаюсь к двери с надписью «смерть», то меня отбрасывает назад. Как будто заглушка в компьютерной игре.

– Ну да. Я же тебе говорил, что все тут игра. И эта дверь в ней пока заблокирована. Ну и нечего туда лезть. Придет время – откроется. А раньше времени откроешь – назад не закроешь. Я таких людей встречал, они, знаешь, сами не рады. Так чего – как ты эту свою «крышку» ощущал, расскажи?

– Как конец всего.

– А тело ты там чувствовал?

– Вроде да... – Сережа задумался. – ...но вроде и нет. Скорее нет. Конец, про который я говорю, к телу не относился. То есть он ощущался как смерть, но эта смерть касалась в первую очередь не тела, а меня как Сережи. Моей самоидентификации. Ощущалось, как будто крыша вот-вот уедет далеко и безвозвратно. И от этого становилось очень страшно.

Леха хмыкнул и зачерпнул горсть орешков из хрустальной вазочки.

– А кому страшно-то? – ехидно спросил он.

– Что значит кому? Мне.

– Да? Ну а где он находится? Этот ты, кому страшно? И какой он?

Сережа нахмурился.

– Я не понимаю, куда ты клонишь. Мне было так страшно, что сейчас пока точно не до вопросиков твоих дурацких.

– Ну ладно, – убрал Леха ироничную улыбку. – Давай по-другому – что такое «крыша уехала»? Меня, помню, в институте иногда накрывало на тему того, что возможно в психушке сидят нормальные люди, а реально опасные психи – это мы тут все. Следишь за мыслью? С чего мы взяли, что с ними что-то не то, а с нами все в порядке? Ты никогда не думал об этом?

– Думал. Еще в школе. Когда Достоевского читал. Мне кажется, ответ простой. Все дело в том, что тех, кого мы считаем нормальным – гораздо больше.

– А почему из того, что нас больше следует, что мы нормальные?

– Ты что сказать хочешь?

– Я хочу сказать, – Леха зачерпнул еще орешков, – что метод определения нормы очень размыт, если не рассматривать ярко выраженные буйные случаи. В 70-х один американский психолог провел эксперимент, где он сам и его друзья симулировали симптомы разных психических расстройств. Их всех поместили на лечение, и им пришлось потом долго и сложно выбираться, доказывая, что это была инсценировка. Причем, что интересно, реальные пациенты быстро увидели в них симулянтов, а персонал больницы – нет. И потом, спустя некоторое время, этот психиатр снова повторил похожий эксперимент, и результат был тот же. Но к чему я это, а? Ты помнишь?

– Не знаю, к чему, – тихо сказал Сережа, подливая кипяток в заварочный чайник. – я говорил о том, что сойти с ума – это страшно.

– А, точно. Я хотел сказать, что вот это «сойти с ума» – неоднозначная штука. Подумай сам – у каждого человека в голове звучат разные голоса. Родители, дети, друзья, коллеги, начальство, тренер из школьной секции, персонаж из книжки или фильма и т. д. Пока человек с ними общается внутри своей головы – это считается социально приемлемым, но как только он начинает с ними разговаривать вслух в общественных местах, на него начинают косо посматривать. Ты Карлсона читал в детстве?

– Конечно. А что с ним?

– Ты понял, что Карлсон был только в голове у Малыша? Пацан так скучал, что придумал чувака с пропеллером, и тот стал его лучшим другом. Или можно сказать, что он был Духом из другого измерения, который показывался только Малышу. В каком-то смысле это одно и то же.

– Хм... – усмехнулся Сережа. – Скажешь тоже... Ну что-то в этом есть, да.

– Я просто пытаюсь тебе показать, – продолжил Леха, – что как бы ни пугал отъезд крыши, ты никогда не знаешь, что впереди. Может быть, крыша отъехала для того, чтобы ты наконец увидел в небе звезды и вспомнил о чем-то важном.

Сереза поднялся и достал из шкафа плитку LINDT с апельсином.

– Возможно, но звезд я пока не увидел и не очень хочется. Расскажи лучше – ты испытывал что-нибудь вроде того, что я рассказал? Тебе бывало страшно похожим образом?

– Бывало, – ответил Леха. – Два раза помню особенно ярко. Могу рассказать. Хочешь?

– Давай, – сказал Сереза.

– Смотри. Сам захотел, – сказал Леха угрожающим голосом. Потом немного помолчал и широко улыбнулся. – Да ладно, не дрейфь, это я тебя пугаю просто.

В общем один случай произошел в Индии около Аруначалы. Там проходила очередная шаманская церемония. У меня их к тому моменту много было, так что я не боялся. Но с другой стороны, там накануне все равно бывает специфический мандраж. «Главная привычка», как ты выражаешься, чувствует угрозу и пытается дернуть стоп-кран.

В общем, в какой-то момент у меня случилось нечто похожее на твой сон. Только я это видел как погружение в пещеру. Будто я держусь за веревку, привязанную у входа, и иду вглубь пещеры. Постепенно становится все темнее, и все меньше людей вокруг. Вроде у входа в пещеру нас много было, а тут уже я один иду, остальные где-то растерялись незаметно. И вдруг я понимаю, что пещера меня начинает затягивать, меня беззвучно всасывает в эту темноту. Я держусь за веревку из последних сил и говорю себе, что надо, мол, напрячься и потерпеть, что этот пылесос однажды выключится и я смогу вернуться ко входу. Говорю и чувствую, будто кто-то смеется. И внутри меня смеется, и снаружи. Будто говорит мне: «А что – слабо отпустить?». И ведь знал, на что меня взять. Я как это «слабо» услышал, так и отпустил разом. «На, – говорю, – получи. Не слабо не фига». И прямо в черноту эту как в пасть прыгнул. Типа «ну давай, вот он я», – Леха раскинул руки и показал, как он прыгнул.

– И чего дальше?

– А дальше я пролетел через черноту и снова оказался у входа. Как будто промчался по темной закольцованной трубе, прикинь? Как пончик, – Леха засмеялся и отломил кусочек шоколадки.

– И все?

– Что значит «и все»? – обиделся Леха. – Конечно, пока я летел, мне там показывали всякое, сейчас грузить тебя не буду, это к делу не относится. Главное, что я насквозь этот страх пролетел и узнал, что он вовсе не страшный.

Сереза с сомнением покачал головой.

– Мой страх очень даже страшный. А что за второй раз?

– Второй раз был не такой прикольный, – сказал Леха, чуть помрачнев. – Но интересный. Я тогда прошлый бизнес делал. Мы продавали профессиональный свет для мероприятий. И попался нам заказчик сложный. Пару заказов с ним сделали, а на третьем забуксовали, очень требовательный этот тип был и дотошный. Ребята мои с ним уже все нервы вымотали. И бросать жалко – заказ большой, платит четко. Обычно когда такое случается, я сам еду на переговоры – у меня это хорошо получается. И тут я тоже сам поехал.

Встречаемся мы с ним, значит, в рестике одном гламурном. Мужик этот выглядит, конечно, эффектно – этаким цыганский барон лет пятидесяти. Сам со мной сидит, а за соседним столиком его свита. Дела мы все быстро порешали, как это обычно у меня бывает. Едим, разговариваем за жизнь. Я вижу, что тип необычный, если не сказать редкий, у меня на них нюх. Пытаюсь его с разных сторон раскрутить на рассказ – не выходит. Спорт, путешествия, женщины – не срабатывает. В бычку не уходит, дурака не включает, а просто как-то очень ловко разворачивается каждый раз, так что я ни с чем оказываюсь. Мне, понятно, еще интереснее становится, я такие задачки люблю. Начинаю ему свою тему про игру задвигать. Так и так, бизнес – это, конечно, классно, но есть игры более высокого порядка, как вы явно знаете. И я не о политике, а том вечном космическом цирке, в котором мы все тут оказались. Приятно встретить другого игрока в цирке. Буду рад дружить и обменяться опытом.

Он в тарелку уткнулся, слушает меня вполуха не глядя, а потом поднимает глаза, откладывает приборы и говорит:

– Алексей, я не хочу вас расстраивать, но... – Леха замолчал и усмехнулся. Чувствовалось, что воспоминание до сих пор яркое. – В общем, он начинает фразу «Алексей, я не хочу вас расстраивать, но...», а дальше поднимает левую руку, и официант, проходящий мимо, вдруг поворачивается, смотрит на меня и говорит: «...вы не вполне понимаете, о чем говорите». Ты прикинь, а? Мужик фразу начал, а официант ее закончил. Причем глядя на меня.

Я, ясное дело, охренел, сию моргаю, официант уже ушел, а мужик продолжает: «Вы представляете, кто сидит напротив вас?»

А я, надо сказать, тогда был борзый. Прошел всего месяц после той индийской поездки, я чувствовал себя прекрасно. Казалось, что могу молнии метать и камни крошить.

Посмотрел я на него, и вдруг захотелось мне его перекрестить. Не спрашивай почему, не знаю. Никогда в жизни так не делал, и, наверное, больше не буду. И только я начинаю его мысленно крестить, как чувствую, что меня сковало всего, вообще двинуться не могу, так и застыл с полуоткрытым ртом, куда еду положил.

А он весь скривился брезгливо и говорит: «А вот это вы совсем напрасно начали делать, Алексей. Есть, знаете ли дороги, по которым лучше не ходить». И дальше чувствую, что голова моя начинает наклоняться вперед, будто кто-то мне сзади давит на затылок, хотя сзади нет никого. В общем, так он меня мордой в мой винегрет и положил.

Леха хмыкнул и замолчал.

– Обалдеть. И что дальше было?

– А ничего. Я, по ходу, пару минут без сознания был, хотя мне казалось, что я не выключался. Когда голову из тарелки поднял, то ни мужика ни свиты его в зале уже не было. Рядом официанты стоят, салфетки протягивают. Я иду в туалет, чтобы умыться и вдруг начинаю там блевать люто. Полчаса там просидел, уже стучать в дверь стали настойчиво. Постепенно меня отпустило, я вышел, расплатился и поехал домой. Такие вот дела, – закончил рассказ Леха.

– И как вы с ним дальше работали?

– Мы не работали. Они попросили вернуть предоплату за очередную фазу проекта и сменили поставщика. Продавцы мои, конечно, этого не поняли, ходили на меня дулись пару месяцев, но я, честно скажу, был рад.

– Да уж, представляю. А как ты все это для себя понял? Ты узнал, кто он такой?

Леха помотал головой.

– Сначала, конечно, хотел навести справки, а потом понял, что это неважно. Он же все сказал прямо: «Есть дороги, куда лучше не ходить». Это ведь конкретная игровая подсказка. Я сунулся – получил по башке. Причем получил легонько, предупредительно. Ему с такой силой заставить меня поперхнуться горошиной в салате – плевое дело. Или газ с тормозом в машине на скорости перепутать.

– Странно как-то, – недоверчиво сказал Сережа. – Не похоже на тебя. Неужели тебе не хотелось разобраться, кто он такой и что это за чертовщина?

– Обычно может и не похоже, но ты же просил рассказать необычные случаи. Этот тип меня так напугал, что играть в детектива мне совершенно не хотелось. Если пальцы сунуть в розетку – получишь разряд тока. Это же не значит, что надо обязательно исхитриться и засунуть их в эту розетку. Сделал выводы, запомнил, пошел дальше. В игре полно разных дорог. И в этом городе кстати тоже, так что предлагаю прокатиться. А то мы с тобой тут как в пионерском лагере после отбоя – сидим и рассказываем друг другу страшилки, – Леха засмеялся.

– Надо же, – задумчиво сказал Сережа, складывая тарелки в посудомоечную машину. – Я думал, у меня страшилка серьезная, а теперь вижу, что бывают и покруче. Они оделись и вышли на улицу – было солнечно и по-утреннему свежо.

Леха поставил машину в соседнем дворе, и пока они до нее шли, Сережа почему-то вспомнил разговор с Алисой.

– А какие у тебя были любимые персонажи в детстве? – спросил он Леху.

– Гвидон Вишневецкий. У меня, как и у него, – детства не было. Я как родился – сразу старым стал.

Они весело засмеялись.

– Ну а серьезно?

– Да я серьезно, бро. Мне читать было некогда. Там, где я жил, вместо обоев использовали газеты, потому что денег не было. Мы сушили полиэтиленовые пакеты на кольях забора. А вместо игрушек у меня были пластиковые цифры из сыра. Так про персонажей книжных я особо не размышлял. Нужно было выбирать. А когда сам выбрался, помочь родным.

– Ну а позднее? – попытывался Сережа. – Неужели никто не нравился из фильмов?

– Ну нравиться может нравились, но ты же я так чувствую, хочешь подвести под это какую-то психологическую муть, типа этот персонаж определяет мою ролевую модель, так? Да я по тону чувствую, что хочешь, можешь не отвечать. А мое «нравится» к ролевым моделям отношения не имеет. Для меня кино всегда было выдумкой, которая очень слабо с жизнью соотносится. Поэтому вместо туманных мечтаний, я вполне конкретно прокачивал своего персонажа.

– Окей, – Сережа решил не продолжать.

– Так что – это был какой-то тест психологический?

– Ну вроде того, да.

– Ну вот, я же говорю – у меня чуйка. Сразу секу этот разводняк. Туфта это все. Я о человеке больше скажу по иконкам на его телефоне или датчику бензина в машине.

– По датчику бензина?

– Конечно. Вот у тебя часто загорается лампочка Low fuel? – спросил Леха и тут же громко заржал. – Ах да... прости... я забыл... у тебя же теперь машины нет. Ты нищоброд. Ладно, пойдем, я тебе дам свою порулить. Может, тоже купишь. Будешь как нормальный пацан. Потом даже издашь мемуары «Из грязи в князи. Путь нищоброта». И там в начале напечатаешь слова благодарности твоему другу Лехе, который в трудную минуту жизни подставил свое плечо.

Пока Сережа регулировал под себя глубокое ковшеобразное сиденье, а затем расположение руля, Леха искал запись выступления своей новой подруги, с которой поругался прошлой ночью.

– Прикинь – захожу я, значит, к ней на концерт, а там уже около сцены стадо ее павлинов сидит. Причем если послушать, то все разговоры про открытое сердце, прекрасную душу и безусловную любовь. А я-то вижу, что они только и думают, как свой «мутатор» ей пристроить. Что я, не знаю что ли, как это бывает? – фыркнул Леха.

Сережа закончил с регулировками и запустил двигатель. Звук у «Порша» и правда был отменный.

– Мы вот с тобой обсуждали как крыша уезжает. Пришло время перейти к практике, – Леха нажал кнопку, и крыша машины быстро поднялась и сложилась в специальный отсек багажника.

– Кстати, – вспомнил Сережа, выруливая на улицу, – а ты послушал аудиокнигу Грофа, которую я тебе присылал?

– Не, – Леха махнул рукой. – Я поставил и сразу выключил – невозможно слушать, много басов.

Ответ сначала показался Сереже странным, но потом он подумал, что сам откладывает бумажные книги, если ему не нравится их шрифт.

– Ну если много, давай повысим частоту, – сказал он вслух и нажал на газ, слушая, как двигатель быстро набирает обороты, и звук становится более высоким.

Естественный отбор

Пронзительный вой сирены заполнил все этажи здания, забравшись даже в самые дальние углы. Люди в кабинетах недоуменно переглядывались, некоторые улыбались, но большинство выглядели встревоженно.

В настенных динамиках похрюкало, и раздался голос, напоминающий времена, когда большая часть сотрудников еще не родилась или ходила в детский сад: «Внимание! Учебная пожарная тревога! Всем немедленно покинуть здание, используя эвакуационные выходы!»

– Тьфу ты! Где они только такие голоса берут? – отодвинулся от стола Вова. – Или это у них специальный сэмпл, еще с той поры?

– Чего за прикол? Сережа, можно я не пойду? У меня еще пачка необработанных договоров висит, – Лена недовольно встала и подошла к окну. – Смотрите, там внизу машины пожарные приехали.

В коридоре послышался шум открываемых дверей, громкие голоса, смех и саркастические реплики.

В комнату вошел Костя.

– Объявление слышали? Я сейчас на седьмом был, сказали, что надо всем выйти. Отсидеться не получится.

«Седьмым» называли седьмой этаж, где располагалось высшее руководство Вайме. Слово сочетание «на седьмом» в холдинге говорили с характерным придыханием, понижая голос. А «встреча на седьмом» для большинства была почти равносильна свиданию с богом. Обычные пропуска не позволяли туда даже подняться. Для участия во встрече на седьмом требовалось заранее предъявить службе безопасности приглашение на встречу и активировать специальный допуск. Причем он выдавался на 15 минут – если в рамках этого интервала ты не зашел на этаж, то нужно было идти за новым.

Сереже это напоминало военную часть, где он проходил армейские сборы в университете. Там был отдельный туалет для офицеров, который запирался на ключ. Из разговоров со служащими курсантами Сережа тогда с удивлением узнал, что для многих из них этот ключ был вполне реальной мотивацией. Во всяком случае, они всерьез его перечисляли.

Конечно сотрудники Мандельвакса и других недавно купленных компаний не упускали случая потроллить обитателей «седьмого», но смех смехом, а играть по их правилам приходилось всем. Два раза в месяц по пятницам «на седьмом» проходила стратегическая сессия бизнес-юнита, в состав которого теперь входил Мандельвакс, так что Сереже с Костей нужно было подниматься наверх. В прошлый раз Костя был в отпуске, и Сережа ходил один, так что сегодня они поменялись.

– Ну и что там сообщают наши владыки из своих небесных чертогов? – ехидно поинтересовался Вова. – Как они вообще поживают? Чем заняты?

– Как обычно, – устало отмахнулся Костя.

– Ясно... «Все интриги, вероятно, да обжорство», – ухмыльнулся Вова, демонстрируя неожиданную начитанность.

– От обжорства они не страдают, а вот интриги действительно продолжают. Ну чего сидите – пойдемте вниз. Будем считать, что это зарядка. Если окажется, что надолго, то сходим пообедать.

Сережа посмотрел в окно. Казалось, что в здании открыли какие-то специальные сливные краны, через которые под давлением вытекали разноцветные потоки людей.

В конечном счете, подумал Сережа, любая компания – это маленькое общество. А общество, как верно подметил Данелия, не может жить без «цветовой дифференциации штанов».

Как бы красиво не звучали декларируемые ценности, всегда оказываются те, кому можно, и большинство, которому нельзя.

Он положил ноутбук в рюкзак и вышел вместе со всеми. Человеческая река, занимая всю ширину коридора, медленно текла к лестнице.

Вова поморщился.

– Мы что – пойдем в эту давку? Может подождем, пока посвободнее станет?

– А когда настоящий пожар будет, ты тоже останешься ждать? – Света уничтожительно посмотрела на него.

– Света, не «когда», а «если», – назидательно сказал Саша.

– Будь это настоящий пожар, толпа двигалась бы иначе, – пробурчал Вова.

– А если случится пожар, ты меня спасешь? – Света особо выделила предлог «если» и посмотрела на Вову.

– Не знаю, – лениво протянул Вова. – Ты задачку решила?

Поток из двух коридоров слился в один, и вскоре они дошли до ближайшей лестницы. Глядя на спускающуюся впереди себя толпу, Сережа вспомнил студенческие поездки в метро и очереди перед эскалатором в час пик. Его друг называл их «пингвинники». В голове возник Дроздов: «Беззаботная стая пингвинов дружно выходит на свежий воздух для прогулки». Но веселее от него в этот раз не стало.

Неожиданный перерыв, вызванный пожарными учениями, вдруг активировал сомнения, которые начались еще в среду, два дня назад. Идея погрузиться в свое бессознательное, выглядевшая недавно такой важной и многообещающей, теперь казалась дурацкой и несерьезной. На работе набежали важные дела, друзья звали кататься на яхте, родители приглашали на дачу. А вместо этого он собирался два дня лежать неизвестно где в компании незнакомых людей, активно сопеть и пыхтеть. В общем, аргументы «против» были сильны, однако аргументы «за» тоже присутствовали. Их было всего два, но пока что они справлялись с нагрузкой.

Во-первых, он уже подтвердил участие и перевел Николаю \$300 предоплаты, которая не возвращалась при отказе. Сумма была для него несущественной, но мысль о том, чтобы позвонить и отказаться от данного обещания, вызывала почему-то заметный психологический дискомфорт.

Во-вторых, в те моменты, когда включался наблюдатель, было видно, что все аргументы «против» – не столько реальные желания, сколько попытка найти уважительную причину для самооправдания.

И для каждой такой причины внутри возникал тихий голос, который шептал: «не верю». Леха называл такие истории «индугированием» – он часто повторял это слово, после того, как прочитал какого-то автора со звучной испанской фамилией, которую Сережа почему-то никак не мог запомнить.

В среду и четверг он наблюдал, как эти «качели» раскачиваются между точками «Конечно, иду», «Надо еще подумать, возможно нет» и «Сто пудов мимо». Каждое из положений приносило временное облегчение, пока не выяснялось, что противник не повержен, а просто отдыхает. Затем он появлялся, и начинался очередной раунд хождения по одним тем же траекториям. Даже если Сереже удавалось ненадолго заметить их закольцованность, он не понимал, где и как можно разорвать периметр.

Этот изнурительный ментальный «тянитолкай» настолько его утомил, что, проснувшись сегодня, он не стал бегать, а сразу пошел в офис и с головой нырнул в работу, решив таким образом отодвинуть принятие финального решения как минимум до вечера.

В итоге он пришел в офис в семь утра – хорошее время не только для бега, но и для работы. Еще в школе и университете он заметил, что интенсивные мыслительные процессы, например, решение математической задачи, создает своего рода «шум» в пространстве. Пускай предмет размышлений соседа неясен, но сам факт размышлений «слышится» вполне отчет-

ливо. Поэтому когда в больших поточных аудиториях проходили экзамены, Сереже слышался не только гул люминесцентных ламп, но и «скрип мозгов». В первую очередь, понятное дело, своих, поскольку они находились ближе всего.

Что уж тогда говорить об офисе, где сидело несколько тысяч человек. Возможно поэтому некоторые программисты в Вайме принципиально работали в противофазе к общему графику – приезжали после семи вечера и уезжали на рассвете. Подобные ночные бдения Сережа использовал только в экстренных случаях, и они давались ему тяжело – организм хотел спать и после нескольких часов прищипоривания кофе и энергетиками уходил в отказ, начиная выключаться. А вот утренние часы ему нравились – голова была свежей, и офис еще не гудел чужими «думками».

Он заварил пуэр – с недавнего времени на его столе появилась маленькая доска и проливной заварочный чайник – и сел перед экраном. Сначала он ответил на три важных письма, которые откладывал всю неделю, поскольку они требовали неторопливого вдумчивого анализа и внимательного формулирования. Потом обновил два слайда с архитектурой их решения в Сашиной презентации, которую тот показывал крупным клиентам. Затем распечатал и разложил перед собой аналитические отчеты с различными внутренними метриками. Они позволяли увидеть в решении потенциально узкие места в основных пользовательских сценариях.

Днем делать такие задачи было сложно, ввиду большого количества отвлечений, поэтому когда выдавались утренние часы, как сегодня, он использовал их для несрочных, но важных дел. В рамках дня, недели и даже месяца их важность могла быть незаметна, но на более длинных дистанциях в основном именно они обеспечивали бизнесу взрывной рост.

Срочных задач всегда было достаточно, чтобы занять ими все имеющееся время. Но далеко не все срочные задачи были важны. Эту мысль Сережа прочел у Киосаки еще до рождения Мандельвакса, но только начав управлять бизнесом он понял, насколько она ценна. Поэтому с самого начала они с Костей регулярно синхронизировали свое видение стратегии, откладывая на это время все тактические вопросы в сторону.

Света пришла в девять. Она полила цветы и села на свое место, уставившись в задумчивости на листок бумаги перед собой.

– Ты чего призадумалась? – спросил ее Сережа.

– Вова мне задачку вчера задал. Говорит, что делает из меня программиста.

– А ты не хочешь?

– Да мне программирование вообще неинтересно. Я собираюсь в будущем заниматься цветами и ландшафтным дизайном.

– А зачем ты берешься решать его задачки?

Света потупилась и взяла карандаш.

Они с Вовой постоянно подкалывали друг друга в течение дня, но Сережа давно заметил между ними взаимную симпатию, которую они пока маскировали.

– Стесняешься отказаться?

Света тихонько кивнула, отковыривая ногтем ластик на кончике карандаша.

– А ты говорила ему, что программирование тебе не нравится? – Света молчала.

– Тоже стесняешься? – Она снова кивнула и покраснела.

– Он не поймет. Он же фанат программирования, ты сам знаешь. До ночи сидит на форумах специальных, решает тесты, читает про всякие новые штуки. И на выходных то же самое.

– И как ты себя чувствуешь от этих задачек?

Вопрос висел в воздухе так долго, что казалось ответа уже можно не ждать, а потом раздался резкий сухой щелчок.

– Я поняла, – бросила Света в ведро половинки сломанного карандаша. – У меня папа так в детстве делал. Мы уравнения в школе проходили, и я не понимала как их решать. Все эти иксы, игреки. А он мне толком объяснить не мог и только говорил – «думай», «нет», «не

правильно». «Ну ты совсем тормоз». «В кого ты такая дубина у нас в семье». «Кого мы вырастили?» «Объясняю второй и последний раз – для самых тупых». Он смеялся, для него это была игра, а я его ненавидела в эти моменты. У меня не было никого дороже них с мамой, а он со мной вот так поступал. Зачем так издеваться? – Света больше не могла сдерживаться и глухо зарыдала.

– Вот так я себя чувствую, – голос ее стал звонче. – Унижение, обида и желание дать в лоб. Зашибись, блин, утречко. – Она надела солнцезащитные очки, взяла из сумки косметичку и вышла.

Сережа встал и прошелся по комнате. Чего, спрашивается, полез, с досадой подумал он. Своих дел что ли нет? А потому полез, что мало что так подкрепляет чувство собственной ценности, как разговор с другим человеком о его проблемах. Если они серьезные, то ты порадуешься, что у тебя все не так печально. Но чаще бывает, что они кажутся мелкими, надуманными и уж точно куда проще собственных, а потому можно говорить мудрые правильные слова, которым сам однако не следуешь.

Сережа крутанул шеей, так что суставы хрустнули.

Вот он спросил ее «Стесняешься отказаться?», а разве он сам не стесняется позвонить Николаю и отказаться от семинара? Да он уже третий день из-за этого ходит сам не свой. Сережа недовольно подвигал челюстью, а затем подошел к столу Светы и посмотрел на листочек с текстом задачи:

Ты в Воронеже, я в Москве. Ты хочешь отправить мне посылку с твоим драгоценным самодельным мылом. Ты покупаешь крутой замок, который нельзя вскрыть, и вешаешь его на посылку. Вопрос – как тебе отправить ее мне, не передавая по почте ключ? (подсказка: почтой можно пользоваться много раз).

Сзади открылась дверь. Света вернулась.

– Видел? – грустно спросила она, поправляя темные очки. Голос ее звучал глухо, но слез уже не было. – Прости за истерику.

Сережа кивнул.

– Знаешь ответ? – кивнула она на листочек.

– Скорее помню. Мы такое решали в университете на курсе про шифрование. Сейчас бы, наверное, не решил.

– Ну вот и скажи мне – где я и где шифрование? На хрена оно мне сдалось? – с вызовом спросила Света.

На столе зазвонил телефон, и Сережа пошел ответить.

Пока он говорил, пришли Вова с Костей, а потом он ушел на встречи – сегодня все они проходили в офисе, что было удобно. Поднявшийся после сделки статус Мандельвакса позволял чаще вытаскивать партнеров к себе, чем ездить к ним. Когда же он вернулся после встреч случилась пожарная тревога.

И вот сейчас, медленно спускаясь по лестнице к эвакуационному выходу и вспоминая этот уже давно начавшийся день, он нехотя признался, что рад этому фейковому пожару. Пожар давал весомый повод перенести часть сегодняшних рабочих дел на выходные и отменить завтрашний семинар. Сережа осторожно прислушался, что скажет внутренний голос по поводу такого аргумента. Голос тихонько шепнул свое «не верю», но Сережа сделал вид, что не слышит. «Решено, – подумал он, – спущусь и позвоню Николаю».

Огромная толпа уже заполнила площадку перед зданием и постепенно его окружала. Несколько человек в ярко-красных жилетках с мегафонами руководили расстановкой, чтобы использовать пространство максимально эффективно.

Сережа повернулся к Косте.

– Это точно больше чем на час. Я схожу пока домой. Как будут новости – пишите.

– Смотри не засни там на своей сиесте, – подмигнул Костя.

Сереза вставил наушники с шумоподавлением, вызвал Николая и зашагал в сторону Нового Арбата.

– Сереза, привет. Звонишь сказать, что передумал? – весело спросил Николай. Он сказал это так просто, что Сереза даже остановился.

– Привет. Да, ты угадал. Что-то у меня тут наваливается всякое, дела, друзья и вообще. Но я еще не решил до конца. Вот думал с тобой посоветоваться. А как ты понял?

– Обычное дело. Перед началом всегда кто-то спрыгивает, а кто-то наоборот запрыгивает. Я называю это «естественный отбор», – Николай засмеялся. Я никого не уговариваю, такие вещи важно самому решить. Могу только сказать, что у меня самого каждый раз бывают мысли «врубить заднюю». И в этот раз тоже есть.

– Да ну? А почему такое сопротивление – ты ведь уже это делал много раз.

– Делал, да, – Николай немного помолчал, а потом снова засмеялся. В том числе потому и сопротивление. Прошлый опыт здесь не только помогает, но и мешает. Не знаю, как сказать. Я в разговорах не мастер. Когда у меня такие непонятки начинаются, я представляю, что прыгаю со скалы в воду. Будешь размышлять – не прыгнешь. Зато стоит прыгнуть, и сомнений уже нет. Как тебе такое – помогает?

– Немного. Надо подумать.

– Вот как раз думать тут не помогает. Лучше погулять и отвлечься, пообщаться с кем-нибудь ненапряжным, кино посмотреть доброе или вообще спать лечь. В любом случае, я бы тебе предложил не спешить с решениями. Сопротивление накануне – это нормально. Завтра перед классом все только и будут его обсуждать, вот увидишь.

– Хм. Ладно. Посмотрим. Спасибо.

– Напиши завтра утром, что решишь. Хорошего вечера.

Рядом с Серезей остановился мальчик лет 6 на детском красном электровелосипеде. Женщина неподалеку, вероятно его мама, говорила по телефону, оживленно жестикулируя свободной рукой.

– Классный велик, – уважительно кивнул Сереза.

– Это мне папа подарил, – с гордостью ответил мальчишка. – А вы в этом доме работаете?

– Он показал на офис Вайме.

– Да. А как ты узнал? – удивился Сереза.

– Я тут катаюсь. Видел, как вы вышли. А кем вы работаете?

– Я работаю директором, – Сереза улыбнулся мальчугану, но тот выглядел озадаченным.

– Чего?

– А мой папа тоже здесь работает директором, – тихо сказал паренек.

– Вон оно что, – кивнул Сереза, прикидывая как лучше выйти из надвигающегося «соревнования».

– А директор – он самый главный? Как командир у солдат?

– Да. Но в этом здании так много солдат, что их разделили на отряды. У каждого отряда свой командир, и все эти командиры слушают больших командиров, которые сидят на верхнем этаже.

– Мой папа работает на седьмом этаже.

– Выходит, твой папа – большой командир, то есть большой директор.

Мальчик радостно кивнул.

– А вы, получается, маленький директор?

– Получается, что так. Я, – Сереза слегка замаялся, – маленький директор.

– Папа говорит, что командир самый умный и смелый. И должен подавать пример.

– Твой папа молодец.

– Сереза, поехали – нам пора, – раздался женский голос.

Сережа произвольно вздрогнул и повернулся – рядом с тротуаром остановился длинный шоколадный мерседес с мигалкой и черный джип охраны. Женщина, говорившая по телефону, махала мальчику рукой.

– Тебя зовут Сережа? – спросил Сережа паренька.

Тот довольно кивнул и поехал к машинам. Они с женщиной сели в мерседес, а крепкий мужчина из джипа убрал велосипед в багажник. Затем обе машины разом тронулись, и, словно соединенные невидимой жесткой сцепкой, направились к Новому Арбату.

«Маленький директор», – сказал Сережа вслух и криво усмехнулся. Странный какой-то день. Если у меня уже сейчас так психику колбасит, что же завтра на семинаре будет, когда я дышать начну. Он включил в наушниках треки из фильма Джармуша про вампиров и двинулся дальше. Электрогитара и нарочитая дисгармония некоторых звуков погрузила его в какое-то отсутствующее состояние, когда время меняет свой привычный ход. Один трек сменял другой и он сам не заметил, как ноги вынесли его на перекресток Борисоглебского переулка и Большой Молчановки. Здесь располагалась кулинарная лавка и какой-то магазин со скейтами.

Он зашел в кулинарию, взял корейскую морковку, хачапури, чай и сел за столик.

Через несколько минут он почувствовал на себе взгляд. Около прилавка стояла Алиса со скейтом подмышкой.

– Привет. Ты тоже решил сбежать из офиса? – спросила она, отламывая кусочек меда-вика.

– Ага.

– А я тут скейт оставляла на ремонт, зашла вот забрать.

Карман вздрогнул и Сережа достал телефон.

Пришло сообщение от Светы: «Сережа, можешь сказать мне ответ? Только Вове не говори, пожалуйста.»

Он откашлялся и записал голосовое сообщение: «Ты покупаешь крутой замок, закрываешь им посылку и отправляешь ему. Он ее получает, тоже покупает крутой замок, вешает его на посылку поверх твоего и отправляет тебе назад. Ты снимаешь свой замок, и снова отправляешь посылку ему. Он снимает свой и открывает».

Отложив телефон, он вздохнул и вернулся к хачапури.

– Что это было? – с интересом спросила Алиса. – И чего так вздыхаешь тяжело?

– Алгоритмическая задачка. А вздыхаю, потому что грустно наблюдать, как люди идут против себя, чтобы понравиться другому. – Он вкратце рассказал ситуацию, не называя имен.

– Ну и что? – хмыкнула Алиса. – У тебя самого так не бывает что ли?

– Бывает. Потому и вздыхаю. Просто когда смотришь на других, то начинаешь лучше замечать в себе. И кроме того, получается, что отправляя ей ответ, я поддерживаю эту их дурацкую игру.

– Не усложняй, – Алиса махнула рукой. Тебя спросили, ты ответил. Что будет дальше – тебя не касается.

– Может и так. А может и касается.

– А ты уверен, что они в отношениях? Откуда ты знаешь? Читал их переписку?

– Нет, – Сережа удивленно на нее посмотрел. – Мне такое даже в голову не приходило. У вас так делают? Я просто люблю наблюдать за людьми.

– Вообще или как-то конкретно?

– По-разному. Например, обращаю внимание на кого в компании человек смотрит, когда искренне смеется. Наши столы в комнате стоят по периметру, и все друг друга видят, так что когда звучит классная шутка, то можно увидеть, кто на кого косится. Обычно это означает симпатию или, как минимум, интерес.

Алиса прищурилась и посмотрела на него.

– А это ловко, – ухмыльнулась она. – Как ты это придумал?

– Да просто заметил по себе. Как это работает, я не знаю, но работает.

– Может это потому, что если человеку хорошо, то он хочет поделиться этим состоянием с тем, кто ему нравится?

Сережа уклончиво качнул головой.

– Возможно. А может дело в том, что чувство юмора во многом определяется жизненными взглядами. И если в паре один не смеется или они смеются над разными вещами, то им будет трудно вместе.

Алиса сосредоточенно доела медовик, а потом кокетливо посмотрела на Сережу.

– Похоже я не просто так тебя сегодня встретила. Мы готовим внутренний тренинг про то, как проводить собеседования. Я хожу по разным командам и предлагаю руководителям выступить или просто собираю их опыт, чтобы рассказать сама. У меня уже большая пачка умных вопросов, головоломок и тестов, так что мне бы хотелось разбавить ее чем-то вот таким житейским. У тебя есть похожие штуки для собеседований?

– Ну кое-что есть, конечно. Собственно у меня в основном только такие штуки и есть. Я проверяю человеческие навыки, а профессиональные компетенции смотрят Саша или Вова.

– Ну давай твой топ-5. Или хотя бы топ-3, – Алиса достала телефон и приготовилась записывать.

Сережа немного подумал.

– Как правило я спрашиваю человека, как он провел свой последний отпуск. Или узнаю, о чем он может говорить долго и с удовольствием. Я шучу и наблюдаю за его реакцией. Я смотрю на опрятность одежды, ногти и волосы. Но основное – это испытательный срок. Во время него я принимаю главное решение.

– А как ты его принимаешь? На что ты смотришь во время испытательного срока?

– На все. Как он обращается со временем. Например, когда он пишет «буду через 5 минут» он приходит через пять или пятнадцать? Или когда обещает какой-то срок запуска, то какова точность этих прогнозов?

– Ясно, да. А что еще?

– Обычно первое время мы вместе ходим на обед, и там я смотрю, как человек разговаривает с официантом.

– А что тут такого?

– Некоторые общаются с ними как с прислужгой.

– Хм... Алиса что-то записала в телефоне. – Что-нибудь еще?

– Я обращаю внимание, как человек реагирует на мои косяки и как он себя ведет, если ошибается сам. В любом проекте бывают «факапы» и срывы, и мне важно, чтобы человек мог признавать свои ошибки и исправлять, а не объяснять, почему не получилось, или кто виноват.

Алиса выглядела довольной.

– Хорошо, что я зашла сюда, мне нравятся твои штуки. Не хочешь выступить с этим?

Сережа покачал головой.

– А почему?

– Да чего тут рассказывать. Какие-то доморощенные правила.

– Ясно, – засмеялась Алиса. – Можно тогда я сама расскажу и сошлюсь на тебя?

– Расскажи.

– Спасибо. А ты, если передумаешь – приходи. На внутренних тренингах атмосфера спокойная, без пафоса. Приходят только те, кому реально интересно, так что получается душевно.

– Естественный отбор, – вспомнил Сережа слова Николая.

– Типа того, да.

Алиса помахала телефоном.

– Пишут, что можно возвращаться. Ты пойдешь?

– Нет.

– Какой ты загадочный, – сказала она, округляя глаза. Ну ладно, счастливо оставаться.

Она вышла из кулинарии, бросила скейт перед собой и ловко на него запрыгнула.

Глядя ей вслед, Сережа размышлял о перемене своего состояния. Еще полчаса назад он выискивал любой предлог, чтобы соскочить с завтрашнего семинара, а сейчас был полон сил и решимости.

Он вдруг ясно почувствовал, что хочет пойти на семинар, несмотря на волнение и неизвестность. Что это его решение, и для него это важно. Словно его влечет туда какая-то неясная сила, которая больше, чем простое любопытство.

– Естественный отбор, – усмехнулся он про себя, выходя на улицу.

Часть 3. Здравствуй, мир

Уроборос

Семинар проходил в Лужниках, на территории бывшего завода «Союз». По дороге в такси заиграла *Twist in my Sobriety*, и эта «рука», протянувшаяся из детства, подхватила и перенесла Сережу в меланхоличное безвременье.

Вместо связанных мыслей приходили смутные чувства и мимолетные сцены из давнего прошлого, сплетающиеся причудливым образом с прошлым посвежее. Иногда этот странный телевизор напоминал что-то любопытное, что Сережа хотел бы запомнить, но уже в следующий момент понимал, что забыл. Сначала внутренний троллейбус провез его сквозь какие-то рыночные развалы 90-х, потом появились недавние рабочие кадры из офиса Мандельвакса, затем была школа, над которой парашютисты в небе сцепились в индийский символ Ом и приземлились на дерево с ковра-самолета Дзико. Потом было что-то совсем невнятное, а затем Сережа долго катился на лонгборде вдоль Venice Beach в Лос-Анджелесе. Скейт мягко шуршал по ровному покрытию специальной дорожки, с океана дул прохладный ветер, а в небе кричали чайки. Где-то вдали послышалась флейта, ее звук стал отчетливее, громче, и вот уже она полностью вышла на первый план. Сережа помнил этого старого индейца с длинными седыми волосами и шрамом на лбу. Он видел его во время одной из поездок в Америку. Старик сидел на невысоком бетонном заборчике рядом с дорожкой для катания и играл на флейте. Его мелодия была грустной и вечной, как небо, море и ветер. Сережа был уверен, что забыл ее, однако сейчас она звучала совершенно отчетливо, и он сразу понял, что мелодия предназначена именно для него. Он чувствовал, что она сообщает ему что-то важное, и оно вот-вот станет ясным. Сережа уже приготовился что-то понять, но вместо этого раздался неприятный громкий звук, который моментально вернул его в такси. Оказалось, что они уже приехали, и водитель сигналит разлегшейся на дороге собаке.

– Мы на месте. Внутрь заехать не смогу, у них тут строго, – сказал он.

Сережа вышел и направился к проходной. Зайдя туда, он остановился. Казалось, что время забыло про это место и обходит его стороной. Затхлый запах, серая цементная плитка на полу, мерцающие гудящие лампы, на стенах выцветшие бланки заявлений с трафаретными заголовками. Крошечное окошко выдачи пропусков располагалось примерно на уровне пупка, поэтому, чтобы заглянуть туда, требовалось совершить поклон кому-то по ту сторону окошка. Кому-то, наделенному правом пустить тебя или нет. Окошко было закрыто изнутри.

Сережа положил паспорт и постучал.

– Здравствуйте.

– Слушаю, – донеслось с той стороны.

– На меня должен быть пропуск. Кармякин Сергей.

– Компания какая? – окошко приоткрылось.

– Компанию не знаю. Я на семинар по дыханию. Мне только адрес прислали. Могу корпус сказать, – Сережа достал телефон.

– Не надо. Ожидайте, – паспорт исчез, и окошко закрылось.

Сережа выпрямился и огляделся. Рядом стояли три печальных стула с давно истлевшим поролоном в обивке и ножками, перемотанными синей изолентой. Они выглядели настолько уставшими, что нагружать их дополнительно своим весом не хотелось.

И все же кое-какие приметы нового времени здесь имелись. Во-первых, появился современный турникет, а, во-вторых, с внутренней стороны проходной стояли пластиковые двери со стеклопакетами.

Окошко открылось.

– Возьмите. За утерю пропуска штраф 500 рублей.

Выйдя с другой стороны проходной, Сережа снова остановился. В 50 метрах перед ним стоял постамент, на котором большой Ленин делал шаг ему навстречу и протягивал каменную руку для приветствия. Такого в Москве он не встречал уже давно. Несколько лет назад в городе прошла кампания, в рамках которой почти все подобные памятники демонтировали и куда-то вывезли. Сюда она, похоже, не дотянулась. Сереже вспомнились слова Лехи про зиккурат с мумией на площади. Он засмеялся про себя и еще раз посмотрел на памятник – смех отчего-то прошел.

Из интернета он знал, что раньше завод занимался твердотопливными двигателями для ракет и военных самолетов. Но сейчас он переживал сложные времена. Коллектив был почти полностью расформирован, а помещения сдавались в аренду.

Бывшие цеха превратили в лофты с кирпичными стенами – они сдавались подороже, а низенькие служебные постройки «нарезали» перегородками на кабинеты – эти шли подешевле. Когда Сережа с Костей искали место для первого офиса Мандельвакса, то общались со здешними риэлторам, но подвал в центре в итоге победил по совокупности факторов.

Здание, куда он направлялся, оказалось двухэтажным кирпичным домом с надстроенной мансардой. На лавочке у входа сидела молодая босая женщина в пончо и красном тюрбане. Она что-то быстро набирала в телефоне. На фоне унылых заводских построек ее наряд наводил на мысль, что где-то рядом снимают кино. Кроме того, в ней было что-то странное. Подойдя чуть ближе, Сережа понял – у женщины не было бровей, отчего лицо ее выглядело инопланетным. «Может химиотерапию делала, и волосы выпали? Потому и тюрбан такой», – подумал он с сочувствием.

Он слегка кивнул женщине, но она, казалось, этого не заметила, погрузившись в телефон.

Рядом с подъездом курили и болтали двое парней.

– ... оказалось, что она лагает жутко. Просто постоянно виснет. Да так, что три пальца не помогают. Я не знаю, чего там может нравиться. Как по мне мелкомягкие по-прежнему в полете. Маздай был, Маздай остался, – говорил первый, в очках и с длинным хвостом. – Убунту форева.

– Ясное дело, – кивнул раскосый крепыш в футболке с Риком и Морти. Думаешь, я почему на маках сижу?

– Потому что ты подсел на гламур и теперь трудно слезть. И еще потому что ты в крипту вложил и хочешь хоть что-то с этого получить, прежде она обвалится, – ехидно засмеялся первый.

– гы-гы-гы, – передразнил его крепыш. Не завидуй. Никуда она уже не обвалится.

– Ну-ну. Осенью поговорим.

Раскосый затянулся, выдержал паузу и выпустил дым вверх.

– Хочешь поспорим? Если до конца лета биток обвалится больше чем вдвое, я тебе куплю моноколесо. То самое, которое ты себе на рабочий стол скачал и представляешь в своих влажных мечтах.

Очкастый оценивающе поглядел на приятеля.

– За 3 с половиной штуки?

– Ага.

– А если не обвалится?

– А если не обвалится, то ты мне купишь новый мак на m1.

– Вам подсказать что-нибудь? Вы в какую компанию? – спросил раскосый, заметив, что Сережа изучает таблички на двери. Николай написал, что нужно просто подниматься на самый верх, и Сережа хотел посмотреть, куда же он идет.

– Я на холотропное дыхание.

– Это значит к урологам, – хихикнул парень в очках.

– Это шутка, – улыбнулся раскосый. – Компания, куда вы идете, называется «Оздоровительный центр «Уроборос». Они в мансарде сидят. Поднимайтесь на второй этаж, потом до конца направо, и там увидите лестницу.

– Пойдемте, я покажу, – раздался сзади решительный голос. Дама в тюрбане стремительно направлялась ко входу, громко шурша длинной юбкой.

– Вы не обращайтесь на них внимания, – сказала она Сереже и кивнула на парней. – Они еще маленькие.

– Ой-ой-ой. Зато кто-то здесь сильно старенький, – сказал хвостатый.

– И такой бедненький, что на даже на шлепанцы не хватает, – добавил раскосый. Парни засмеялись, но женщина прошла между ними, не поворачивая головы.

– Лучше не спорь с ним, – сказал Сережа очкастому и зашел внутрь.

Духовка

Со второго этажа на мансарду вела узкая деревянная лестница. Каждая ступенька имела свой особенный скрип, и это напомнило Сереже дедушкин дом, где он проводил летние каникулы в младших классах. Когда они, наконец, поднялись и оказались в коридоре женщина в тюрбане повернулась:

– Вот мы и на месте. Если что – обращайся. Я – Кали.

– Кали? – переспросил Сережа. – Как богиня индийская?

Она посмотрела на него, словно прикидывая что-то, а потом ее взгляд застыл, а глаза медленно вытаращились. Так широко, что казалось они вот-вот вывалятся из глазниц. Так же медленно ее рот растянулся в жутковатом оскале, выпустив наружу розовый, раздвоенный на конце язык, кончики которого двигались в противофазе вверх и вниз.

Выглядело это страшно и гипнотизирующе. Помимо отвращения и страха Сережа неожиданно ощутил какое-то почти сексуальное притяжение, которое не давало ему даже отвернуть голову.

Он рефлекторно отшатнулся, чувствуя, как лицо скривилось в безгливой гримасе, и машинально выставил перед собой руку, чтобы Кали не подошла ближе. Она еще несколько раз подвигала кончиками языка, а потом вернула лицо в обычное состояние и улыбнулась – похоже, она осталась довольна эффектом.

– Как тебя зовут? – весело спросила она.

Сережа смотрел на нее молча, чувствуя, как его испуг сменяется злостью.

– Да ладно тебе, – засмеялась Кали. – Захотелось с тобой поиграть. Прости, если напугала, – добавила она с неожиданной заботой.

– Дура, – тихо сказал Сережа, смахивая нахлынувшее наваждение. Кали пожала плечами и пошла по коридору, а он двинулся вправо, туда, где звучали голоса.

Пройдя через арку, он оказался в просторном, без окон, холле с двумя дверями: «Администрация» и «Зал». В углу горел большой торшер, пахло ароматическими палочками и кофе. На кожаных диванах, составленных в форме буквы «П», расположилась компания людей.

Сережа давно привык к фрикам разных мастей, населявшим офис Вайме. Намасленные бороды-лопаты, косички, хвостики, ирокезы, пирсинг и всевозможные татуировки встречались там регулярно, однако здесь помимо внешних атрибутов было что-то еще, какая-то особая атмосфера, суть которой он пока не мог сформулировать.

Он подошел к столику с фруктами.

– Сережа, привет, – послышался сзади голос Николая. – Ты чего такой серьезный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.